

Дарья Норок

Пятнистые души

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дарья Норок

Пятнистые души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67483989

SelfPub; 2024

Аннотация

Много лет назад Левон сильно провинился перед своей сестрой и, даже уйдя из жизни, чувствует себя обязанным оплатить тот долг. Став ангелом-хранителем своего маленького племянника Эмиля, он пытается оберегать мальчика и помогать ему, но много ли может эфемерное создание против вполне реальных бандитов и просто злых или равнодушных людей? Эмиль растет в неблагоприятном окружении, взрослея, попадает в плохую компанию и наконец оказывается в настолько скверной ситуации, что помочь ему не может уже ни один человек. Но ведь Левон – ангел! Возможно, именно теперь ему удастся достучаться до Эмиля и изменить его жизнь к лучшему? Содержит нецензурную брань.

Содержание

пролог	5
глава 1	10
глава 2	18
глава 3	34
глава 4	50
глава 5	67
глава 6	86
глава 7	96
глава 8	119
глава 9	143
глава 10	163
глава 11	183
глава 12	196
глава 13	211
глава 14	229
глава 15	259

Дарья Норок

Пятнистые души

Мужу, благодаря которому всё началось. И сыну, которому еще предстоит преодолеть подростковые проблемы и трудности.

пролог

Я вижу души людей. Каждая из них имеет свою уникальную окраску. Это как отпечатки пальцев – не бывает двух одинаковых. Они переливаются всевозможными цветами и оттенками, которые когда-либо существовали в этом мире. А также такими, о которых человек даже и не догадывается.

Каждый плохой поступок, дурная мысль, злое слово оставляет темное пятно на его душе. От степени причиненного им зла и зависит цвет отметины. Благие же намерения, добрые поступки и хорошие мысли, наоборот, рассеивают темные отпечатки. Тогда появляется светлое пятно.

Человек непостоянен в своем мышлении. Каждую минуту в его голове рождаются и умирают десятки мыслей, которые так или иначе меняют его мировоззрение. Поэтому и душа его не имеет определенных формы и цвета. Так и получается, что людские души похожи на шкуры пятнистых животных, которые постоянно видоизменяются.

Впрочем, есть люди, у которых душа остается практически такой же, как и день, месяц и даже год назад. Таких людей легко разглядеть. Для этого даже не нужно уметь видеть их души. Это убийцы и насильники, сектанты и сумасшедшие, наркозависимые и террористы, а также, пусть вас это не удивляет, священнослужители и набожные люди. Это все те, кто живет одной мыслью, одной целью. Они не видят ни-

чего вокруг себя. Ограждая себя от окружающего мира, они слепо выполняют миссию, которую сами же себе придумали. Они находятся в коконе, который отгораживает их от здравого смысла. У таких людей души серые, тусклые, практически однотонные, а иногда и просто черные.

Хоть я и могу видеть то, что скрывает плоть человека, но я не в состоянии управлять их природой. Люди думают, что я всемогущ, но это не так. Иначе я мог бы полностью контролировать их. Душа настолько непредсказуема и неподвластна, что ее невозможно заставить сделать что-либо. Ее можно только отдернуть, подтолкнуть или направить. Я нечасто вмешиваюсь в их жизни – это привнесло бы хаос в мир. К тому же я не могу быть абсолютно беспристрастен к ним. Представьте, что вам необходимо выбрать, кто из ваших детей умрет. Не можете? Вот и я не могу. Я знаю о любом исходе, который будет, если вмешаюсь. И в большинстве случаев пострадавших будет намного больше, чем если бы я остался в стороне. Пускай ты скажешь: «Как можно не спасти маленького ребенка, которого я в состоянии спасти? Кому будет плохо, если малыш выживет?» Суть в том, что, может, ты и видишь мое бездействие, но ты не можешь узнать о будущем, которое случится, если я направлю внимание матери этого ребенка на то, что он засунул себе в рот монетку. И я не говорю о том, что если этот ребенок выживет, то повзрослев, станет серийным убийцей. Нет. Это как эффект домино: последствия могут появиться через многие поколения. Умрут

десятки людей. И в этом нет вины этого ребенка. Просто его жизнь заденет судьбу других людей, которые, в свою очередь, изменят жизнь следующих. Почему нельзя просто оградить этого ребенка от тех, с кем ему нельзя встречаться? Я уже говорил: душой человека невозможно управлять. И даже если я остановлю эту падающую цепочку домино, начнет падать другая, которая приведет уже к сотням смертей. Еще раз повторяю – я не всемогущ.

У людей есть ангелы-хранители. Они и нужны для того, чтобы пытаться спасти их. Они постоянно находятся с нами, подталкивая или удерживая. Почему ангелы-хранители могут вмешиваться в жизнь людей, а я нет? Это все от того, что ангелы не видят будущее. Они были когда-то живыми людьми. Поэтому-то они в состоянии принять решение так, как это сделал бы обычный человек. Возможно, это и была моя ошибка, но я не мог наблюдать, как из столетия в столетие люди губят себя, утопая во мраке. Вот почему я и создал из светлых душ умерших людей сущности, которые будут оберегать живых. Можно сказать, что я переложил свой тягостный груз на плечи этих приятелей. И я никогда не смогу сказать, что это тоже было правильным решением.

Но не у каждого человека есть ангел-хранитель. Таким людям я хоть и очень редко, но помогаю. Небезынтересно то, что те случаи, когда я все же вмешиваюсь, людям кажутся такими незначительными, что они даже не замечают их. А случайное совпадение, характеризующееся более ярким

и необычным своим проявлением, они принимают как раз таки за божественное проведение. Они даже не подозревают, что одна маленькая деталь может кардинально изменить всю их жизнь. Нет, они, конечно, знают об эффекте бабочки, но проблема в том, что человек никогда не думает о том, что именно с ним это сейчас происходит. И это случается постоянно. Взять, к примеру, упавший березовый лист: совсем крохотный, который я направил чуть-чуть левее, чем он должен был упасть. Он попал на лобовое стекло машины. Мужчина, на долю секунды отвлекшийся от дороги, замечает его и сосредотачивает взгляд на зеленом пятнышке на лобовом стекле. Благодаря этому он и замечает неровную езду поворачивавшей на него машины. Если бы он не сфокусировал в эту секунду взгляд на этой машине, он не притормозил бы, а следовательно, врезался бы на полной скорости в джип. Умерли бы крохотная дочь и жена этого водителя, которая сидела непристегнутая на заднем сиденье и кормила ребенка. Умерла бы и девушка в джипе, за рулем которого был пьяный парень. Остались жить лишь этот самый пьяный сын депутата, которого так и не накажут, и мужчина, не заметивший березовый лист. Мужчина стал бы калекой без цели в жизни. Он бы медленно умирал, поддаваясь пороку, и умер бы от своих же рук. В этом случае я не смог бы принять его, обнять и успокоить его душу. не смог бы отправить его к его родным и дать вечного упокоения. Некоторые упрямо идут во тьму, и тогда я не могу их остановить. Чем темнее у них

душа, тем сложнее мне вырвать их из рук дьявольского мрака, который поглощает и впоследствии уничтожает душу.

В общем, в том, когда я помогаю людям, есть только одна цель – не дать захватить черной бездне душу человека. По сути, я тот, кто охраняет самое ценное, что есть на земле. Я собиратель и хранитель душ.

глава 1

Душа Левона не была плохой. В основном она светилась бежевым светом, на котором виделись пятна молочного кофе, горчичного порошка и зеленой хвои. Он старался жить правильно, не таить злобы, быть любящим мужем и отцом. Но было у него одно пятно, выделяющееся на общем фоне его души, – темно-синего цвета отметина, оставшаяся со времен его молодости. Оно периодически ныло и пульсировало, напоминая ему о ссоре с сестрой. Это не было самым ужасным поступком, совершенным человеком, но стало единственным, что грызло его душу. Единственным, что не исчезало из нее. Единственным, что он не мог искупить или исправить. В глубине души Левон чувствовал, что мог поступить иначе. Он часто думал, что будь мудрее, то смог бы избежать произошедшее.

И, как каждого человека на земле, я знал Левона с самого рождения. И даже раньше. Я знал о нем все уже с того момента, когда его душа только начинала зарождаться во чреве матери.

Души, еще не рожденных младенцев, идеальны. Они светятся ангельским светом. Но стоит им соприкоснуться с внешним миром, как это свечение пропадает. Ну а дальше люди начинают изменять ее под стать своему миру.

Семья Левона была очень бедна. Его отец умер, когда ему

еще не было и четырех лет. Единственное, что у них осталось от него – это ветхий деревянный домик на краю города. В год, когда его отец ушел ко мне, у него родилась сестренка по имени Нана. Она была на три года младше Левона. С самого рождения он полюбил ее и все время защищал от всех опасностей внешнего мира. Мальчик с гордостью называл себя старшим братом и никогда не обижал Нану. Это была чистая любовь – такая, которую можно назвать настоящей.

Жили они в старинном городе под названием Алаверди, который находится в северо-восточной части Лорийского региона Армении.

Мать Левона делала все, чтобы накормить своих детей. Пока они были маленькие, она оставляла их с престарелой соседкой, от которой постоянно пахло старостью и козьим молоком. Сама Мариам уходила работать до обеда прачкой в детском саду, а после шла мыть полы в начальную школу. Всю жизнь Мариам надрывала спину, чтобы ее дети смогли выбраться из нищеты. Она была такой же, как и сотни тысяч матерей по всей Земле, которые готовы были отдать жизнь ради своих детей.

Несмотря на то, что Луцине часто ругала детей, Левон и Нана обожали старушку, у которой Мариам оставляла их до вечера. Она стала им родной бабушкой. Только у нее дети могли поесть так, чтобы не чувствовать голода ночью. Даже повзрослев, Левон вспоминал ее и чувствовал при этом запах свежее испеченных лепешек, по которым безумно скучал.

До обеда дети помогали бабушке по хозяйству: таскали воду из колодца, собирали хворост, кормили кур, а также помогали с готовкой еды и мытьем посуды. После этого дети могли свободно гулять, если, конечно, бабушка не наказывала их за шалости, которые они успели натворить. В свободное время они могли заниматься своими важными детскими делами.

Дети росли. Теперь Мариам могла оставлять их одних дома. Они были предоставлены на целый день самим себе в те дни, когда им не надо было идти в школу. Но дети все равно с утра приходили к бабушке Луцине и неизменно помогали ей.

После того как Левону исполнилось двенадцать, а Нане девять, дети стали уходить гулять дальше бабушкиного двора. Они лазили по деревьям, гоняли птиц в поле, дразнили соседских собак и строили замки из камней на берегу реки. Но любимым их занятием было устраивать тайники в заброшенном соборе. Каждое воскресенье Левон и Нана бегали в собор, принося в свои тайнички скромные сокровища. Все игры в этом месте казались особенными и знаменательными. Свет проникал сквозь узкие проемы окон, падая на руки и лица детей, и наполняя здание таинственностью. Левон вытаскивал камень из кирпичной кладки стены и доставал оттуда коробку с маленькими сокровищами: камушками причудливой формы, клювом маленькой птицы, который он нашел у себя во дворе, крупными пестрыми раковинами, обна-

ружившие на берегу реки, а также самую главную свою ценность – самодельную рогатку. Он пользовался ей только для того, чтобы сбивать фрукты с верхушек деревьев. У Наны же в ее сокровищнице были разноцветные перышки, засушенные цветы и ее любимая вещь, которую Левон нашел и сразу же подарил ей – металлическую заколку для волос в виде божьей коровки. На ней уже давно поблекла вся краска, а местами и вовсе начала осыпаться. Девочка ее не носила, серьезно воображая, что наденет в день своей свадьбы, когда вырастет.

В общем, детство у детей было счастливое. В своей нищете их маленькая семья была очень дружна. Они радовали мое сердце. Но все это было до одного рокового момента, который изменил жизнь Левона и Наны навсегда. Этот рок впоследствии и определил их судьбу.

Люди сильно заблуждаются, предполагая, что рок – это что-то плохое. Он ни зло, ни добро. Он не губит людей, а просто выполняет то, что должно случиться. Но иногда рок становится прародителем того прекрасного, что будет в будущем. Служит толчком для более счастливого исхода, хоть изначально и кажется, что все направлено на то, чтобы уничтожить тебя.

Так и считала Мариам. Хоть она и видела сплошные преграды и неудачи в своей жизни, но все же не переставала мечтать. Женщина грезилась о том, что ее дети не будут жить в нужде. Она цеплялась за каждый шанс, который ей предо-

ставляла судьба. А судьба, в свою очередь, готовила всем им непростую жизнь.

Мариам делала все, чтобы вырвать своих детей из клешней нищеты и бедности. Она стремилась добиться счастья и благополучия хотя бы для одного своего ребенка. И вот каким-то чудом женщина умудрилась договориться о свадьбе дочери с богатым женихом. Тогда Нане было уже шестнадцать. В тех местах считалось ненормальным, что в этом возрасте у девушки еще не было мужа и ребенка. Тяжелое время для девушек в те времена. Но я видал и похуже.

Жених был на семнадцать лет старше Наны, что пугало ее еще больше, чем будущее расставание с мамой и братом. Ей предстояло переехать в дом жениха и стать примерной и тихой женой. Нана была красивой, хозяйственной и очень умной девушкой. Последнее, конечно же, мало волновало родителей жениха. Нана сразу поняла, что ее обрекают на рабскую жизнь. От природы она была очень веселая и яркая. Жизнь бурлила в ее жилах, светясь яркими искрами в глазах. Брак с таким человеком и жизнь в доме, где свекровь будет каждую минуту контролировать ее действия, была подобна смерти. От девушки не требовалось быть интересной и мудрой. Ей не нужно было оставаться энергичной и обаятельной. И уж тем более никто не ждал, что у нее окажутся свои мечты и планы. От нее хотели только одного – чтобы она была хорошей матерью и примерной женой.

Левон поддерживал мать в ее выборе, так как тоже пони-

мал, что у Наны больше не будет возможности выбраться в богатую жизнь. Но девушка впервые в жизни пошла поперек слова Мариам и Левона. Она рыдала в ногах матери, прося отменить свадьбу, и целовала руки брата, чтобы он помог ей убедить Мариам. Левон, на удивление сестры, был упрям и строг, в то время как их мать тяжело страдала и рыдала вместе с дочерью. Но тем не менее своего решения женщина не изменила.

За долгие годы тяжкого труда Мариам быстро состарилась. В свои пятьдесят семь лет она выглядела на десять лет старше. У нее было слабое здоровье и больные ноги. У Левона сжималось сердце, когда он видел, как его мать, хромая, идет через комнату, чтобы сходить в туалет. Он работал не покладая рук, чтобы вылечить мать, но этих денег катастрофически не хватало даже на жизнь. Именно поэтому в его сердце затаилась злоба на Нану. Впервые он стал жесток с сестрой. Левон видел, как хватается мать за сердце во время очередной семейной ссоры, случившейся из-за нежелания Наны выйти замуж, и гневался еще больше.

Мечта Мариам о богатой жизни дочери стала началом семейной драмы, которая случилась впоследствии.

Нана сбежала за неделю до свадьбы. Она так и не смогла пересилить себя. Родители жениха посчитали, что это оскорбление, и отменили церемонию. На семью Левона упала тень позора. Это стало настоящим ударом для Мариам. Ее надежды и мечты разрушились.

Когда Нана через десять дней решила вернуться домой, было уже поздно просить прощения у матери. Не выдержав удара, Мариам умерла. Это случилось за четыре дня до того, как девушка вернулась домой. Тело уже было погребено, а злость на сестру укоренилась в душе Левона окончательно, превратившись в ненависть.

Тот день, когда Нана вернулась домой, Левон запомнит на долгие годы. Он будет вспоминать его с той же злобой, будто это случилось вчера. Конечно же, спустя много лет его память все же сгладит все подробности, оставив только боль в душе и платок матери, упавший на плечо Наны в тот момент, когда она лежала на полу.

В тот день Нана зашла в дом и сразу заметила гнетущую тишину, обволакивающую стены и мебель. Левон, оцепенев, сидел на пустой кровати матери, глядя в пустоту и держа в руках тот самый платок Мариам. Красные глаза его были налиты слезами.

Для Наны стало шоком то, что сказал ей Левон. Их мать умерла, и в этом он винил ее. Она и сама винила себя всю последующую жизнь. Но большим шоком для нее стало то, что брат впервые поднял на нее руку. Этот день разбил ей сердце. Она навсегда потеряла ту энергию, которая бурлила у нее в груди.

Сначала Левон, не сдержавшись, ударил ее по одной щеке, но почувствовав накопившуюся ярость, которая сама по себе начала высвобождаться, не смог остановиться. Он про-

должал бить ее по лицу, пока она не упала на пол. Это не остановило его. Ненависть закрыла ему глаза.

Нана тоже будет вспоминать этот день с содроганием сердца. Она запомнит на всю жизнь, как брат, плача, нависает над ней, и, обхватив руками ее шею, душит. Девушка не сопротивлялась. Смотря в его стеклянные глаза, наполненные яростью, и ощущая теплые слезы брата, падающие прямо ей на лицо, она мысленно просила о смерти. Нана чувствовала, что заслужила это.

Позже Нана спрашивала себя, что же остановило тогда Левона. Почему в тот момент, когда она уже чувствовала руку матери у себя на плече, он резко поднялся на ноги и медленно вышел из дома? Это была их последняя встреча. Левон ушел из дома, не забрав с собой ничего. Больше они не виделись при жизни.

глава 2

Левон вышел из кафе. Он забрал выручку, полученную за день, и проверил видео с камеры видеонаблюдения. В последнее время мужчина начал замечать нарастающий убыток в своей кофейне. Он стал подозревать кассира, который мог воровать деньги из кассы. Левон решил каждый день просматривать видео с камер. Сегодня он опять не нашел ничего подозрительного. Но и прибыль начала увеличиваться с того момента, как он начал делать это. Поэтому, а может, уже по привычке, он продолжал каждый день проверять их.

Убедившись, что все идет своим чередом, и за сегодняшний день не было никаких проблем, он со спокойной душой отправился к банкомату, который находился за углом соседнего здания. Кассир проводил его недобрый взглядом, когда тот выходил из кафе, отчего Левон сразу решил, что нужно будет поискать на его место другого человека.

Он не стал брать машину, так как был уверен, что не сможет найти место для парковки у банкомата. Поэтому Левон решил оставить автомобиль у входа своего кафе и вернуться за ней уже после того, как положит деньги на карточку. Левон давно уже привык, что в таком большом городе было быстрее дойти пешком на соседнюю улицу, чем искать место, где можно поставить машину. Он всегда так делал, не беспокоясь, что с ним может произойти что-то плохое.

У банкомата никого не было, кроме молодого парня, который стоял в метрах пяти от него. Он внимательно смотрел на экран телефона и что-то печатал. На голове у него была черная кепка и странного вида солнечные очки на глазах. Опершись на стену, он держал в зубах сигарету. Парень не выглядел подозрительно. Таких, как он, сотни в этом городе. «Возможно, он просто ждет девушку или друга в условленном месте. К тому же на улице ясный день. Кому придет в голову красть деньги посреди оживленной улицы, да еще и среди дня?» – подумал Левон. Но на секунду у него в груди что-то екнуло. Стараясь отбросить плохие мысли, он подошел к банкомату. Парень взглянул на него. Осматривая его с ног до головы, он продолжал затягиваться сигаретой. Левон слегка улыбнулся и кивнул ему, подсознательно надеясь, что этим жестом сбросит с себя беспокойство. Парень не ответил, и Левон начал доставать карточку из своего портмоне, стараясь не обращать внимания на неприятного человека. Парень же выкинул недокуренную сигарету в лужу, положил телефон в карман и медленно достал что-то из второго. Он неспешно посмотрел по сторонам и, оценив обстановку, быстрым и уверенным шагом подошел к Левону. Человек стал спиной к банкомату так, чтобы его лица не было видно в камере слежения, находящейся позади него. Он вплотную встал к Левону, приставив пистолет к его животу.

– Отдавай все, что есть, – тихо произнес парень.

Левон встал как вкопанный. От неожиданности он даже

не понял, что именно ему сказали.

– Давай, сволочь, деньги. Я знаю, они у тебя есть,– прошипел он со злостью, вдавливая пистолет сильнее в живот Левона.

Левон неосознанно сжал портмоне в руке. Заметив это, парень схватил его свободной рукой.

– Отпусти кошелек! – прорычал грабитель.

От страха Левон не мог даже разжать пальцы. Он понимал, что ему нужно расцепить их, но просто не мог этого сделать. Со стороны это напоминало игру в перетягивание каната. В какой-то момент Левон услышал оглушающий хлопок. Он увидел оцепеневшего преступника с приоткрытым ртом. Сквозь еле просвечивающие солнцезащитные очки Левон разглядел округленные глаза парня, смотрящие куда-то ниже его груди. Грабитель на секунду заколебался, затем с рывком выхватил портмоне и стремительно убежал за угол дома. Левон непонимающе смотрел вслед грабителю. Его руки сами собой дотронулись до живота. Он ощутил что-то теплое и мокрое у себя на пальцах. Левон спокойно посмотрел на свои ладони, а затем на подбежавшего к нему мужчину, который испуганно что-то говорил ему. Тот начал тянуть его вниз, при этом объясняя что-то. Мужчина пытался посадить Левона на землю, но тот не вполне понимал, почему ему непременно нужно сесть на грязный тротуар – он может и постоять. Левон чувствовал себя вполне здоровым, только дышать было немного тяжело, да и в ушах до сих пор звене-

ло. По мере того как он начал осознавать, что именно с ним все-таки произошло, дышать ему становилось все тяжелее. Все случилось так быстро, что он только сейчас сообразил, что из-за своей глупости в него выстрелили. У него подкопились ноги. Левон сам сел на землю, закрыв глаза руками и опершись локтями о колени. Подбежавший мужчина громко разговаривал по телефону с полицией. Совсем рядом с правым ухом слышался незнакомый женский голос. Девушка что-то спрашивала. Вокруг все гудело и шипело. Голоса людей слышались сквозь какие-то помехи. Тело перестало его слушаться. Левону захотелось лечь. Перед глазами все плыло. Его потянуло в сон. Последнее, что ощутил Левон перед тем как заснуть, была ноющая боль в животе, которая с каждой секундой становилась все сильнее.

«Это кассир организовал», – подумал Левон, проваливаясь в пустоту.

Я не смог забрать его с собой. Не могу я принять душу, пока она сама полностью не захочет этого. А он и не хотел. Зато я дал ему то, к чему душа этого человека стремилась большую часть жизни: возможность убрать пятно, цвета тёмной морской волны, с его души. Оно не давало ему принять свою смерть окончательно. Он понял, что умер, но это пятно тянуло его обратно на землю в неизвестном для него направлении. Но я-то знал, куда именно оно его несёт. Оно никогда и не переставало его туда тянуть. Просто раньше физическое тело не давало душе той свободы, которую он почувствовал,

когда покинул его. Все материальные заботы были позади, осталось лишь то, что действительно важно.

Глаза Левона не могли привыкнуть к той белизне, которая яркой вспышкой возникла вокруг. Но вскоре тишина постепенно стала заполняться неясными звуками, а ослепительный свет рассеивался, раскрывая темные очертания мебели.

Левон оказался посреди маленькой комнаты. Свет слабо проникал сквозь сломанные жалюзи. Пахло табаком и еще чем-то кислым. Комната была грязная и серая. Все вокруг старое, обои местами отклеивались. Во всю стену стоял громоздкий шкаф. Ковра и вовсе не было. На полу лежал старый линолеум с дырами, в которых забились пыль и грязь. А в углу находилась облезлая детская кроватка.

Левон только сейчас заметил, что был не один в комнате. На холодном полу сидел мальчик. На вид ему было около трех лет. Он сосредоточенно переставлял фигурки маленьких пластмассовых роботов. Ребёнок издавал звуки, имитирующие то ли взрывы, то ли выстрелы. Это занятие полностью поглотило его. Именно их он слышал словно вдали, когда свет стал рассеиваться.

Левон обратил внимание на открытое окно. На улице была поздняя осень, а ребенок одет только в синие колготки да хлопковую майку. У мальчика бегали мурашки по всему телу, но он не замечал этого из-за своей очень интересной игры. Левон двинулся к окну, чтобы закрыть его, но рука остановилась в паре сантиметров от створки. Он посмотрел на

свою руку, развернул ее ладонью вверх, медленно пошевелил пальцами. Ему не нужны были объяснения – он все вспомнил. Левон снова протянул руку к створке и дотронулся до нее. Мужчина чувствовал холодное дерево у себя под пальцами. Но когда он попробовал толкнуть ее, чтобы закрыть, рука прошла сквозь деревянную раму. Он ни капли не испугался. Левон медленно повернулся к сидящему на полу ребенку. Не спуская с него глаз, мужчина подошел к нему и сел на корточки. Он попытался разглядеть лицо мальчика. Ребенок был смуглый. Глаза в тусклом свете казались черными, хотя Левон был уверен, что они должны быть карими, такими же, как и у его матери. Волосы у мальчишки кудрявые и совсем темные, а нос с едва заметной горбинкой. Он был копией Наны – на его лице рассыпались такие же веснушки.

Левон сел на пол рядом с ребенком. Он смотрел на мальчика широко раскрытыми глазами.

– А я и не знал даже, – прошептал Левон. – Вот, оказывается, как.

Мальчик не слышал его. Для ребенка в этой комнате никого не существовало, кроме него самого. Он спокойно продолжал играть, не замечая ни холодного ветра, гуляющего по комнате, ни мужчины, наблюдающего за ним.

Спустя какое-то время Левон удивился тому, что ребенок так долго находится совсем один, да еще и с открытыми окнами. Дверь в комнату была закрыта, за ней ничего не было слышно. Он встал с пола и подошел к двери. Левон с пер-

вого раза понял, как все устроено, поэтому вытянул руку и стал давить на дверь. Рука после легкого нажима на дерево прошла насквозь. Не останавливаясь, он неуверенно прошел следом за исчезнувшей рукой. Мужчина оказался в такого же убогого вида коридоре. Запах сигаретного дыма усилился. Из соседней комнаты слышался негромкий храп. Левон подошел к ней и остановился на пороге этой комнаты. Он увидел спящего мужчину на старом диване. На полу стояла бутылка водки, а на маленьком столике тарелка с куском колбасы и грязная рюмка. Левона передернуло от отвращения. Он медленно приблизился к этому человеку и стал рассматривать его: высокий худощавый мужчина, брюнет, небольшой шрам на левой скуле. На вид ему не дашь больше тридцати пяти лет. Он лежал на спине, закинув одну руку на грудь. Из приоткрытого рта был слышен тот самый храп.

– Свинья, – произнес Левон.

Злость подкатила к его горлу. Нельзя было это так оставлять. Левон попробовал дотронуться до лба спящего мужчины, чтобы разбудить. Его пальцы ощутили тепло кожи этого человека. Он попытался надавить рукой на него, но она тут же прошла насквозь.

– Вставай, скотина! – крикнул Левон, закипая от злости. – Как ты можешь спать тут, когда твой ребенок в соседней комнате совсем один! Еще и с открытым окном!

Левон было пнул диван, но его нога прошла насквозь, и

он повалился на пол.

– Черт, – прорычал он, поднимаясь на ноги.

Осознав, что он ничего не может сделать, Левон со злостью в душе вышел из комнаты. Он решил осмотреть жилье. Это была двухкомнатная квартирка на втором этаже старого пятиэтажного дома. Мужчина даже выходил на улицу, чтобы понять, в каком городе находится, и это открытие не удивило его. Это был его город, там, где он жил большую часть своей жизни. Они, оказывается, с Наной жили в одном городе, только район этот был весьма беден, в отличие от его частного сектора.

«И не такие совпадения в жизни бывают», – подумал он тогда.

Все оставшееся время Левон находился в комнате со своим племянником. Он, нахмурившись, сосредоточенно наблюдал, как маленький мальчик играет: лезет в шкафы, достает не очень безопасные предметы для маленького ребенка, копошится в опасной близости с розеткой и сует себе в рот всякий мусор, попадающийся ему на глаза. Левон все время неосознанно поглядывал на окно, боясь, что ребенок вдруг захочет залезть на подоконник. Но самого мальчика, похоже, не особо интересовало ни окно, ни то, что находилось за ним.

Через пару часов Левон услышал звук открывающейся входной двери. Он резко встал с кресла, когда входная дверь открылась, и в нерешительности замер на месте. За дверью

послышался вздох и шелест снимаемой с себя куртки. Дверь в комнату медленно открылась. На пороге была Нана. Она выглядела измученной и уставшей. Лицо ее осунулось, а сама она пополнила. Ей было уже тридцать четыре года, но из-за морщин под глазами и уставшего взгляда она выглядела старше. Ее длинные черные волосы были заплетены в тугую косу, а сама она была одета в старый джемпер черного цвета и неприглядного вида джинсы.

Нана встревоженно посмотрела на сына, который уже сидел в кресле всё с теми же роботами. Он стащил голубое одеяльце из своей кровати и накрылся им.

– Боже мой! – испуганно сказала Нана, направившись напрямиком к окну. – Марсель! – закричала она. – Марсель! – еще громче позвала она спящего мужчину. Никто не ответил.

– Мама! – пролепетал мальчик.

Нана быстро открыла один из шкафов и достала из груды одежды теплую водолазку для сына. Подойдя к ребенку, она ловко подняла его на руки и поцеловала. Ребенок к тому времени уже что-то рассказывал ей на своем языке. Он энергично жестикулировал, показывая маме роботов, пока та натягивала на него теплую одежду. Нана улыбалась и кивала ему в ответ.

Левон испуганно наблюдал за сестрой. Он как будто смотрел на незнакомого ему человека. Ее лицо было только отголоском прошлой живости и счастья, которое он помнил. Он даже не задумывался о том, какой она стала спустя столько

лет. Левон и представить себе не мог, что она могла так измениться. Ему стало больно. На ее лице отображались все те трудности, с которыми она столкнулась в жизни. Только сейчас он стал задумываться о том, как его сестра жила все эти годы. Девушка осталась совершенно одна, когда он ушел. В один день она потеряла и мать, и брата. Ей было тогда всего шестнадцать. Он мог только догадываться о том, через что ей предстояло пройти после этого. Почему-то эта мысль стала явственнее именно сейчас, когда он умер.

Нана посадила сына в кроватку и накрыла одеялом, а сама быстро вышла из комнаты. Левон увидел, как Нана прошла сквозь такую же сущность, как и он сам. В дверях стояла Мариам. Все это время она была там и разглядывала его самого, пока он рассматривал Нану. Мать ласково улыбнулась ему. В ее глазах поблескивали слезы.

– Мама, – на выдохе произнес он и двинулся в ее сторону.

Левон крепко обнял ее и уткнулся лицом в плечо. Он тихо плакал, а она гладила его голову рукой.

– Вот и ты тут, – тихо произнесла женщина, отодвигая его от себя. Она хотела лучше рассмотреть его. – Какой ты стал старый, – с улыбкой сказала Мариам, качая головой из стороны в сторону.

– А вот ты ни капли не изменилась, – сквозь горький смех ответил Левон. – Даже помолодела.

– Мы выглядим настолько старыми, насколько стары наши души. Так уж тут устроено, – она пожала плечами. – А когда

я вижу, как Нана играет с Эмилом, чувствую себя моложе.

Мариам еще раз обняла сына и, отодвинувшись от него, посмотрела на внука. Тот лежал под теплым одеялом и медленно моргал, глядя на перекладки своей кровати.

– Значит, ты решил оберегать его, – утвердительно сказала она.

Левон тоже посмотрел на Эмиля.

– Я это понял только пару часов назад. Это само возникло у меня в голове. Я даже не понял, как попал сюда.

– Сынок, как ты умер? – неожиданно спросила она, переводя глаза с внука на сына.

Он нахмурился, вспоминая последнее, что произошло с ним еще этим днем.

– Меня убили, – сказал Левон. И добавил. – Из-за денег.

– Ох ты Боже мой! Все вечно происходит из-за денег! – всплеснув руками, вскрикнула женщина. – Вот почему мы при жизни не понимаем, что деньги – это меньшее, что должно нас волновать?

Она снова всплеснула руками и проворно подошла к креслу. Усевшись в него, Мариам еще раз посмотрела на внука. Левон был счастлив видеть, что у его матери наконец-то не болят ноги, и она ходит действительно как молодая здоровая женщина – легко и уверенно.

– Это моя вина, – она глубоко вздохнула. – Тогда я не понимала, что материальные блага были совершенно неважны для Наны. Они никогда не были важны. Она поняла это го-

раздо раньше, чем я, старая дура. Ей нужна была свобода, а я хотела задушить ее этим браком, – на последних словах ее голос оборвался, и она заплакала. – Из-за меня вы поссорились. Это я виновата в том, что она стала такая, – говорила она сквозь слезы хриплым голосом.

Левон неспешно подошел к матери и сел на пол возле ее ног. Он взял ее руки в свои ладони и поцеловал их.

– Я тоже виноват. И я заставлял ее пойти на это. Но мы же не знали. Мы думали, что делаем лучше для нее, – Мариам покачала головой в знак согласия. Минуту они молчали, глядя на спящего мальчика.

– Знаешь, в тот день, когда меня не стало, я ни на секунду не сомневалась в том, что отправлюсь к Нане. И как только я ее увидела, сразу все поняла. Мне передались все ее переживания. Я поняла, что она чувствовала все это время. Мне было так стыдно за себя. А еще мне было так больно видеть то, что произошло между вами, когда Нана вернулась домой. Левон, я уверена, что чувствовала в тот момент боль в ваших сердцах, когда пыталась разнять вас. Я чувствовала и твою боль.

Сердце Левона сжалось. Он так давно прятал эти воспоминания у себя в душе. Извлекая их так резко, Мариам наносила ему нестерпимую боль. Будто вынимала зазубренный кинжал, который с каждым зубцом рвал плоть еще больше.

Он опустил голову на колени матери, пряча от нее свое лицо. Мариам ласково погладила Левона по спине.

– Прости, сынок, прости... – прошептала она.

Женщина подождала, пока Левон успокоится и поднимет голову, а потом сказала: «Посмотри на него. Если бы все случилось иначе, у нас не было бы такого ангелочка. Вся эта боль подарила нам Эмиля. Кто знает, как сложилась бы жизнь, если бы не все это». Эмиль крепко спал, засунув указательный палец себе в рот.

В соседней комнате послышался крик. Нана все же разбудила мужа и теперь кричала на него. Мариам сразу же встала с кресла и уверенно пошла к стене. Она прошла сквозь нее и оказалась в соседней комнате. Левон же по привычке прошел через дверной проем.

Нана стояла над Марселем и отчитывала его. Он медленно, с недовольным видом надевал носки.

– Не ори, – прорычал мужчина.

– А если он заболит? Ты, что ли, будешь лежать с ним в больнице? Мне придется брать больничный на работе, а это сильно ударит по зарплате! Я итак получаю копейки! Этих денег едва хватает, а ты вечно торчишь дома и ничего не делаешь! Я могла бы понять, если бы ты хотя бы за ребенком следил! Так он же целый день на холоде просидел!

По лицу Марсея было видно, что он вот-вот взорвется. Мужчина натягивал на себя свитер, а скулы его все время напрягались.

– Куда ты собрался? Опять к этим друзьям?

– Подальше от тебя! – заорал Марсель. – Если от меня

никакой пользы, то и надобности во мне тоже никакой нет!

Мариам стояла прямиком у лица Наны и гладила ее щеки своими руками, ласково приговаривая при этом: «Успокойся, успокойся. Не кричи. А то и ударить может».

Левон стоял, ошарашенно наблюдая за всем происходящим. Вспоминая, с какой легкостью его рука прошла сквозь лоб этого мужчины, он не понимал, как мать может гладить ее по щекам. А больше его поразило то, что Нана как будто слышала ее. Она притихла. На глазах у нее заблестели слезы.

– Не надо, – тихо произнесла Нана, – не уходи.

Марсель прошел сквозь Левона в коридор, делая вид, что не слышит ее.

– Ну постой! Не уходи! – уже громче просила она. – Ну прости!

Марсель повернулся к ней и со злобной усмешкой сказал:

– Раз уж я такой бесполезный, так попробуй тогда прожить без меня!

Надев ботинки, он быстро схватил куртку. Марсель открыл дверь и быстро вышел. Нана дернулась от грохота захлопывающейся двери.

Она еще долго стояла в коридоре, молча смотрела на дверь, не зная, что ей делать дальше. Нана знала, что именно ей предстоит вытерпеть в ближайшую неделю. Женщина боялась сдвинуться с места. Это означало бы, что все опять началось сначала. Ей снова придется брать Эмиля с собой на работу, раздражая при этом свою начальницу. Если он все

же заболевает, ей снова придется просить у соседки еды взаимы, так как никто не будет оплачивать то, что она ухаживает дома за сыном. И все оставшиеся деньги уйдут на лекарства. Соседка – женщина добрая, но сама очень бедная. Она живет одна, и ее пенсии едва хватает на коммунальные услуги. У Наны сердце разрывалось, когда ей приходилось идти к тете Ладе для того, чтобы просить у нее милостыню. Но помочь ей было больше некому.

Она снова одна. Марсель вернется не раньше чем через неделю, и ей как-то нужно прожить это время.

Нана вошла в детскую, устало упав в кресло. Женщина задумчиво и с тоской в глазах смотрела на сына. Все было бы легче, если бы она была одна. Если бы она тогда послушала Марселя, а не свой внутренний голос, Эмиля не было бы сейчас на свете, и ей не пришлось бы побираться. Нане часто приходили в голову подобные мысли. Она размышляла о том, какая была бы у нее жизнь, если бы она все-таки сделала аборт. Наверняка ей не пришлось бы так бедствовать, а Марсель давно нашел бы себе работу. Женщина часто думала и о том, что выйди замуж за богатого жениха, как хотела Мариам, ее жизнь сейчас была бы совсем другой. Свекровь рано или поздно умерла бы, муж обеспечивал бы ее и их детей всем, чем только можно, а она сама могла бы делать в свободное время почти все, что хотела. Но вот только ей нельзя было бы иметь своего мнения, и детей бы пришлось воспитывать так, как ей скажут, да и после того как дети вырастут

и разъедутся, она останется все также в золотой клетке. Ей можно будет все, но в пределах своего дома, и то, если это не будет мешать заботе о муже. Нет, такая жизнь никогда бы не устроила ее. Эти мысли начинали пугать ее в тот момент, когда она вспоминала улыбчивое лицо сына. Нане часто хотелось побыть слабой, но обстоятельства всегда вынуждали оставаться сильной. Ответственность за Эмиля не давала ей расслабиться ни на секунду. Как и каждый раз, она в конце концов отметала все эти мысли и собирала оставшиеся силы в кулак.

Материнская забота и ласка появились на ее лице, когда сопение Эмиля пробудило ее от тягостных размышлений.

глава 3

Эмилию было уже десять лет. Нана, как и раньше, оставляла его с Марселем. Только теперь Эмиль проводил почти все время на улице. Он самостоятельно уходил из дома, не оповещая Марселя об этом, а тот никогда и не интересовался, куда его сын уходит каждый день. Это безразличие было взаимным. Марсель попросту не хотел тратить свое время на кого-то, кроме себя, а Эмилию было комфортно от того, что он мог делать то, что хочет, не докладывая об этом мужчине, который называется его отцом. Мальчик никогда не знал, что такое отцовская любовь, поэтому и не понимал, какую роль играет этот человек в их семье. Он знал, что его мать работает для того, чтобы прокормить их. Она заботится о них, когда они болеют, покупает им какие-никакие подарки на дни рождения и другие праздники, оплачивает счета, готовит и убирает в квартире. А этот человек просто присутствовал в их жизни. Он и был, и в то же время не был. За себя Эмиль мог сказать только то, что его миссия была еще впереди. Он собирался вырасти и обеспечить свою маму всем тем, чего она была достойна. Мальчик мечтал купить ей дом, машину и сделать так, чтобы она никогда ни в чем больше не нуждалась. Но это было делом будущего. А сейчас его роль ограничивалась только тем, что он всём, чем мог, помогал маме по дому.

Вот почему, наблюдая за Марселем, Эмиль не понимал, для чего этот человек находится с ними. В таком возрасте мальчик уже мог осознать, что его отец не любит их. Они его только раздражали. Он видел, как его мама все время ругается с ним. А еще он понимал, что Марсель не зарабатывал деньги, в отличие от отцов своих знакомых и одноклассников. И он совершенно точно знал, что отец не принимает участия в жизни и взрослении самого Эмиля. Очень часто ему хотелось, чтобы мама выгнала наконец-то этого человека, тогда они смогли бы счастливо жить одни. А еще он не любил Марселя за то, что тот все время заставлял Нану плакать. Но эта неприязнь еще не переросла в настоящую ненависть. А все из-за того, что Эмиль пока что не видел, как Марсель бьет ее.

Утро воскресенья было довольно тёплым, хоть Эмиль и ходил по рынку в осенней куртке. Эта вещь у него была и летней ветровкой, и осенней курткой, и зимним пуховиком. Мальчик быстро ходил мимо не замечающих его людей и доставал свой карманный ножик, который он украл у Марселя. Эмиль ловко доставал у людей кошельки и телефоны. В лучший день ему удалось украсть весьма дорогой смартфон, помимо еще двух менее дорогих. А также два кошелька со значительной суммой денег. В такие дни он со старшими мальчишками вдоволь наедался конфет и напивался газировкой.

Свой улов, как и все остальные мальчишки, он отдавал главному. Его звали Ринат. Ему было семнадцать лет, и он уже

привлекался к ответственности за воровство. Младшие боялись Рината, так как он мог побить их в случае надобности. Ровесники же его уважали. Ринат стал для всех настоящим предводителем. Он был высоким и худым. Казалось, что этот мальчик не может представлять особой угрозы для кого-либо. Но это только казалось. Все знали, что если дело касалось драки, Ринату не было равных. Он всегда побеждал своих противников, хоть зачастую и не совсем честным способом.

Все решения Рината могли оспаривать только равные по статусу или возрасту ему, но даже у них не хватало на этого духу – Ринат не любил, когда с ним спорят. Младшие же и вовсе не имели права высказывать свое мнение. Им говорилось, когда и где они должны «пасться», и те беспрекословно обязаны были все исполнять. Взамен Ринат отдавал им небольшой процент от их улова, иногда даже покупал им сладости в качестве премии.

Родителей у Рината не было. Как и большинство мальчиков из его своры, он был детдомовцем. Поэтому-то у них было негласно запрещено обсуждать семьи и своих родственников. А те мальчики, у которых все-таки были родители, и сами не любили говорить о них. В основном они были детьми наркоманов и алкоголиков – брошенные дети, никому не нужные. Таким образом, тема семьи стала чем-то неприличным в их маленьком государстве.

Правыми руками Рината были два мальчика: Гера и Эльвир. Они все вместе росли в одном детдоме. Мальчики ни-

когда не занимались кражами, но сбывали все, что младшие смогли украсть. Никто из младших не знал, как именно главные сбывают все то, что те украли, но они понимали, что те, безусловно, выполняют очень важную работу, и им полагаются намного больший процент с этих краж.

На деньги, полученные от Рината, Эмиль покупал себе еду. Ему очень нравилась булочная, которая находилась недалеко от рынка, где работала продавцом его мама. Он прибежал в эту булочную, покупал два пирожка и бежал к ней. Половину своего пирожка он съедал по пути к маме. Пока Нана ела, глядя на сына, Эмиль начинал оживленно зазывать мимо проходящих покупателей. Она давно не спрашивала, откуда у Эмиля деньги на эти пирожки. Женщина была уверена, что ее сын подрабатывает после школы, выполняя мелкие поручения уличных предпринимателей. Он говорил, что таскает воду в цветочные ларьки, подметает и уносит мусор, а также собирает и сдает бутылки. Она верила сыну и даже не сомневалась в его словах. Ее больше волновало то, что ему в принципе приходится всем этим заниматься. У Наны сдавливало сердце от осознания того, что она не может дать своему ребенку всё то, что хотела бы. Даже собирая его в школу, она покупала все самое дешевое. Ей приходилось брать все по минимуму, чего явно не хватало в современной школе. Поэтому-то учителя и не любили Эмиля, а с Наной всегда разговаривали свысока. И она абсолютно ничего не могла с этим поделать. Грусть все чаще появлялась в ее гла-

зах, так как она понимала, что Эмиль растёт, и ему нужно всё больше вещей, чтобы он смог занять достойное место в обществе. Но у неё не было на это ни денег, ни возможностей.

Левон сидел на столе прилавка, на котором располагались носки, колготки и тапочки. Люди проходили мимо, просачиваясь сквозь его ноги. Он уже давно привык не замечать этого. Мужчина, нахмурившись, смотрел на Эмиля.

– И всё равно я не понимаю, почему она допускает это? – сказал Левон, обращаясь к Мариам. – Как она может не понимать?

Мариам сидела на крохотной табуретке за прилавком, в то время как Нана пила горячий чай в дальнем углу ларька.

– А что она может поделаться? – спросила Мариам.

– Разве она не понимает, что деньги, которые получает Эмиль, не могут быть заработаны законным путём?

– И откуда же она может это знать?

– Мы живём в современном мире, – Левон на секунду замолчал. – Они живут... В наше время детский труд незаконен! У ребёнка в таком возрасте просто не может быть работы! Никто в здравом уме просто не согласится нанимать несовершеннолетнего.

– Ну почему же? Очень много детей сейчас зарабатывают деньги своим трудом. Таков уж наш мир. Так было раньше, так будет всегда. Все эти законы, запрещающие детский труд, придуманы депутатами только ради галочки. Какие бы законы ни писали правители в защиту народа, все они фаль-

шивые. Им плевать, соблюдаешь ли ты их или нет. Главное, чтобы ты им дорогу не переходил и деньги у них не забирал. А вот если они посчитают, что, нарушив какой-то закон, ты отнял у них лишнюю копейку, тогда держись! Такое тебе не простится! Они сразу все законы вспомнят, – Мариам засмеялась.

– Фальшивые законы?

– Да! Законы фальшивые, депутаты фальшивые, деньги тоже фальшивые! Все их слова фальшивые, если они говорят о твоём благе.

– Ага, зарабатывают, – саркастично пробубнил Левон после продолжительного молчания. – Так же, как и Эмиль. Эти мальчишки его испортят! Рано или поздно он станет настоящим преступником! А в нём такой потенциал! Он может стать актером. Смотри, какая у него харизма! Людей это привлекает. Смотри, опять покупателя зазвал!

Рядом с Левоном остановилась женщина. Она стала внимательно рассматривать вешалки с платками.

– Может, – спокойно ответила Мариам. – Ну так и помоги ему не стать преступником.

– Но я не понимаю, как ты постоянно влияешь на поступки Наны? У меня ни разу не получилось заставить его поступить так, как нужно.

– А ты не заставляй – направляй! Не пытайся силой привлечь его к чему-то. Он не понимает, что у него есть тот, кто старается оберегать его. Для начала дай понять ему то, что

ты рядом, тогда он будет прислушиваться к своему сердцу, а следовательно, и к тебе.

– Ну и как же мне это сделать? – спросил Левон, поворачиваясь к матери.

– Не знаю! Ты же его ангел-хранитель, а не я! – беспечно ответила Мариам, махнув рукой на сына.

Левон глубоко вздохнул, состроив кислую мину.

– А как ты добилась того, что Нана услышала тебя?

– Тут проще. Нана с самого начала знала, что я с ней. К тому же она с детства прислушивалась к своему сердцу, а не к разуму. Дочка сразу услышала меня.

– Ты думаешь, она осознает, что ты всегда рядом? – он посмотрел на Мариам с любопытством. – Не так, как говорят священники. Я имею в виду в буквальном смысле.

– А ты при жизни когда-нибудь думал о том, что почти за каждым человеком следует призрак умершего родственника? – с издевкой ответила она. – Ты вообще догадывался, что за тобой по пятам ходит твой прадедушка? – Левон поморщился.

– Нет, конечно. Если бы я знал, это весьма бы осложнило мне жизнь. Я бы все время думал о том, что за мной вечно наблюдает мертвец, пусть даже и во благо мне.

– Ну вот и Нана не знает об этом. Она чувствует меня, но думает об этом, как и все люди на земле. Она думает, что я нахожусь с ней в каком-то расплывчатом образе. Как часть души, не имеющая ни эмоции, ни чувств. Но ты же теперь

понимаешь, что это не так.

– М-да, – задумчиво произнес Левон и скрестил руки на груди. – Но я все равно не понимаю, как мне наладить связь с Эмилем.

– Роутер перезагрузи, – пробубнила Мариам.

– Мама! – возмущенно вскрикнул Левон. – Я говорю серьезно!

– Да ясно-ясно. Пошутить уже нельзя.

– Я уже не могу видеть, как он ворует у людей. Это неправильно! Этот Ринат и его банда совсем испортят его! Представляешь, вчера ему дали попробовать покурить сигарету! Я видел, что он не особо-то и горел желанием, но это ведь предложил сам Ринат! – В его голосе появились язвительные нотки. – Как он откажется?! Эмиль побаивается его, хоть и ненавидит. И мне кажется, что это взаимно. Тот все время дает ему самую грязную работу.

– Это нехорошо, – мрачно сказала Мариам. – Эмиль может долго таить злобу в себе, но рано или поздно она выплеснется наружу. Ни к чему хорошему это не приведет.

– Это уже ни к чему хорошему не привело! Он прогуливает школу, курит и ворует кошельки! Куда уж хуже-то?

Мариам посмотрела на сына как на глупого школьника, не выучившего стих.

– Ты не понимаешь, до чего все это может дойти? – Левон молча смотрел на мать, ожидая ответа. – Если Эмиль сорвется, никто из этих мальчишек не будет церемониться с ним.

Эти дети жестоки. Их не просто так называют зверьём. Тебе лучше поскорее направить его в правильное русло.

Левон ничего не ответил. Он и сам все это понимал. Просто хранитель боялся того, что не сможет ничем помочь Эмилю, если дела станут совсем плохи. Левон сотню раз пытался отталкивать племянника от воровства. Старался уговаривать его, нашептывая ему то, что хотел донести до мальчика. Пытался прикоснуться к его щекам, как это делала Мариам с Наной. Но ничего не помогало. Эмиль просто чесал нос рукавом своей куртки и упрямо шел за очередным человеком, которого приметил в массе толкающихся людей. Бессилие злило и расстраивало Левона, но он ничего не мог с этим поделать.

На следующий день Эмиль не стал пропускать школу. Он быстро накидал в старый рюкзак первые попавшиеся тетради и книги, и торопливо стал надевать куртку с ботинками. Мальчик хотел уйти, пока мама снова не стала спрашивать его про школу. Ему нечего было рассказать ей. Он не знал, какие уроки у него сегодня будут, и уж тем более, какое домашнее задание им задали на сегодня. Его спасало только то, что он быстро схватывал учебный материал. Эмиль мог написать контрольную работу, прослушав всего лишь один раз учителя по этой теме. Мальчик был весьма сообразительным ребенком, но в большинстве случаев оценку ему занижали за неряшливость и опоздания на урок, а также за постоянные драки. Учителя давно уже не вызывали Нану в школу, что-

бы разобраться в причине его драк. Преимущественно они всегда наказывали только Эмиля за это. А все из-за того, что мальчишки, издевающиеся над ним, начинали слезливо рассказывать о том, что Эмиль их побил ни за что ни про что. Учитель предпочитал долго не разбираться в детской потасовке. Эмилю никогда не верили. Это злило его еще больше. Поначалу он пытался сопротивляться и доказывать свою правоту, но вскоре понял, что при любом раскладе его снова сделают виноватым. Так зачем тогда доказывать что-то?! Эта обида копилась в душе мальчика, пока в один день он опять не взрывался и не начинал бить с ожесточенной яростью тех, кто всю неделю дразнил его из-за рваной шапки. Он прекрасно знал, что его опять сделают виноватым, но все равно продолжал бить маленькими кулаками того, кто порвал его шнурок на кроссовке. И того, кто дразнил его оборванцем под общий хохот одноклассников, и того, кто кидал на уроке жвачку в его портфель. Классный руководитель давно считал его не вполне адекватным, а дети так и вовсе сумасшедшим и отсталым.

Вот и сегодня Эмилю снова не повезло. На урок прибежала мама одной девочки, утверждавшая, что Эмиль сломал очки ее дочки. Она вошла прямо во время урока и сразу начала кричать, нарушая привычную тишину в классе. Ее голос казался чем-то неестественным в этой спокойной обстановке.

Все взгляды детей были направлены на Эмиля и Риту. Это

была дочь той самой кричащей женщины.

– Эти очки стоят дороже, чем все, что на нем надето! – не унималась женщина. – Его изолировать уже пора от нормальных детей!

Со всех углов класса послышались смешки одноклассников. Рита сидела с низко опущенной головой. Ее хвостики с двух сторон закрывали глаза от посторонних взглядов. Эмиль совсем ничего не понимал. Это был как гром среди ясного неба. Рита была единственной, с кем он играл на перемене. Она никогда не обижала его, а иногда даже пыталась защищать. За это ее тоже не очень любили, но она все равно дружила с ним.

Он вытаращился на Риту, пытаясь понять, что все же тут происходит. Ему казалось, что сегодня выдался особенно спокойный день: он ни с кем не дрался, никто его особо не дразнил, а кухарка даже оставила Эмилю ватрушку, которую позже принесла ему, так как знала, что его мама не может позволить себе платное питание сына в школе. И тут такое! Прилетает, как ураган, эта орущая женщина, и обвиняет его в том, чего он не совершал. Его щеки горели, а к горлу подкатывал ком. Он видел, как капали слезы Риты на ее тетрадку. Обида на нее не давала Эмилю в душе пожалеть девочку. От нее-то он такого совсем не ожидал.

– Я не делал этого, – тихо произнес Эмиль, ошарашенно глядя на орущую женщину.

– Я пойду в прокуратуру! Этого ребенка давно пора вы-

гнать из школы! – продолжала женщина.

– Я этого не делал! – громче сказал Эмиль, пытаясь донести свои слова до учителя.

Женщина замолчала, уставившись на него. Она еще больше покраснела. Эмилю показалось, что она вот-вот лопнет от злости.

– Тебя не спрашивали! – рывкнула на него классный руководитель.

Так было нечестно! Мало того, что его обвиняют в том, чего он не делал, так еще и запрещают защищать себя. Они даже не дают ему оправдаться!

– Я этого не делал! – закричал Эмиль дрожащим от волнения и возмущения голосом.

– А кто же тогда это сделал? – язвительно спросила мать Риты. – Ты вечно торчишь рядом с моей дочкой! И вообще, она сама это сказала!

Глаза Эмиля чуть не вылезли на лоб. Он снова посмотрел на Риту. Та, уже не скрывая, рыдала, утирая слезы со щек.

– Мама, я не... – пропищала Рита.

– Молчи! Знаю я все, можешь даже не говорить! – перебила женщина дочь. – Я запрещаю тебе общаться с ней! Чтобы я больше не видела тебя рядом, оборванец! – завопила женщина, обращаясь уже к Эмилю.

Он чувствовал, что вот-вот разрыдается. Обида грызла его изнутри. Одно дело, когда его ругают за то, что он подрался, хоть и не считал себя виноватым в таком случае, а

другое, когда тебя обвиняют в том, чего ты не совершал. Губы Эмиля начали трястись, глаза налились слезами. Он понял, что его никто не собирается слушать, хоть поначалу у него и была надежда на справедливый исход. Учитель давно невзлюбила его, и даже если она будет знать, что Эмиль не виноват, все равно примет сторону этой женщины. Ей было только в радость.

Эмиль сорвался с места. Он захотел спрятаться, скрыться от глаз одноклассников. Мальчик не хотел никому показывать свои слезы. Пробегая мимо женщин, он почувствовал холодную ладонь на предплечье, которая больно сдавила его тонкую руку. Учительница крепко схватила его, не давая двинуться дальше.

– Тебе не разрешали выходить! Бестолковый какой! – прорычала она, встряхивая его, чтобы он не брыкался.

Эмиль всеми силами пытался сдержать рыдания в груди. Эта ненавидящая его женщина как будто специально хотела, чтобы он расплакался на глазах у всего класса. Как будто ей было мало того, что они оклеветали его. Мать Риты надменно ухмыльнулась, глядя прямо ему в лицо. Этому Эмиль уже не мог выдержать. Он со всей силы рванул плечом вперед, одновременно разжимая пальцы учительницы своими маленькими пальцами. Эмиль выбежал из класса под общий хохот одноклассников. Женщины что-то возмущенно кричали ему вслед. Эмиль даже не хотел знать, что именно.

Все его тело тряслось, голова кружилась, а мысли пута-

лись. Он бежал, не помня себя от обиды. Только позже мальчик понял, что убежал из школы. Остановился он только тогда, когда почувствовал усталость и холод во всем теле. Его горло обжигало холодным воздухом, который он с силой вдыхал во время бегства. Эмиль выбежал на улицу без куртки и шапки. Все вещи остались в школе. Ему было холодно, но он не хотел идти обратно.

Это все было так нечестно! Эмиль часто сталкивался с несправедливостью в своей жизни, но в большинстве случаев это были детские разборки между мальчишками. Здесь же присутствовали взрослые, с которыми он не мог тягаться. В свои десять лет он уже понимал, насколько неправы и жестоки могут быть взрослые. Также мальчик понимал, что с этим он ничего не мог поделать. Эмиль был не в состоянии противостоять им, но и смириться с этим он тоже не мог. Матери он никогда об этом не рассказывал, боясь расстроить ее. Она и так часто плакала из-за Марселя, поэтому он не хотел становиться ещё одним поводом для ее слез. А ещё ему было стыдно за то, что его все дразнят, что он не такой, как все, что он не может ничего с этим поделать.

Левон чувствовал, что детское мировоззрение Эмиля стало меняться. Хранитель ощущал, как черствела душа мальчика. Он будто прятался в кокон. Это еще больше отдаляло их друг от друга. Левона удивляли те упрямство и чувство справедливости, которые только усилились от того, что с ним поступили несправедливо. Любой другой ребенок раз-

мяк бы, не зная, что ему теперь делать, но внутри Эмиля появилась целеустремленность, которая усиливала его характер. После того как Эмиль выплакал все слезы обиды, в его душе не осталось места для жалости к себе. Сейчас Эмиль стоял спокойный и решительный, хоть снаружи и выглядел испуганным маленьким мальчиком, который дрожит от холода. Что-то менялось в его душе и характере в такие моменты. Для него самого это было незаметно, но Левон чувствовал эти изменения. С каждым разом это озадачивало и пугало его все больше.

Проходящие мимо люди удивленно таращились на мерзнувшего на улице ребенка, который тяжело дышал и не мигая смотрел перед собой.

– Ты что тут делаешь? Тебе разве не нужно быть в школе в такое время? – спросил пожилой мужчина, проходящий мимо Эмиля.

Эмиль посмотрел в лицо мужчины.

«Ему-то от меня что нужно?» – подумал он.

– Ты что, меня не слышишь? – требовательно продолжал мужчина. – Что за дети пошли, никакого уважения! Видимо, отец тебя мало порет! Что ты тут делаешь в таком виде?

Эмиль разглядывал лицо человека и думал: «Неужели и я стану таким же морщинистым и противным?»

Он молча отвернулся от бубнящего человека и спокойно пошел в сторону школы. Ветер продувал его старый джемпер насквозь. По всему телу бегали мурашки.

Левон медленно шёл вслед за мальчиком, ощущая неясную тревогу. И чем ближе они подходили к школе, тем сильнее это чувство усиливалось. Вдобавок к этому Левон чувствовал свою беспомощность. Он снова не смог помочь Эмилю. Мальчик совершенно не слышал его. Он привык с самого раннего детства надеяться только на себя и на голос разума. Этот ребенок был рассудительным, но никогда не прислушивался к своему сердцу. Так обычно ведут себя только взрослые, которые разочаровались в жизни.

Со временем люди разочаровываются в людях, работе, даже в жизни. Они привыкают жить, следуя только своему разуму, а не сердцу. Взрослые способны любить, верить и мечтать, но людское сознание до конца жизни будет хранить память о пережитых предательствах и разочарованиях, поэтому их сердце все время будет сопротивляться, опасаясь новой боли. Это и удивляло Левона. Он чувствовал в мальчике взрослую разочарованность в этом мире. Временами мальчик цинично смотрел на мир и посторонних людей, ища в них выгоду для себя, либо полностью отстранялся от тех, кто был ему неинтересен. Он потихоньку переставал кому-либо доверять. Единственным теплым чувством, таящимся в его душе и не дававшим ему полностью очерстветь, была любовь к маме. Эмиль хотел заботиться о ней, поэтому-то у Левона оставалась небольшая надежда на то, что он еще сможет помочь племяннику.

глава 4

Левон стоял, облокотившись о грязную стену. Он был рядом с племянником, который сидел на пыльной от цемента перекладине. Хранитель устало наблюдал за тем, как Эмиль затягивается сигаретой. Они находились на территории заброшенной стройки, которую остановили еще пять лет назад из-за банкротства застройщика. Никто не выкупил этот недостроенный дом, поэтому он давно служил местом для их сходки.

Эмилю было уже четырнадцать лет. В его лице за эти четыре года появилась некоторая жестокость. Левон изо дня в день наблюдал за его перевоплощением. Только хранителю было видно, во что этот мальчик превращается. В глазах подростка теперь была холодность, похожая на ту, которая была у Рината. Он оставался всё таким же закрытым и спокойным, но теперь в нём чувствовалась скрытая агрессия, которая вот должна вырваться наружу. Для Наны же он оставался все таким же послушным маленьким сыном. Хоть Эмиль и стал выглядеть более грубым, Нана не могла разглядеть этого через призму своей материнской любви.

В помещении находилось четверо, не считая сущности тех, кто считался хранителями. Сейчас, помимо Левона, тут был еще престарелый мужчина в старомодной рубашке и помятой кепке, и молодая женщина в довольно приличной

одежде. Женщина все время что-то причитала, ходя вокруг сына. Она мучилась от тех же мыслей, что и Левон. Старик же, если и испытывал ту же беспомощность, что и другие, по крайней мере не показывал этого. Он только изредка вздыхал, глядя на правнука. Все три покровителя одинаково не смогли найти путь к сердцу своих родных, от чего и страдали, наблюдая, как те губят свои жизни. У четвертого же мальчика не было ангела-хранителя. Ему было еще девять лет, но он уже знал, что такое одиночество. Родственники хоть и бросили его совершенно одного, но большинство из них еще были живы. Возможно, именно поэтому у мальчика еще не появился тот, кто мог бы чувствовать ответственность за его судьбу.

Левон не сразу понял, как отличить простого человека от ангела-хранителя. В отличие от живых людей, хранители не могли проходить друг сквозь друга, поэтому в первые месяцы он то и дело сталкивался с ними лбами. Со временем Левон начал понимать, в чем их отличие от живых людей. Он стал чувствовать волну тепла, исходящую от них. Это было похоже на то чувство, которое ощущаешь, когда приближаешься к костру. Чем ближе они находились друг к другу, тем явственней это чувство было. Сейчас же он даже издали мог распознать их. Хранители либо выглядели так, словно пришли с другой эпохи, либо их взгляд был постоянно сосредоточен на своем подопечном.

Мальчики ждали Рината. Он должен был прийти с минуты

на минуту. Двое из мальчишек сидели на полу, играя в карты, а самый младший, Артур, молча стоял неподалеку, наблюдая за ними. Эмиль же запивал сигаретный дым пивом. Руки, державшие бутылку, стали совсем грубы: на костяшках пальцев были засохшие ссадины, под ногтями – грязь, а на ладонях – мозоли.

У Левона уши сворачивались в трубочку от их разговоров. Он удивлялся тому, как эти дети умудряются выражаться. Между собой они ругались, как повывавшие жизнь рецидивисты. Это было явным следствием недостатка воспитания и плохой атмосферы, в которой они постоянно находились.

Крики мальчишек, споривших насчёт правил игры, нарастали. В полупустом помещении их ругань звучала будто из громкоговорителя. Эмиль допил свою бутылку пива и швырнул ее прямо в карты мальчишек. Воцарилась секундная тишина.

– Заткнитесь вы уже, – тихо произнес он после недолгого молчания. – Ринат скоро должен прийти.

– Ты че, припух, что ли? Я же выигрывал! – начал один из мальчишек, но, взглянув в глаза Эмиля, что-то пробубнел и отвернулся.

Эмиль и бровью не повёл, он только продолжал пристально смотреть на подростка, который стал с раздражением собирать карты. Они и сами не могли понять, почему стали побаиваться Эмиля, даже тогда, когда тот был совершенно спокоен. Со стороны он мог даже показаться их предводителем.

лем, если бы не его реакция на Рината. Как только подросток его видел, неосознанно начинал напрягать все тело. Подсознательно он чувствовал, что этот человек несет угрозу для него. Остальные это замечали. Они прекрасно понимали, что Эмилю все еще было далеко до Рината. Взглянув на главаря, в глазах Эмиля появлялась ненависть, перемешивающаяся со страхом. Теперь они больше походили на соперников, нежели три года назад, когда Эмиль бегал по его самым глупым поручениям. Постепенно Ринат сам переложил их на Артура. Неизвестно, было ли это чутье самого Рината, который начинал чувствовать соперничество со стороны Эмиля, или же реальное понимание того, что Артур был более податливый, чем Эмиль, поэтому никогда не будет идти поперек его слова.

Почти все в их шайке понимали, что рано или поздно Ринат сядет в тюрьму, так как он становился все более неаккуратным. Главарь чувствовал власть и уже не мог остановиться в своей вседозволенности. Пока что он только чудом не попадался властям. Но рано или поздно удача покинет его – ничто не может длиться вечно. Ринат уже был совершеннолетним, поэтому его будут судить по всей строгости закона, а следовательно, необходимо будет искать другого главаря. Более смысленные подростки понимали, что на роль следующего предводителя больше всего подходит именно Эмиль, несмотря на то что в этой своре было еще трое приближенных к Ринату сверстников. Но у тех не хватало характера

для этого. Они были слишком зависимы от мнения Рината. Эмиль же был не такой. Он хоть и был вместе с ними, но создавалось такое впечатление, будто мальчик существовал отдельно от них. Он не зависел от мнения окружающих, словно его не интересовала банда в целом, а только выгода, которую он мог получить от нее. Такая отстраненность гарантировала бы рассудительные и холоднокровные решения, которые не основывались бы на тщеславии главаря. Это было бы правильным решением для всех. Но если бы в этом мире все поступали правильно, люди бы никогда не начинали воевать.

Через десять минут появился Ринат. Он внезапно вышел из соседней комнаты. Главарь молча прошел мимо, не взглянув ни на кого. Из рассеченной брови шла кровь, затекая ему прямо в глаз. Он по-хозяйски уселся в большое кресло, в которое никто кроме него не имел права садиться. Достав из ящика тумбочки, также принадлежавшей только ему, небольшие пакетики и трубку, похожую на свисток, он кивком головы дал задание Артуру. Тот тут же подбежал к столу, на котором все это лежало, и стал делать привычное уже для него дело. Ринат с нескрываемым раздражением протирал заплывший глаз тыльной стороной ладони. Он не мог нормально открыть его. Все изумленно переглядывались. Эмиль, в отличие от других мальчиков, сразу догадался, что собственно с ним произошло. Он не просто подрался с кем-то – его избили. И Эмиль даже знал, кто это сделал. Ринат явно не сопротивлялся. Это были те мужчины, кото-

рым главарь сбывал все краденое. А понял он это потому, что на руках и костяшках пальцев Рината не было никаких ссадин. Если с ним и случалась драка, то она была по его инициативе, так как бил он всегда первый. Когда главарь хотел драки, его противнику уже было не избежать ее. Каждый раз Ринат бил в челюсть, чтобы его противник потерялся от неожиданности. В эту секунду тот не мог ответить ему. Ринат не переставал наносить удары, и предположительный соперник превращался в жертву. Он предпочитал бить только кулаками, поэтому и костяшки его всегда были в запекшейся крови. Если же человек, которого он хотел проучить, был физически превосходящим его, то главарь брал с собой еще человек пять. По его незаметной команде они начинали бить в спину, ноги и торс, не давая тому подняться с земли. Когда избивание должно было закончиться, решал тоже Ринат. Он обязательно сам наносил последний удар. Такой противник уже не мог ответить ему, что гарантировало ему полную победу без малейшего риска для своего авторитета. Эмиль тоже бывал на таких показательных избиваниях, и ему также не раз приходилось участвовать в них. Но, в отличие от других членов банды, которые из-за стадного инстинкта с энтузиазмом избивали очередную жертву, Эмиль видел в этом только трусость Рината. Когда Эмиль бил таких людей, старался наносить удары в те места, которые сложнее всего было серьезно повредить, в то время как другие били в живот, голову, пах и даже пытались попасть в кадык. Такое положение

дел все чаще не устраивало Эмиля, но он ничего не мог изменить. Эти казни были своего рода наглядным примером того, что несогласных с Ринатом ждет то же самое, что и искалеченного парня. Он никогда не угрожал и не озвучивал этот факт, тем не менее все прекрасно это понимали.

Сейчас же Ринат снова получил от этих мужчин. Возможно, он опять забылся и огрызнулся на одного из них, а возможно, сделал что-то и похуже. Это было не в первый раз, когда они его проучили. Он все чаще раздражался от того, что ему приходится следовать их правилам. Ринат чувствовал себя беспомощным в такие моменты. И ему безумно не нравилось ощущать себя чей-то пешкой. Эмилю было даже приятно видеть, что и Ринат хоть иногда чувствует себя точно так же, как и те парни, которых он избивал.

Главарь взял трубку, которую Артур держал наготове. Он глубоко затянулся, держа зажигалку над ней. Он вдохнул, а затем и выдохнул белый дым только спустя восемь секунд. Эмиль каждый раз считал эти секунды. Он и сам не знал, для чего это делает, но в прошлый раз было десять секунд.

«Он нервничает», – подумал Эмиль.

Он знал, что вскоре должно случиться. В такие моменты лучше не находиться рядом с Ринатом. Обычно тот становится агрессивным. Он переставал разбирать своих и чужих. Ему везде мерещились тени, которые хотели поглотить его. В какой-то степени это было правдой. Тьма давно поглотила этого парня. У него не было хранителя, который помог бы

ему. Парень был упрямым и озлобленным на всех и каждого. Он ненавидел всех, кто был лучше его, а еще больше тех, кто был хуже. Ринат презирал больных, унижал стариков, зверски издевался над слабыми и даже калечил и убивал бездомных. Это была полностью темная душа, которая уже не могла вылечиться.

В моменты его безумства всегда страдал тот, кто должен был оставаться с ним, следя за тем, чтобы тот не изрезал себя ножом или осколком стекла. Раньше это был Эмиль, теперь Артур. Ему часто доставалось от Рината, так как он был в три раза меньше и слабее его. Но если главарь в такие моменты все же сможет навредить себе, то Артуру доставалось от него еще больше, когда тот прозревал и видел новую рану, оставленную самим собой.

Ринат развалился в кресле, злобно глядя на всех по очереди. На Эмиле он задержал свой взгляд дольше, чем на остальных.

– Ты сегодня иди к Бобику, – сказал он одному из мальчиков, который играл в карты до его прихода. – Мне нужно еще вот этого. – Ринат взял один из пакетиков, лежавших на тумбочке, и потряс его перед своим лицом. – Деньги, скажешь, потом отдам.

Светловолосый мальчик подошел к Ринату и взял пустой пакетик с неясной надписью. Он был ровесником Эмиля – низкий, но коренастый и вечно чумазый. Его звали Демьяном. Он был один из немногих, кто более-менее нравился

Эмилю. В глазах Демьяна промелькнуло облегчение от того, что он сможет надолго скрыться с глаз Рината. До Бобика было далеко идти, поэтому он пропустит все безумства Рината. Подросток быстро зашагал в сторону выхода, обменявшись напоследок взглядом с Эмилем.

– Мы сегодня попробуем новое место, – сказал Ринат с легкой ухмылкой.

Эмилю очень не понравилось, с каким злорадством тот сказал это, глядя на него и Марата. Внутри у Эмиля все сжалось. Марат был тем мальчиком, который начал было ругаться с ним, когда тот кинул бутылку в его карты. Он терпеть не мог Марата, а тот его.

– Вы идете сегодня на рынок, который рядом с кольцевой. Я уже все пробил – вас не тронут.

У Эмиля душа упала в пятки. На этом рынке работала его мама. Он не мог понять, откуда Ринат узнал об этом, но это явно было сделано специально. Ринат наблюдал стеклянными глазами за его реакцией. Эмиль даже не моргнул. Он знал, что не стоит выказывать свое удивление и страх. Ринат был как хищник, который чувствовал слабость. Стоит только показать ее, как он набросится и разорвет тебя в клочья.

Зато Левон с шумом выдохнул и произнес: «Вот чёрт!»

Не произнеся ни слова, Эмиль встал с перил и направился к выходу. Он взглянул на Артура, который должен будет остаться с Ринатом. Ему стало жалко его, так как он помнил, на что способен Ринат в моменты затмения сознания. Артур

был спокойным и тихим мальчиком. Он знал, что такое жестокость с самых пеленок. Его родители с колыбели избивали его, поэтому он уже привык быть боксерской грушей. Это как раз таки и нравилось Ринату. Артур давно смирился со своим положением и не пытался бороться. Ему просто-напросто было некуда идти. Либо он вернется в детдом, где его будут бить все, либо останется здесь, где его будет бить только Ринат.

Эмиль видел эту несправедливость, отчего у него все внутри закипало. Но сделать ничего не мог. Нельзя было заступиться за Артура – это не в правилах «семьи». Ты вступаешь в нее и принимаешь все правила, если нет – тебя выгоняют из нее. В лучшем случае ты останешься с парой сломанных костей за самовольство.

В свое время Эмилю было не особо сложно сдерживать Рината. Наоборот, это давало ему шанс слегка оторваться на нем, пока тот ничего не соображал. Он, конечно, специально не бил его и не резал, но весьма бесцеремонно заламывал ему руки, когда тот хотел порезать себя. Выкручивая пальцы Ринату, чтобы отобрать нож, мальчик делал это с такой силой, что главарь начинал выть. Эмиль получал удовольствие от того, что мог видеть, как Ринат открывает свое настоящее обличье. Он был жалок и беспомощен. Был похож на умирающую гадюку, которая извивается от боли. От этого Эмиль еще больше ненавидел его.

Левон давно знал, что Ринат боится его племянника. Его

трусость выражалась ненавистью, которой он одаривал Эмиля. Левон боялся, что эта ненависть рано или поздно вырвется наружу. Он понимал, что тот только ждет повода, чтобы натравить на него остальных, и ждал этого с тяжелым сердцем.

Эмиль с нарастающей тревогой шёл по улицам города. Он чувствовал приближающуюся беду. За ним следовал Марат. Они шли молча, даже ни разу не заговорив друг с другом. Эмиль затылком чувствовал, как Марат дырявит его своим ненавидящим взглядом. Тот шел расслабленно, пиная камни и жуя семечки, стараясь выплюнуть шкурки на ноги Эмиля.

– Засранец, – пробубнил Левон, наблюдая со стороны.

Он шел слегка поодаль от мальчиков.

– Сам же на себя и нагребает... – продолжал Левон. – Потом не жалуйся, если он тебя отметелит.

– Идем здесь, – сказал Эмиль, слегка повернувшись к Марату.

Он хотел зайти с дальней стороны рынка, где ларек его мамы будет расположен дальше всего от места, где мальчик хотел «пасть».

В момент, когда Эмиль повернулся к Марату, тот и плюнул ему прямо на левую штанину. Эмиль остановился и замер. В воздухе появилось напряжение. Глаза у Эмиля уже начали наливаться кровью, как Марат сказал: «Прости, само вышло». Марат пожал плечами и сделал безразличное лицо. Он продолжал стоять и беззаботно щелкать семечки, наблю-

дая за реакцией Эмиля.

– Ты либо реально туповат, либо у тебя нет инстинкта самосохранения! – продолжал Левон.

«Это было бы слишком тупой причиной для драки. Он этого и ждет. Я сам буду выглядеть идиотом, когда буду объяснять Ринату, из-за чего побил этого придурка», – возникла мысль у Эмиля в голове.

Он еще пару секунд пристально смотрел на Марата, а затем молча повернулся и пошел по другой дороге.

– А че сюда-то? – сказал Марат. – Здесь же ближе!

Эмиль не ответил. Он продолжал молча идти по дороге, думая о том, что ему нельзя попадаться на глаза матери.

– Свезло тебе, – сказал Левон, проходя мимо Марата и его пожилого хранителя, сохранявшего постоянное молчание. Тот только покачал головой, когда его правнук начал плевать на ноги Эмилю.

Замешкавшись, Марат решил все же последовать за Эмилем. Они снова шли в полном молчании вплоть до самого рынка. Эмиль постоянно думал о том, каким образом Ринат узнал о работе его мамы, а Марат с тупым видом срывал и выкидывал цветы с клумб, рядом с которыми они проходили.

– Ну все, я сюда, – сказал Марат после того, как они зашли на территорию.

Мальчик повернул налево, где было больше народу, и быстро зашагал вперед.

– Стой! – крикнул ему вдогонку Эмиль, но тот уже вбежал внутрь людского потока.

Он сам хотел пойти туда, так как там гарантированно не смог бы столкнуться с Наной. Эта часть рынка была довольно далека от ларька его мамы, да и туалета тут не было, поэтому он не смог бы встретиться с ней даже в тот момент, когда она пойдет в него.

У Эмиля что-то екнуло в груди. Он стоял и смотрел в ту сторону, в которую ему теперь придется идти. Через минуту мальчик глубоко вздохнул и спокойно пошел прямо.

– Эмиль, иди домой, – вкрадчиво сказал Левон.

Ему показалось, что Эмиль приостановился в этот момент. Но немного подумав, подросток снова пошел вперед.

Народу было много, поэтому Эмиль легко затерялся в толпе. Он всматривался в одежду и лица людей, проходящих мимо. Мальчик давно научился распознавать тех, кто притворяется богатым от по-настоящему состоятельных людей. Но дело в том, что ни первых, ни вторых Эмиль не трогал. У первых, как правило, брать было нечего, а у вторых очень опасно. Богатые люди удавятся за копейку. Они поднимут на уши всех лишь для того, чтобы наказать продавца, который не додал ему сдачу. А уж о том, что кто-то украл у них деньги, можно вообще не говорить. Эмиль обворовывал средний класс. Но только тех, у которых жизнь не рухнет от того, что у них утащили телефон. И они не станут поднимать много шума из-за пропажи денег.

Левон очередной раз наблюдал, как у его племянника появлялся хищный взгляд. Выражение этих глаз он видел каждый раз, когда Эмиль намечал цель. Теперь мальчик будет следовать за этим человеком, как стервятник, чующий скорую смерть добычи. Он будет дожидаться, пока жертва сама не покажет, где у него лежит самое ценное. Обычно люди неосознанно прикасаются к определенному карману одежды или сумки, где обычно у них лежат деньги или ценные вещи. Об этом Эмиль узнал еще с самого начала своей нечестной жизни. Он был наблюдательным и ловким, поэтому ему было несложно приспособиться к такому ремеслу.

Эмиль шел за мужчиной, который выглядел как самый обычный человек. Он был одет в простую невзрачную ветровку и синие джинсы. На нем не было ничего дорогостоящего, но и бедняком его мальчик не назвал бы. Это была идеальная цель. Эмиль держался в метре от него. Он выжидал, наблюдая за его движениями. Мужчина неторопливо проходил строительные лавки, вглядываясь в товары на полках. Создавалось такое впечатление, будто он не ищет ничего определённого. Его взгляд не останавливался ни на чем конкретном. Эмиль мог подумать, что этот мужчина просто решил погулять по рынку, но инстинкт самосохранения мальчика давал о себе знать. Мужчина все ближе подходил к тому месту, где торговала его мама. Он начал волноваться.

«Если он в конце повернет направо, то выйдет напрямиком на участок с одеждой, а там через четыре бутика будет и

она», – подумал Эмиль.

– Я тебя прошу, давай домой, – сказал Левон. – Не нравятся мне это.

У Эмиля душа упала в пятки. Он чувствовал себя так, будто первый раз занимается этим. Как будто что-то надвигалось на него.

– Я же чувствую, как ты нервничаешь. Послушай меня – уходи! – не унимался хранитель.

Мужчина уже почти дошел до конца ряда. Эмиль надеялся, что тот повернет налево, но он стал медленно обходить людей, чтобы повернуть направо. В этот момент у него зазвонил телефон. Он остановился и достал руки из боковых карманов ветровки, чтобы достать его. Теперь Эмиль мог видеть то, что находилось в них. Из правого кармана торчал угол небольшого коричневого кошелька.

«Вот, только руку протяни, и сможешь достать торчащий кошелек», – слышал мальчик у себя в голове.

– Не надо, прошу тебя, – продолжал Левон.

Эмиль замер в нерешительности. Его сердце стучало, как бешенное. Ему нужно сделать еще пару шагов, чтобы достать кошелек. Но проблема в том, что он и так находился в опасной близости к бутику мамы. Она запросто может увидеть его.

– Не надо, – не терял надежду Левон, подойдя к нему вплотную и встав перед лицом мальчика.

Эмиль сделал пару шагов, пройдя сквозь Левона. В гла-

зах у него была тревога. Он мельком глянул в сторону бутика Наны. Мальчик сразу заметил ее, несмотря на большой поток проходящих мимо людей. Она стояла спиной к нему, разговаривая с очередной покупательницей.

Эмиль быстро протянул руку к мужчине, чтобы достать кошелек. В то же мгновение он почувствовал холодную ладонь, которая сжала его запястье. Мальчик оцепенел от неожиданности. Эмиль взглянул на свою руку, застывшую и вцепившуюся в коричневый кожаный прямоугольник. Его руку держал тот самый мужчина, у которого он хотел украсть. Он смотрел на него бешеным взглядом. Эмиль ощущал, как начал краснеть: его щеки пылали.

– Что это ты удумал, гаденьш! – заорал мужчина.

Эмиля бросило в холодный пот. Он испуганно смотрел на мужчину и не мог вымолвить ни слова.

– Может, тебе прямо сейчас руки оторвать, а?

Эмиль чувствовал, как люди кругом начинали оборачиваться. Он всем телом ощущал презрительные взгляды женщин и мужчин, тарасившихся на него. От этого мальчик еще больше вспотел. Эмиль попытался отнять руку, но мужчина крепче вцепился в нее. Он больно сдавил ее, не желая отпустить его.

– Больно, – вскрикнул Эмиль, слегка подогнув ноги и наклонившись вбок.

– Больно? Я тебе устрою больно! Я тебе сейчас руку сломаю, чтобы ты больше в жизни не захотел брать чужое!

– Вы его вырвали, я хотел отдать вам его!

– Ты еще и врешь, сволочь! – злобно прошипел мужчина. – Я видел, как ты вытаскивал его у меня из кармана!

Эмиль слышал рокот недовольных голосов кругом. Они цокали и охали. А еще мальчик расслышал такие фразы, как «сажать таких надо!», «вызовите полицию», «это все воспитание!» и «как таких вообще рожают?»

«Они ни черта не знают про меня! Они не имеют право так говорить!» – подумал Эмиль. Он снова ощутил себя маленьким и беспомощным ребенком, который столкнулся с жесткостью взрослых. Он был растерян и не знал, что делать. В глазах у него начало щипать. Мальчик вспомнил свою учительницу и подумал, что она-то была бы рада оказаться здесь и сейчас. Женщина бы высокомерно наблюдала за его позором, а затем сказала что-то типа: «Я всегда говорила, что этот мальчишка – отребье!» Подросток почувствовал комок, подкатывающий к горлу.

– Эмиль... – услышал он до боли знакомый голос.

Он поднял глаза и посмотрел на маму. Она стояла в пяти метрах от него. Руки у нее безжизненно висели по бокам, а в широко раскрытых глазах стояли слезы. Эмиль был не в состоянии спокойно смотреть на ее лицо. Он машинально опустил голову. Испуганное и разочарованное лицо его матери чуть не заставило его расплакаться. Он сжал ладони в кулак и стиснул зубы, чтобы избежать этого.

глава 5

Эмиль сидел перед грузным мужчиной за старым столом с облупившимся покрытием. Подросток не смотрел на мужчину, он продолжал все это время таращиться в пол. Его жгло чувство стыда перед Наной. Каждый раз, когда он вспоминал, как она, унижаясь, просила скандального мужчину не заявлять на сына в полицию, лицо мальчика заливалось краской. Мама сидела в коридоре, но он даже через стену ощущал ее гнетущий стыд и разочарование.

Полицейский молча заполнял какие-то бумаги, не обращая внимания на мальчика. До этого он уже взял показания у потерпевшего. Мужчина оказался очень упрямым. Он требовал, чтобы Эмиля посадили, но полицейский сразу указал на тот факт, что ему еще нет четырнадцати лет, и привлекается он к ответственности впервые. А также что кража кошелька – не основание для тюрьмы. Мужчина перестал скандалить только после того, как Нана обязалась выплатить довольно внушительную для ее дохода материальную компенсацию.

– Ну и почему же ты это сделал? – спросил полицейский, отводя глаза от бумаг.

Эмиль молчал. Он не мог рассказать правду.

– Ну так что? Молчать будешь? Мне так-то нужны и твои показания тоже.

– Он обронил его... Я хотел ему вернуть его, – выдавил из себя Эмиль.

Полицейский ухмыльнулся, качая головой и записывая что-то на листе.

– А почему тогда свидетели говорят совсем другое? – когда полицейский задавал вопросы, Эмиль слышал эхо его голоса, расходящегося по всей комнате.

– Они врут... – тихо произнес мальчик. Свой же голос ему казался ужасно громким.

– Врут?! – воскликнул полицейский. – А может быть, это ты врешь?

Эмиль еще ниже наклонил голову, не зная, что ответить. Он знал, что убеждать взрослых, когда они и сами уже все решили, бесполезно. К тому же это была неправда. У него нет и малюсенького шанса, чтобы убедить всех в своей невиновности.

– Такс-с-с, – выдохнул мужчина, вставая из-за стола. – Сиди-ка здесь, скоро вернусь, – полицейский взял бумаги и направился к двери.

Эмиль попал в оглушающую тишину после того, как дверь закрылась. Она гудела у него в ушах. До этого он хотя бы слышал звук ручки, водимой по бумаге, и глубокое дыхание полицейского. Но сейчас же мальчик ощущал только глухой стук собственного сердца. Впервые за эти долгие часы он поднял голову, чтобы осмотреть комнату: грязные стены и полы, маленькое окошко под потолком с металлической ре-

шеткой, старые стол и стулья. Больше ничего.

– Я же говорил, чтобы ты пошел домой... – расстроено произнес Левон. – Ну почему ты меня никогда не слушаешь? А мне только начало казаться, что ты стал ощущать меня... – он грустно смотрел на племянника, медленно передвигаясь по маленькой комнате.

Прошло примерно с полчаса, прежде чем полицейский вернулся в комнату. Нана зашла следом за ним. Она не смотрела на сына, когда молча села рядом. У подростка защемило сердце от этого. Мариам же зашла в комнату уже через закрытую дверь. Она грустно улыбнулась Левону.

– Так, с ним мы разобрались, – сказал полицейский, обращаясь к Нане. – Если вы не против, у меня будет к вам еще пара вопросов по другому делу.

Нана безразлично покачала головой в знак согласия и потерла глаза пальцами.

– Вы, конечно же, знаете о случае с Миленой в прошлом месяце. Я хотел бы узнать, хорошо ли она общается с Эмилем? А именно: что он делал двадцать шестого марта этого года? Вы сможете это вспомнить? Я, конечно, сомневаюсь, что они были вместе, но мне все же нужно проверить. Может, девочка что-то рассказывала вашему сыну или вам?

У Левона что-то замерло в душе. Он так давно не слышал это имя. Это заставило его вспомнить то, о чем он давным-давно уже забыл.

– Какой случай? Я не в курсе ни про случай, ни про Ми-

лену, – удивленно сказала Нана.

Она взглянула на сына. Эмиль отрицательно помотал головой, озадаченно переводя взгляд с Наны на полицейского.

– Вы хотите сказать, что не знаете, за что задержали Милену?

– Задержали!?! – воскликнул Левон. – За что? – он быстро подошел к полицейскому.

– Да кто такая эта Милена, и почему я должна знать, за что ее задержали? – сказала Нана с легким раздражением. – Эмиль, ты знаешь, кто это?

– Первый раз слышу, – встревоженно ответил он.

Мужчина тупо уставился на Нану.

– Скажите, а как давно вы общались со своими родственниками? – сдержанно спросил он.

Нана побелела. Эмиль заметил, что ее руки, лежавшие на коленях, стали трястись. Она сцепила их в замок и сжала, чтобы унять нервную дрожь.

– Очень давно, – сказала женщина осипшим голосом.

Полицейский нахмурился.

– Спрошу в лоб: вы знакомы со своими племянницами?

Нана шумно вдохнула и прижала руки к груди. Левон подумал, что Мариам при жизни делала точно так же, когда пугалась чего-то. На него нахлынуло гнетущее чувство вины. Он даже не вспомнил про своих дочерей и жену. «Как такое могло произойти? Как я мог забыть о них?» – думал он.

– Я даже не знала, что у меня есть племянницы, – расте-

рянно ответила она. – Подождите, так Левон тоже живет в этом городе? – вдруг дошло до нее.

– М-да... – мужчина замолчал, но, поразмыслив немного, продолжил: – он жил здесь... Дело в том, что он умер двенадцать лет назад, – ответил он, опустив глаза на бумаги. – Его пытались ограбить. Убийцу нашли. Также мы узнали, что убийцу нанял человек, который работал на вашего брата. Его тоже посадили. Прошу прощения, я даже не думал, что вы не знаете.

Левон замер, повернувшись к Нане. Она закрыла ладонями искаженный от боли рот. Сгорбившись, женщина медленно раскачивалась взад и вперед. Слезы полились ручьями по ее щекам. Были слышны только резкие всхлипы, которые она пыталась подавить. Мариам крепко обнимала ее, а Эмиль с ужасом смотрел на мать. Мальчик никогда не видел, чтобы она так вела себя. Ему стало страшно. Мама всегда выглядела жизнерадостной и старалась не плакать при нем даже тогда, когда ссорилась с Марселем. Эмиль только слышал приглушенные всхлипы из их спальни, в которой она запиралась в такие моменты. А теперь он воочию увидел катящиеся слезы по ее запястьям. Она была опорой и каменной стеной для него, а сейчас стала такой беспомощной и хрупкой, что Эмиль запаниковал. Он посмотрел на полицейского, ища поддержки. Но тот встал из-за стола и тихо вышел из комнаты.

Мальчик осторожно положил холодную и мокрую от пота

руку на плечо Наны.

– Мам, – произнес он, погладив ее по плечу.

– Все в порядке, – тихо сказала она Эмилю. – Все в порядке.

Левон видел, как успокаивающе действовало объятие Мариам на его сестру. Его мать будто была материальна, словно имела тепло живого тела, которое утешало Нану. Его сестра опустила руки на колени, а затем накрыла своей ладонью руку Эмиля. Второй рукой она утирала слезы, продолжая тихо всхлипывать.

В этот момент зашел полицейский, держа в руке стакан воды.

– Вот, попейте, – сказано он, присаживаясь обратно за стол.

Левона снова кольнуло чувство вины.

«Оказывается, она все эти годы так переживала за меня, а я даже и не думал найти ее», – подумал он.

– Ладно, смысла задерживать вас я не вижу, – сказал мужчина. – Вы можете идти.

Нана медленно встала, но не тронулась с места. Эмиль уже взялся за ручку двери, приготовившись выйти, когда услышал: «Вы не могли бы дать мне адрес его жены? Я бы хотела познакомиться со своими племянницами».

На следующий день Левон шел по мокрым улицам города, следуя за Эмилем и Наной.

«Что же случилось с моей маленькой Миленой?» – думал он, приближаясь к дому жены и дочек.

Нана решила сразу поехать с сыном по адресу, который все же дал ей полицейский. Они надеялись познакомиться с новыми родственниками, застав их дома. Оба шли молча. Каждый был погружен в собственные мысли. Нана просто еще не могла переварить все, что узнала за один день. Ее мысли накладывались одна на другую. А Эмиль же чувствовал сильную вину перед ней. А еще мальчик пытался привыкнуть к тому, что теперь у него есть сестры. Он никогда не слышал о дяде, и даже не догадывался о существовании двоюродных сестер. Эмиль думал, что в его жизни есть только один родной человек – его мама. А теперь, оказывается, появились еще родные.

– Так, вроде этот дом, – сказала она, взглянув на красивый двухэтажный коттедж, спрятанный за высоким металлическим забором.

«А они богатые», – подумал Эмиль.

– Этот? Она что, переехала?! – сказал Левон.

– А ты чего хотел?! Сказали же, двенадцать лет уже прошло с твоей смерти! Люди живут дальше! – сказала Мариам и усмехнулась.

– М-да... А я и не заметил, как быстро пролетело время. Оно даже при жизни так не летело, а тут такое... И я даже ни разу не вспомнил о своих дочерях... Что я за отец такой?

– Самый обыкновенный! Не сравнивай ту жизнь с этой. Сейчас ты привязан душой к Эмилю. Неудивительно, что ты думал только о нем.

Нана в это время неуверенно позвонила в звонок. Минуты три никого не было слышно. Она нажала на кнопку сно-ва, опасаясь, что никто им так и не откроет. Через секунду они услышали звук открывающейся двери. Кто-то вышел из дома и торопливо подошел к калитке. Через какое-то время открылась и она. За ней стояла очень красивая темноволосая женщина. Она была высокая и очень ухоженная. На вид ей было около сорока. На женщине был очень красивый, доро-гого вида шелковый халат бордового цвета, на котором из-вивались белые драконы. Женщина нахмурилась, разгляды-вая Эмиля и Нану. Ее явно разбудил ранний звонок в дверь.

– Мы не подаем, – резко сказала женщина и стала закры-вать дверь.

– Стойте! Вы не поняли, – дверь закрылась. – Я сестра Левона.

Щелчок замка – женщина снова открыла дверь. Она вни-мательно стала рассматривать своими черными глазами На-ну.

Левон же замер. Он узнал и в то же время не узнал свою Диану. Он заметил каждую новую морщинку, появившуюся у нее на лице. Родинку на ключице, которая стала чуть боль-ше. Приметил ее отросшие до поясницы волосы, ставшие ме-нее густыми. И губы – они явно стали полнее, чем раньше. Несмотря на то, что она была старше на двенадцать лет, вы-глядела женщина очень изящно. Левон смотрел на нее не ми-гая и улыбался, сам того не понимая.

– Я знала, что у него есть сестра, но не думала, что когда-то увижу ее, – задумчиво произнесла женщина, не переставая хмуриться. – Что вы хотели? – напряженно спросила она.

Нана была поражена этим вопросом. В голосе женщины было слышно требование. Она рассчитывала на более теплый прием, несмотря на то что они с братом давно оборвали связь.

– Я... Мы хотели только познакомиться со своими родственниками.

– Познакомиться? Сейчас? Через столько лет? Да ты издеваешься! – левая бровь женщины надменно поднялась. Во взгляде у нее появился холодок.

– Что? Нет... Я просто...

– Да что вы мямлите там! И не надо врать! Скажите правду: вы узнали о том, что мой муж не так давно сделал большое состояние, и решили сесть мне на шею, мотивируя это тем, что вы мои якобы родственники? Да я никому ничего не должна! – глаза ее были полны ненависти. – Не светит вам здесь ничего! – закричала Диана.

Нана стояла, ошарашенно глядя на покрасневшую от злости женщину. Ей стало стыдно, хоть она и не понимала, отчего. Она представляла эту встречу совсем по-другому и уж тем более не ожидала столкнуться с агрессией со стороны этой женщины. Нана думала, что сегодня она найдет сестру, увидит поддержку и ощутит родственное тепло, которое

давным-давно не чувствовала. Но эти беспочвенные нападки обрушили ее слабые надежды. От шока она не могла вымолвить ни слова.

– Ни копейки не получишь! Убирайся, а то полицию вызову! – крикнула Диана и с силой захлопнула калитку.

Эмиль услышал, как через несколько секунд закрылась и дверь дома. Он тяжело дышал. Злился теперь уже он. Эмиль не мог понять поведения этой женщины. Его мама всего лишь хотела познакомиться с ними. Эта женщина не имела права кричать на нее. До него дошло, что взрослые бывают несправедливы не только к детям, но и к таким же взрослым, как и они сами. Он понял, что весь мир – сам по себе одна большая несправедливость. И неважно, кто ты. Тот, кто имеет над тобой превосходство, физическое или материальное, всегда будет несправедлив к тебе. Раньше он думал, что когда вырастет, уж точно сможет постоять за себя и маму, но теперь осознал, что возраст ничего не изменит.

Левон снова почувствовал, как меняется Эмиль. Он ощущал ненависть и разочарование, которое усиливалось в душе мальчика. Снаружи его племянник выглядел просто раздраженным и озадаченным, но внутри у него происходили более серьезные перемены. Левон чувствовал приближающуюся беду.

Нана молча повернулась и пошла прочь. «Она даже не стала бороться», – подумал Эмиль. Но дело в том, что его мать попросту выдохлась. Женщина думала, что эта встреча даст

ей новые силы, толчок для того, чтобы двигаться дальше, но вместо этого получила только очередной удар в спину.

Чем дальше они отходили от дома, тем больше злость Эмиля нарастала в нем. Опять произошла несправедливость. Он снова ничего не мог сделать. Прошло с полчаса, когда он дошел до точки кипения. Тяжело дыша, Эмиль резко остановился. Скулы его были напряжены, а глаза упрямо смотрели на тротуар.

– Идем, – вяло сказала Нана, заметив, что Эмиль отстал от нее. – Ну, давай домой.

Не взглянув на мать, он повернулся и рванул со всех ног.

– Эмиль! – крикнула Нана. – Куда ты? Эмиль! Стой!

Он бежал не оглядываясь. Ему просто необходимо было что-то предпринять. Чувство несправедливости все больше давило на него. Подросток просто не мог ничего не сделать на этот раз. Он не мог смириться с тем, что его маму так унизили. Одно дело он, но его маму... Она не заслужила этого. Достаточно было и того, что он сам вчера опозорил ее.

Левон несся в порывах ветра за своим племянником. Он не бежал, но передвигался с такой же скоростью, как и Эмиль, ни на сантиметр не отставая от него. Эмиль делал пять шагов, в то время как Левон всего один.

– И что же ты хочешь сделать? – спросил хранитель, не ожидая ответа. – Ты же знаешь, что только навредишь себе, если будешь действовать необдуманно.

Мальчик упрямо бежал по мокрым тротуарам, не замечая

луж, в которые наступал. Он боялся, что передумает, поэтому пытался не сбавлять скорость. Он скажет все, о чем думает. Выскажет этой надменной женщине все, что она заслужила.

Левон взгляделся в лицо племянника: щеки покраснели, губы были сжаты в тоненькую полоску, а ноздри раздуты. Подросток бежал, ни на секунду не отпуская ту злобу, которая у него появилась в душе.

– Я не понимаю, как она могла стать такой... – сказал Левон скорее себе, чем Эмилю. – Я знаю, что это несправедливо, – обратился он теперь к племяннику, – но ты не должен делать глупости. Ты же не хочешь, чтобы вызвали полицию. Представь, как твоя мама расстроится, если ей опять придется видеть тебя в отделении полиции.

Лоб Эмиля разгладился: он на мгновение задумался о том, что его действия могут разочаровать Нану еще больше. Мальчик остановился. Левон замер от неожиданности. Он видел эту перемену в его взгляде и боялся еще что-то сказать, чтобы не порвать ту тоненькую нить, которая появилась между ними. Левон физически ощущал ее. Эмиль пару секунд стоял как вкопанный, размышляя о чем-то, но через какое-то время снова вспомнил ту обиду, от которой его мама так побледнела. Он опять нахмурился и побежал вперед. Левон не сразу понял, что произошло. Все это случилось очень быстро. Лучик надежды и света, проникший сквозь душу Левона и Эмиля, мгновенно погас.

– Стой! Подумай о маме! – пытался Левон. – Ты жестроишь ее, – но все безрезультатно.

Эмиль был очень упрямым. Он бежал уже минут пятнадцать, когда увидел нужный дом. Подбежав к воротам, он резко остановился, упираясь руками прямо в холодную металлическую калитку. Отдышавшись с полминуты, мальчик стал нещадно барабанить по воротам, создавая грохот на всю улицу. В соседних домах истошно залаяли собаки. Эмиль продолжал барабанить, пока не услышал звук открывающейся входной двери дома. Далее быстрые шаги и звук открывающегося замка калитки. Дверь отворилась, и он увидел испуганный и в то же время раздраженный взгляд девочки. Эмиль не ее ожидал увидеть. В дверях стояла худая девочка примерно одного возраста с ним. У нее были такие же черные волосы и глаза, как и у той женщины, которая накричала на них.

– Милена... – тихо произнес Левон. – Быть не может! Какая ты... взрослая.

Вначале Эмиль растерялся, но тут же снова нахмурился и требовательно сказал:

– Где она? Где твоя мать?

– А тебе она зачем? – с вызовом и удивлением спросила девочка.

– Где она? – крикнул он.

– Чего ты орешь на меня?! – закричала она в ответ тонким голоском. – Не скажу я тебе ничего!

Милена собралась закрыть дверь, но Эмиль оттолкнул ее и направился к входной двери дома.

– Совсем обалдел, что ли! Ты что себе позволяешь? – завопила она, оббегая мальчика и перегораживая ему дорогу.

Эмиль попытался обойти девочку, но задел ее плечом, отчего та чуть не упала.

– Эй! Я полицию вызову! – крикнула Милена, увидев, что он схватился за ручку и открыл дверь.

– Эмиль! Что же ты делаешь? – испуганно сказал Левон. – Боже, я прошу тебя, ну остановись же!

Эмиль вошел в дом. Милена вбежала за ним следом.

– Эй! Где ты, ведьма старая? – заорал Эмиль во весь голос, заходя в прихожую.

Дом изнутри выглядел еще больше, чем снаружи. Везде были дорогие обои и каменные полы. В центре гостиной находился стеклянный обеденный стол с белыми стульями по бокам. На стенах абстрактные картины, а в углу камин.

Милена вбежала в гостиную, где Эмиль уже взял вазу в руки и угрожающе поднял ее над головой.

– Где она? – спросил Эмиль.

– Да нет ее дома! – закричала девочка во весь голос. – А ну убирайся, пока я тебя не поколотила!

Мальчик удивленно осмотрел ее с ног до головы: худые руки и ноги, тощая фигура, да и ниже она была его на пол-голова.

– Ты? Поколотишь? Ты че, совсем умом тронулась?

– Поколочу! Ты еще не знаешь, какая я сильная! Поставь вазу на место, кому сказала! Она очень дорогая! И вообще, не называй мою маму ведьмой старой! Что тебе надо вообще от нее?

Эмиль подумал, что девочка была уж очень самоуверенной. Любая другая уже начала бы реветь или вовсе вызвала бы полицию, а эта злобно смотрела на него и совсем не боялась.

– Она маму мою обидела! – сказал Эмиль, ставя вазу на место. – Мы были тут час назад, и она была дома.

– А она уехала минут двадцать назад! – язвительно ответила Милена.

Эмиль грозно смотрел на девочку, понимая, что его подготовленные слова не дойдут до ушей этой женщины.

– Что ты зыркаешь на меня так? – вскрикнул Эмиль, раздражаясь от нового разочарования.

– Ты ворвался ко мне домой и еще спрашиваешь?! Вот я сейчас на тревожную кнопку нажму и посмотрим, кто как зыркать будет! – сказала она, направляясь к камину.

Эмиль испугался. Он как будто протрезвел, представив, что его могут опять отправить в полицию. Эта угроза уже не казалась ему такой расплывчатой и неосязаемой.

– Не надо! – крикнул он, перегораживая ей дорогу. – Я уйду.

– Да? А кто полы будет мыть? Ты видел, сколько грязи занес, а Рита появится только завтра! Я, что ли, буду их мыть?

– Рита? – непонимающе спросил Эмиль.

– Да! Рита, Рита – наша домработница.

Эмиль виновато глянул на каменный пол и на свои ноги. Повсюду были следы его старых грязных ботинок. Он снова посмотрел на девочку, которая сложила руки на груди. Она выглядела очень комично, пытаясь походить на взрослого человека.

– Давай я помою... – неуверенно произнес Эмиль.

Милена расправила плечи от неожиданности и опустила руки вниз, но продолжала упрямо смотреть на него. Через пару секунд она повернулась и молча вышла в коридор. Эмиль стоял в недоумении, глядя ей вслед. Он топтался на месте, не зная, стоит ли ему пойти за ней или остаться на месте. А может, и вовсе сбежать?

Через минуту Милена выскочила из-за угла.

– Ну! Я же не могу сама дотащить сюда таз с водой. Идем, что ли! – требовательно сказала она. – Стой! Ботинки-тоними! – крикнула девочка, когда Эмиль неуклюже двинулся к ней.

Он взглянул на свои ботинки и неуклюже начал снимать их. На правой ноге у него была дырка на носке. Он попытался сместить ее под большой палец, но она снова выползала вверх.

– Ну давай уже! – сказала Милена, наблюдавшая за глупыми попытками Эмиля спрятать дырку.

Через пятнадцать минут полы были почти чистые. Эмиль

стоял на корточках в гостиной и домывал последние метры. Милена же уселась в огромное кресло напротив него и пристально следила за тем, как тот убирает за собой.

– Все, – запыхавшись, сказал он и поднялся.

Милена медленно встала и важно прошла, рассматривая только что вымытый пол. Эмиль выжидающе смотрел на нее с тряпкой в руке.

– Сойдет. Иди, вылей воду, – высокомерно заключила девочка.

Мальчик послушно поднял таз с грязной водой и потащил его в ванную.

После того как он вылил и помыл таз, сразу направился к входной двери, где оставил свои грязные ботинки. Милена встала рядом, дожидаясь, пока он наденет обувь. Левон видел, как жесткий взгляд его дочери начал понемногу смягчаться. Теперь она выглядела озабоченной. Как же он был удивлен, когда увидел характер своей дочери, который был точно такой же, как и у Дианы. Она была так похожа на свою маму в детстве. Левон видел старые фотографии, которые Диана показывала ему. И сейчас он видел точную копию той девочки с фотографий.

– Слушай... – тихо сказала Милена, когда Эмиль уже открыл дверь. – А что такого сделала моя мама? – она отвела глаза от мальчика и стала рассматривать обои.

– Наорала на нее ни за что ни про что! А моя мама всего лишь хотела познакомиться, – в голосе Эмиля снова слы-

шались грубость и злость. Милена не подала и вида, что заметила это.

– А зачем ей вообще было знакомиться с ней?

– Моя мама – сестра твоего отца.

Милена широко открыла глаза, снова взглянув на Эмиля.

В ее глазах появилось недоверие.

– Ты врешь, у Давида нет сестры!

– Давида? – ошарашенно сказал Эмиль, пытаясь сообразить, что к чему. – Да я про того, кто умер двенадцать лет назад. Я про Левона, – раздражение снова появилось в его голосе.

У Левона кольнуло в груди, когда он услышал имя нового мужа своей Дианы. Умом он понимал, что она должна была жить дальше и устраивать свою жизнь, но душой страдал.

Милена же задумалась. Высокомерие полностью исчезло с ее лица.

– А-а-а... Биологический отец значит. Так получается, ты мой двоюродный брат, что ли?

– Получается...

– А я и не знала, что у меня есть тетя, – задумчиво произнесла Милена. – Так, стой! А за что мама накричала на нее?

– Не знаю! Она вроде как думала, что мы пришли к ней за деньгами, потому что ее новый муж разбогател, – язвительно ответил Эмиль. – Она не дала сказать и слова и просто накричала на нее!

– А вы не за этим пришли?

– Нет! – крикнул Эмиль. Глаза его широко раскрылись. – Не нужны нам ваши чертовы деньги! Мама просто хотела познакомиться с вами!

– А почему тогда вы решили познакомиться с нами только сейчас, когда мы разбогатели? – девочка нахмурилась и вздернула подбородок.

– Да потому, что мы только вчера узнали, что вы живете в том же городе! Мама даже не знала, что ее брат умер! – Эмиль быстро повернулся и вышел, захлопнув за собой дверь.

В какой-то степени ему удалось оправдать свою маму, от этого он ощутил еле заметное облегчение.

– погоди! – крикнула девочка, открыв дверь. – Где ты живешь?

глава 6

– Кто это тут у нас? – с сарказмом произнес Ринат. – Неужели сам Эмиль нас наконец-то навестил! – он, ухмыльнувшись, глянул на других подростков, которые сидели на перилах и затягивались сигаретами.

– Я не мог прийти, – Эмиль покосился на Рината. – За мной постоянно следили, – Эмиль пытался не выдавать своего раздражения.

– Мамочка не отпускала? – язвительно продолжал Ринат. Остальные мальчики захихикали. Кроме Артура – он с тревогой поглядывал на главного. Артур понимал, что Эмиль пришел не в самый удачный момент. Тот уже успел принять свою дозу, поэтому был дерганным и напряженным. Еще полчаса назад главарь был в приятном дурмане, который окутывал его, но сейчас кайф постепенно исчезал, уступая место раздражению и гневу. В последнее время Ринат пристрастился к более серьезным наркотикам. Это было видно по синякам на его руках. Без них он стал еще более агрессивным. Артур и сам ощутил это на себе, когда Ринат стал отходить от кайфа и злиться на всех, кто был рядом. А еще это почувствовала одна девочка, которая попалась Ринату две недели назад. Он сам во всех красках рассказывал остальным о том, что сделал с ней. Она не заявила на него в полицию только потому, что Ринат до смерти запугал ее.

От этих рассказов у Артура волосы вставали дыбом. Он старался не слушать его в такие моменты. Иногда главарь рассказывал по-настоящему страшные вещи. Например, о том, как нужно душить человека, чтобы тот подольше помучился от боли. Или как отрезать человеку конечности, чтобы тот не умер от потери крови. Никто не задумывался, пробовали ли сам Ринат все это. Никто и не хотел знать, откуда у него такие познания.

Артур хоть и был младше всех, зато лучше кого бы то ни было понимал, что после недавнего провала Эмиля Ринат теперь заикнется на нем, и это явно не закончится ничем хорошим. Эмиль и сам это понял, когда увидел напряженную улыбку главаря. Уходить было уже поздно – Ринат вцепился в него своим взглядом и ни за что не собирался отпускать его.

Тот сидел на своем мягком троне, слегка подавшись вперед. Его глаза улыбались, а пальцы все время находились в движении, перебирая складки протертой ткани на кресле. Эмиль заметил перемены в Ринате, но пока не особо осознал, отчего они произошли и к чему приведут. Но он всем своим нутром чувствовал опасность. Остальные же забавлялись происходящим. Они расслабленно курили сигареты и пили пиво, посмеиваясь после каждой фразы Рината. У Эмиля было такое ощущение, будто он был окружен шакалами, которые только ищут повода для того, чтобы напасть. Они скалились, как гиены, обнажая свои пожелтевшие зубы и не

спуская с него своих хищных глаз.

Эмиль попытался сделать непринужденный вид. Он ухмыльнулся, чтобы подыграть Ринату.

– Беги отсюда, – тихо произнес Левон, не отрывая напряженного взгляда от Рината.

После этих слов улыбка Эмиля дрогнула, а сам он напрягся всем телом. Взгляд его стал отстраненным. Левон снова почувствовал ту нить, которая появилась, когда мальчик услышал его в первый раз, но теперь хранитель стал более четко ощущать ее. Левон осторожно подошел к племяннику. Он встал на корточки, чтобы глаза Эмиля были прямо перед его лицом. Подросток о чем-то размышлял. Левон чувствовал, что тот колеблется.

– Уходи, – снова попробовал Левон.

– Или папочка посадил под домашний арест? – змеиная улыбка Рината расплылась еще больше. Хихиканье превращалось в хохот.

– Скорее свинья в погонах, – безразлично ответил Эмиль, выхватывая из руки рядом стоящего парня сигарету. Тот слегка напрягся и нахмурился, но все же не прекратил посмеиваться.

Эмиль увидел, как пальцы Рината все сильнее впивались в обивку кресла.

– Я вот думаю, нужен ли нам тут маменькин сынок? – хохот слегка притих, превращаясь в напряженные смешки.

Ринат подался вперед. Еще чуть-чуть и он вывалится из

кресла на бетонный пол. Эмиль замер с сигаретой в руках. Лицо его стало хладнокровным и непроницаемым. Он уверенно смотрел Ринату прямо в глаза. Создавалось впечатление, будто Эмиль ни капли не испугался его. Но Левон видел правду. Он чувствовал трепещущее волнение, исходящее от подростка. Нить натягивалась и трещала.

Эмиль молчал. Он понимал, что любое слово, будь то оправдание или шутка, будет красной тряпкой для Рината. Ему оставалось только молча терпеть его издевательства.

– Нам же не нужен плакса? – голос Рината понизился. Его улыбка ужасающим образом сочеталась со стеклянными глазами, в которых Эмиль видел ядовитую ненависть к себе.

Ринат покосился на Марата, который громко жевал жвачку и издевательски улыбался.

– Нам сказали, что ты плакал, как маленькая девочка, когда тебя поймали, – сказал Ринат, снова переводя свой взгляд на Эмиля.

– И кто же такое сказал? – спросил Эмиль, сам того не ожидая от себя.

Одна бровь Рината приподнялась. Он опять взглянул на Марата.

– Эмиль, ну давай же, уходи уже, – произнес Левон торопливо, чувствуя, как разрывается тонкая нить, соединяющая его с племянником.

– А как ты сам думаешь? Кто мог тебя видеть в тот момент, когда ты захныкал? Там не так уж много людей было,

которые могли бы мне сказать об этом, – ядовито произнес Ринат.

Эмиль с отвращением посмотрел на Марата, который всем своим видом показывал, как он наслаждается его позором. Он открыто издевался над ним, пожимая плечами. Эмиля выводила из себя ложь Марата, но он старательно сдерживал гнев. Подросток знал, что стоит ему только замахнуть, как Ринат даст команду остальным своим шавкам. В лучшем случае он сможет всего один раз ударить, а это его не устраивало. Он хотел бы от души оторваться кулаками на лице Марата.

– Ну так как же? Кто мог сказать, что ты плакал, как девочка?

– Даже не догадываюсь... – ответил Эмиль, не отводя глаз от Марата.

– Правда? – у Рината из груди вырвался резкий хриплый звук, похожий на смешок. – Ну а что же ты тогда скажешь в свое оправдание?

– Ничего, – невозмутимо ответил Эмиль. – Я не собираюсь оправдываться, потому что это ложь.

Ринат престал улыбаться. Он медленно откинулся вглубь кресла.

– То есть ты обвиняешь сейчас его во лжи? – с нажимом спросил Ринат.

– Даже не собирался. Я лишь говорю, что тот, кто сказал это, видимо, плохо видел все происходящее.

Ладони Эмиля вспотели. Он весь покрылся холодным потом, а в горле стоял ком. Подросток выглядел уверенным и спокойным, но только Левон знал, насколько его племяннику сейчас страшно.

В свою очередь хладнокровие Эмиля злило Рината. Мало того, это еще и пугало его. Не знаю, что останавливало его, но если бы на месте Эмиля был другой человек, то тот уже был покалечен и изгнан из «семьи».

– У тебя есть проблемы со зрением? – неожиданно спросил Ринат у Марата. Тот перестал смеяться.

– Нет, – озадаченно ответил он.

– То есть ты хорошо видишь?

– Да.

– И ты до сих пор утверждаешь, что он ревел и хныкал?

– Ну да... – Марат напрягся, перестав чавкать жвачкой.

Тот молча, на манер Эмиля, забрал сигарету у рядом стоящего подростка и затянулся. Смех и хихиканье полностью прекратились. В помещении стояла гробовая тишина. Все ждали.

– И что же мне делать? – спросил он, не обращаясь ни к кому конкретно. – Ты говоришь, что он лжет, а ты, что врёт он, – Ринат перевел взгляд с Эмиля на Марата и уже не сводил с него глаз. – Как ты думаешь, что мне делать? Кому верить?

Эмиль почувствовал, что Ринат загоняет Марата в угол. Тот поменялся в лице. Теперь в его глазах не осталось ни

капли усмешки. В них проблескивал страх.

– Не знаю, – неуверенно ответил подросток.

– Кому мне верить? – спросил главварь уже у Эмиля.

Эмиль понимал, что Ринату нужно просто до чего-нибудь докопаться. Даже из-за такой глупости он будет делать целое представление, лишь бы в очередной раз показать, кто здесь главный.

– Ты главный – тебе решать, кому верить, – Эмиль стал открывать и закрывать свой ножик в кармане куртки. Это слегка успокоило его. – Но ты сам сказал, что там было не так много людей, которые смогли бы рассказать всю правду. У тебя есть только два человека, так почему же ты вначале поверил ему? – Эмиль посмотрел на Марата, чтобы Ринат снова переключил внимание на него. И это сработало – Ринат опять впился взглядом в нервничающего подростка.

На лице главваря появилось раздражение. Он понял, что не может вывести Эмиля из равновесия. У него никогда не получалось это, а от природной своей трусости он не мог беспричинно напасть на него. Каждый раз все его нападки каким-то образом отражались безболезненно для Эмиля. Он ненавидел его за это, но не мог пересилить свое малодушие, которое только усиливалось изо дня в день. Ринат самодурился за счет тех, кто боялся его, но не мог победить того, у кого не было ни намека на страх перед ним. Именно поэтому он выплескивал злость на кого-то другого.

– Ну а ты что скажешь? Ты до сих пор уверен, что все хо-

рошо разглядел в тот момент? Ты же видел, как его поймали?

– Эм... Нет, я подошел позже, но я...

– Так значит, ты не видел всего с самого начала? – понижая голос, продолжал Ринат.

– Нет, но я все равно говорю правду, – Марат начинал паниковать.

– Ты уже мне соврал! Не ты ли сказал, что все видел от начала и до конца? А сейчас я узнаю, что это неправда, – Ринат замолчал на минуту, испытующе глядя на подростка. – Так все же это правда? Он действительно хныкал, как маленькая девочка?

– Ну не прямо как девочка... – неуверенно начал Марат.

– Получается, у тебя все же есть проблемы со зрением, – Ринат вскочил с кресла и через пару шагов уже стоял возле Марата.

Марат даже не успел понять, в какой момент главарь ударил его в живот. От резкой боли мальчик сразу повалился на пол. Эмиль увидел, как Ринат быстро достал зажигалку из кармана и уселся сверху сжавшегося в комок Марата. Одной рукой он надавил ему на шею, а второй зажег пламя зажигалки и поднес к его лицу. Марат понял, что Ринат хочет сделать и стал лихорадочно отталкивать его. Он пытался скинуть главаря с себя, но ничего не получалось. Ринат был намного крупнее его, поэтому единственное, что Марату удалось, это отталкивать его руку, в которой сиял устрашающий язык пламени. Из его рта раздалось паническое мыча-

ние, как только он понял, что выбраться не удастся. Мальчик вертел головой, пытаясь как можно дальше отодвинуться от зажигалки. Безумный взгляд Рината стал исчезать, теперь у него на лице появилась брезгливость. Не слезая с Марата, он посмотрел на рядом застывших мальчиков. Они испуганно затаили дыхание.

– Сюда иди! И ты! – сказал он двум подросткам, которые стояли ближе к нему. – Руки держите!

Пару секунд подростки колебались, пока не поняли, что лицо Рината стало остервенелым из-за того, что они медлят. Он пристально смотрел, пока те с испуганными глазами заламывали руки Марата, кричавшего что-то невнятное. У Эмиля душа ушла в пятки. Его всего начало трясти. И не он один сейчас был в таком состоянии. Остальные подростки с ужасом смотрели на Рината. И даже сверстники, которые считались его правой рукой, нахмурились и угрюмо наблюдали за главарем. Ринат заметил испуганные лица младших и язвительно улыбнулся, не отнимая руки от шеи Марата.

– А вы думали, мы тут в игрушки играем?! – заорал он, медленно обводя всех безумным взглядом. – Мы серьезные вещи тут обделываем! Как я могу доверять здесь кому-то, если мне врут, а? А если я не буду наказывать за вранье, тогда и все начнут мне врать! Как мне тогда работать с вами? Может, вы у меня еще и воровать начнете? Вы даже не представляете, какие мы тут деньги делаем! – он выждал пару секунд, а потом прошипел со злостью: – Вот и нечего так смот-

реть на меня, щенки трусливые!

Ринат поднес зажигалку прямо к глазу Марата. Тот вопил и извивался. Эмиль отвернулся, не в силах дальше смотреть на это. Он только сейчас понял, что угроза, которую он всегда чувствовал от Рината, – не просто его навязчивая мысль. Это инстинкт самосохранения пытался достучаться до него.

Пытка над Маратом была совсем не похожа на показательные избиения, которые практиковал Ринат. Они хотя бы отдаленно напоминали драку, а это просто-напросто какая-то казнь.

Крик Марата звенел у Эмиля в ушах. Он в панике оглядел остальных – большинство парней отвели глаза в сторону. На их лицах читалось то же самое, что и на его лице. Они только сейчас поняли, что это не сходка дворовой детворы, которая просто проводит время вместе. Рината интересовала не только власть, тут были еще и деньги. А от них требуется абсолютное послушание.

глава 7

Эмиль был дома один. Нана работала, а Марсель как обычно ушел, ничего никому не сказав. Подросток не смог себя пересилить и пойти сегодня на сходку. Перед его глазами до сих пор стояло лицо Марата: запекшиеся ресницы и обожженная красная кожа правого века. Хоть сам глаз и не пострадал, но волдырь, который позже появился, выглядел весьма жутко.

Он с жалостью и отвращением вспоминал тот момент, когда Ринат приказал отпустить Марата. Тот свернулся калачиком, прижимая руку к своему глазу. Все его высокомерие тут же исчезло, остался лишь напуганный ребенок. Эмилю вроде было и жаль Марата, но в то же время он ощущал в горле приятное щекотание от того, что тот получил по заслугам. Ему совсем не нравилось это двойственное чувство. Одна сторона его души ликовала, а другая ненавидела себя за то, что такое унижение принесло ему радость.

Левон видел, что Эмиль не может разобраться и справиться с этими чувствами сам. Но и хранителя мальчик тоже не впускал себе в душу. В моменты, когда его племянник был напуган или разозлён, закрывался еще больше в себе.

– Вот как плачет маленькая девочка! Запоминай, чтобы больше не путать! – эти слова звенели у Эмиля в ушах. Так сказал Ринат, остервенело глядя на скулящего Марата.

После этих слов никто не посмел произнести ни звука. Все сохраняли полную тишину. Они будто боялись пошевелиться, чтобы не обратить на себя внимание Рината и не стать следующими. Подростки неосознанно отводили глаза от Марата, когда тот поднялся и неуклюже направился к выходу. И только тогда, кажется, все слегка расслабились: кто-то достал и открыл новую банку пива, а кто-то закурил. Но молчания по-прежнему никто не нарушал. В помещении все так же чувствовалось гнетущее напряжение. Все ждали распоряжений Рината, но тот сидел в своем кресле, внимательно рассматривая позолоченную зажигалку. Какое-то время главарь был в блаженном трансе. Тишину нарушало равномерное щелканье зажигалки. Минут пять Ринат, сгорбившись, сидел и всматривался во вновь гаснущее и вспыхивающее пламя. В какой-то момент он резко встал и быстро вышел из комнаты. Эмиль увидел в его походке непоколебимое стремление. Никто не знал, что задумал Ринат, но никому и не хотелось это выяснять.

После того как шаги Рината затихли среди пустых стен, все окончательно выдохнули. Послышались негромкие разговоры. Никто не заговаривал о только что произошедшем. Все пытались делать вид, будто это было совершенно нормальным и не стоит даже обсуждать случившееся. Но на их лицах мелькали страх и беспокойство. По-настоящему никто не знал, как к такому нужно отнестись. С каждым разом Ринат становился все аморальнее в своих наказаниях, и никто

уже не мог понять грань нормальности происходящего в их «семье». Никто открыто не выражал своего мнения по поводу поведения Рината, но все уже начинали понемногу понимать, что Ринат переходит незримые рамки адекватности.

Подростки всеми силами пытались вести себя как в обычные дни. Эмиль же просто ушел домой. Он был не в состоянии находиться там, делая вид, что все это его не напугало. Он представлял, что Ринат мог принять сторону Марата, и это ему пришлось бы терпеть пытки этого сумасшедшего. От этих мыслей мурашки покрывали все его тело. Вряд ли Ринат остановился бы на веке, если бы это был он, а не Марат. Мальчик не понимал, чем руководствовался Ринат, когда решил наказать именно его. Он понимал, что доводы Марата были не особо-то и весомыми для того, чтобы его оправдали, но делать с ним такое...

В квартире раздался нетерпеливый звонок в дверь, который вырвал Эмиля из воспоминаний. Он нахмурился, размышляя о том, кто это может быть? Неохотно встав с кровати, мальчик пошел на звук требующего его внимания человека, который находился по ту сторону двери. Он замер от удивления, когда открыл ее. На пороге стояла Милена. Когда она спрашивала его адрес, он не думал, что она реально захочет прийти сюда. Подросток думал, что она спросила это только ради любопытства.

– Привет! – улыбнувшись, сказала девочка. Она вошла в квартиру, слегка отстраняя своим плечом Эмиля.

– Ты что тут делаешь? – ошарашено спросил он.

– Врываюсь к тебе домой без разрешения! Так же, как и ты ко мне! – она стянула кипенно-белые кроссовки и аккуратно поставила их у двери. – Вот только я не такая свинья, как ты, поэтому все-таки сниму обувь перед тем, как ворваться.

Эмиль в нерешительности стоял и смотрел на девочку. На ней была такая же ослепительно белая куртка и темно-синие джинсы. Волосы спадали на плечи мягкими кудрями. Темно-карие глаза казались черными в тусклом свете коридора. Этот контраст взбудоражил Эмиля. Она была такая чистая и свежая по сравнению с их квартирой, что ему даже стало стыдно за убогие стены и мебель его жилища. Он озадаченно посмотрел на ее ступни – такие же белые носки. Подросток подумал, что через пару шагов, они станут черными.

– Подожди, – неловко сказал он и поторопился к старому комоду.

Оттуда он достал пару старых тапочек сиреневого цвета и кинул их возле ног Милены. Девочка растерянно посмотрела на них, а затем быстро пробежала взглядом по полу коридора, и только после этого молча надела тапки.

– Твоя мама дома?

– Нет, на работе.

– Ну вот... Я думала познакомиться с ней.

– А с чего ты взяла, что она до сих пор хочет познакомиться с тобой? – Эмиль демонстративно поднял одну бровь. – И вообще, может и мне теперь наорать на тебя, раз ты так

хочешь справедливости?

– Да ладно тебе! Конечно, хочет, – проигнорировала она его сарказм. – И я хочу. Я уверена, что она будет рада. А ты просто капризничаешь, как маленький мальчик.

– Далеко ли ты ушла? «Рита будет только за-а-автра! Я не умею мыть полы-ы-ы! Кто же вы-ы-ымоет полы?» – передразнивая ее писклявым голосом, сказал Эмиль.

– Ну точно как маленький, – пробубнила девочка, нахмурившись. – Ты хоть чай предложи! У тебя вроде как гости!

Он помедлил, но через секунду двинулся в кухню, буркнув при этом: «Идем». Эмиль действительно почувствовал себя глупо. Странно, но он думал, что пристыдит ее, а в итоге сам почувствовал себя каким-то придурком.

В кухне Милена расстегнула куртку и кинула ее рядом с собой. Она с любопытством рассматривала стол, стены и мебель. Эмиль в это время налил воду в эмалированный чайник и поставил на плиту.

– М-да... – произнесла Милена.

– Что это еще за «м-да»? – с вызовом спросил Эмиль.

– Деньги вам точно не помешали бы, – невозмутимо ответила она.

Заметив возмущенное выражение лица подростка, она добавила:

– Да не напрягайся ты так. Просто говорю как есть! Что, думаешь, раз я живу в дорогом доме, значит, никогда и не знала, что такое бедность? Если ты не помнишь, мой папа

недавно только разбогател.

– Ну и как же вы раньше жили?

– Не так, конечно, как вы, но и не намного лучше. Мама рассказывала, что ей было очень тяжело с нами маленькими, после смерти моего... – она запнулась и уже тише продолжила: – биологического отца. Поэтому она очень быстро вышла замуж. Она не могла вести бизнес, который остался ей в наследство, поэтому доверила все Давиду. А он продал все и вложил деньги в какое-то не очень надежное дело. Я хоть и маленькая была, но помню, сколько скандалов было у родителей из-за этого. Папа верил в это дело, а мама нет. Как оказалось, папа был прав. Но мне кажется, ему просто повезло.

Левон все это время молча наблюдал за дочкой. Ему было и радостно видеть ее, и больно. Он даже и представить не мог, что после его смерти Диана будет нуждаться хоть в чем-то. Умом хранитель понимал, что брак с этим Давидом спас ее, но сердце его щемило от того, что теперь кто-то другой служит опорой для его семьи. С другой стороны, если бы не этот мужчина, Диана могла жить так же, как и Нана сейчас. Он всеми силами пытался заставить себя полюбить этого человека, хоть никогда и не видел его.

– А что это за дело такое – не очень надежное?

– Да что-то связано с биржевым рынком. Я слышала что-то про ценные бумаги, но ничего так и не поняла. Да мне и не надо это знать!

Засвистел чайник. Эмиль выключил плиту и налил чай в более-менее приличную кружку. Он поставил чай и засохшие овсяные печенья перед Миленой. Себе же он ничего не налил. У него не было аппетита – перед глазами до сих пор был глаз Марата.

– Мама придет через пару часов. Если хочешь, можешь подождать ее, – сказал Эмиль, усаживаясь напротив девочки.

– Угу, – она отхлебнула горячий чай.

– А твоя мама знает, что ты у нас?

– И да и нет, – неуверенно ответила она, доставая печенье из коробки.

– Это как?

Милена попробовала откусить кусок от печенья. Половина с хрустом отломалась. Поверхность стола покрыли крошки.

– Ну я сообщила ей, что ты приходил. Опустив, конечно, некоторые подробности. И рассказала о том, что вы узнали о смерти папы только недавно, поэтому и пришли только сейчас. А еще сказала, что вы просто хотели познакомиться, поэтому нам нужно приехать к вам и извиниться, – она опустила глаза на стол и стала собирать крошки указательным пальцем.

– И? Это не ответ, – Эмиль достал тряпку из раковины и одним движением смахнул крошки на пол. Он поставил блюдце перед Миленой, в которое она положила половинки

печенья.

– Она и слышать об этом не хотела, – стыдливо произнесла девочка. – Если честно, мама накричала на меня за то, что я впустила тебя в дом, – девочка опять потупила глаза.

Эмиль снова начинал злиться.

– Она ведет себя так, будто мы вшивые собаки какие-то! Мы что, недостаточно хороши для вас?! – возмущенно вскрикнул Эмиль и привстал.

– Да ну нет же! Просто она уверена, что все дело в деньгах.

– Как же такое могло случиться? – спросил Левон сам у себя. – Она всегда была такой доброй: всегда помогала нуждающимся, даже бродячих собак подкармливала. Что же такое случилось с ней, что она стала такой злой и циничной?

– Ну так ты же ей сказала, что нам не нужны ее деньги!

– Ну да. Но, понимаешь, она такая странная стала после того, как папа разбогател. Мне кажется, будто она безумно боится снова оказаться бедной: все что-то копит, откладывает, словно это последние деньги в ее жизни, – во взгляде Милены появилась тревога. – Я и сама понимаю, что она неправильно сделала, но это моя мама... Я же не могу силой заставить ее прийти и извиниться! Да и толку-то? Она все равно будет считать по-своему.

– Ясно... Не хочет – ну и не надо! – раздраженно сказал Эмиль и плюхнулся на стул. – После такого и мы уже не хотим ее видеть. Я уж точно!

Милена нахмурилась. Видно было, что эти слова обидели

ее, но, поразмышляв немного, она что-то поняла и успокоилась. Морщины на ее лбу разгладились. Девочка снова посмотрела на печенье.

– Слушай, – медленно начала она, – а у тебя есть сливочное масло и сахар?

– Эм-м, да вроде. А зачем?

Улыбка появилась на лице Милены, – доставай, будем делать сладкую колбасу! – девочка живо встала со своего места. В глазах Милены снова заблестели искры.

– Колбасу? – ошеломленно переспросил Эмиль.

Он неуверенно поднялся и подошел к холодильнику. Милена в это время уже всю начала рыться в кухонных ящиках.

– Что ты ищешь?

– Какую-нибудь кастрюлю или сковородку. Нашла! – радостно крикнула она, вытаскивая из груды посуды небольшую белую кастрюлю с рисунком красного мака.

Девочка поставила ее на плиту и взяла из рук Эмиля масло. Она развернула упаковку и кинула его в кастрюлю.

– Мы так делали, когда денег не было, а вкусенького чего-то хотелось, – ответила она на вопросительный взгляд Эмиля. – Бери вот эту миску и кидай в нее все печенье. У тебя толкушка есть? – Эмиль утвердительно кивнул. – Раскраси тогда все эти печенье, все равно их невозможно уже есть.

Эмиль не совсем понимал, для чего все это делается, но все-таки начал выполнять поручения этой маленькой уве-

ренной в себе девочки. Подросток усердно молот печенья и краем глаза наблюдал, как его новая сестра включает плиту и ковыряется ложкой в тающем масле. Он даже слегка вспотел, когда доделал то, что ему приказала Милена. В миске теперь были сплошные крошки, похожие на панировочные сухари.

– Все? Тогда давай сахар, а еще, если есть, фольгу для запекания. Ну или просто пакет.

Девочка выключила плиту, взяла полотенце и подняла кастрюльку с жидким маслом. Она вылила его в крошки от печенья и поставила кастрюлю в раковину. Высыпав сахар и хорошенько размешав все это, Милена взяла фольгу, которую Эмилю все-таки удалось найти, и расстелила ее на столе.

– А фольга зачем? – удивленно спросил Эмиль.

– Ща все увидишь! – довольно ответила она.

Девочка выложила густую коричневую массу на фольгу и начала формировать руками из нее продолговатую фигуру. Она плотно обернула ее фольгой и закрутила края.

– Похоже на огромную конфету, – заметил Эмиль.

– Теперь в холодильник и ждать! –скомандовала она.

– И сколько ждать? – спросил он, уже начиная соображать, что к чему.

– До прихода твоей мамы как раз будет готово, – ответила она.

Энергия так и лилась из Милены. Демонстративно уперев руки в бок, она оглядела кухню.

– Может, к этому времени помоем тут все?

Эмиль удивился еще больше, чем, когда она начала похозяйски рыться у них в кухне.

– Что ты так смотришь? Думаешь, я полы не умею мыть? Я сказала про уборщицу только из-за принципа! Ты сам был виноват! Нечего было пачкать полы!

– Да я понял, понял, – недовольно ответил он.

Милена завернула рукава и включила воду в раковине.

Следующий час пролетел для них, как пара минут. Левон с широкой улыбкой наблюдал, как они, смеясь, убирали в кухне. Милена была такой энергичной и яркой. Эта энергия передалась и Эмилю. Хватило всего два часа, чтобы дети подружились. Они общались так, будто давно друг друга знают.

Когда же входная дверь открылась, Милена как раз подметала пол в коридоре. От неожиданности она даже подпрыгнула, когда в квартиру вошла Нана. Мама Эмиля тоже опешила, увидев девочку, которая стоит перед ней с веником и совком в руках.

– А ты кто? – удивленно таращась на девочку, спросила Нана.

– Мам, это Милена! – радостно сказал Эмиль, выбегая из кухни. – Она познакомиться пришла.

От этих слов Нана подняла брови, широко раскрыв глаза. Она стала с любопытством рассматривать девочку с головы до ног.

– Здравсьте, – неуверенно сказала та.

– Привет, – ответила Нана. Она долго всматривалась в ли-

цо девочки. Милене даже стало от этого не по себе. – А ты совершенно не похожа на своего отца, – вдруг выговорила Нана.

– Ничего не могу ответить, я не помню его, – сказала она и пожала плечами.

– Ну раздевайся, мам. У нас для тебя сюрприз! Мы кое-что сделали к твоему приходу.

– Еще один сюрприз? – сказала Нана, расстегивая ботинки.

Милена с улыбкой побежала на кухню вслед за Эмилем, пока женщина снимала с себя куртку и шарф. Удивление на лице Наны сменилось любопытством. Радостные морщинки появились в уголках ее глаз.

– Ну точно! Совсем на тебя не похожа, – ухмыльнувшись, сказала Мариам. – Она улыбаться умеет, не то что ты!

– Ну да, ну да, – недовольно ответил Левон.

Мариам с Левоном не спеша проследовали на кухню вслед за Наной.

– Что за сюрприз? – спросила Мариам у сына.

– Увидишь.

Эмиль аккуратно достал из холодильника сверток, похожий на огромную конфету, а Милена в это время поставила чайник на плиту и включила газ. Войдя на кухню, Нана в первую очередь заметила чистую раковину, в которой не было грязной посуды. Затем она обвела взглядом все остальное и остановилась на серебряном свертке. На ее лице появилось

неподдельное изумление.

– Вот это да! Какая чистота тут! – сказала женщина, наблюдая за тем, как Эмиль с Миленой разворачивают фольгу и режут лакомство.

– Садись, мам – будем пить чай.

– А что это? – спросила она, указывая глазами на коричневый цилиндр.

– Это Милена сделала. Это сладкая сосиска, – довольно ответил Эмиль.

– Колбаса, – смеясь, поправила его Милена. Эмиль захихикал. – Он тоже помогал, – добавила она.

Девочка достала три плоских тарелки и поставила на стол. Нана медленно села на стул, не отрывая удивленного взгляда от детей. Ее удивляло еще и то, что Милена чувствовала себя как дома. Эмиль раскладывал по тарелкам нарезанную сладкую колбасу, пока девочка разливала кипяток по кружкам. После того как Эмиль помог Милене донести кружки с чаем до стола, они сели напротив Наны и замерли в ожидании. Дети лучились от счастья. Они были очень горды собой.

– Вот это да... – повторила Нана. – Вот это точно сюрприз!

– Мы сделали это из засохшего печенья, что у нас было, масла и сахара, – быстро сказал Эмиль.

Нана взяла в руки отрезанный пласт колбасы и откусила его. Дети переглянулись.

– Вкусно! Никогда такого не пробовала! Спасибо большое, – жуя, сказала Нана.

– О как! – сказала Мариам. – Я смотрю, они провели время с пользой, – она обвела взглядом всю кухню. – Давно было пора убрать эту свалку!

– Это ты сейчас критикуешь свою дочь? Ты же знаешь, что она только и делает, что убирает за Марселем! А Эмиль сегодня не в состоянии убирать. Был не в состоянии.

– Да все я знаю! – махнула Мариам рукой на сына и присела рядом с девочкой. Она залюбовалась Миленой. – Я говорю как раз про Марсея. Его давно уже было пора выкинуть в одном мешке со всем мусором, который он тут производит. А еще лучше в унитаз смыть вместе с его же дерьмом! – Левон ухмыльнулся. Его всегда забавляла дерзость матери, когда та была в хорошем настроении.

Эмиль быстро взял свой кусок и начал есть. Он уже успел попробовать лакомство, когда Милена выходила из кухни. Стоя у открытого холодильника, он аккуратно отвернул кусок фольги и проковырял пальцем массу кофейного цвета. Ему ужасно понравился этот вкус, поэтому подросток с нетерпением ждал прихода Наны, чтобы лучше распробовать лакомство.

– Милена, я вот что хотела спросить, – боязливо начала Нана, будто не хотела спугнуть девочку, – что там за история, про которую нас спрашивал полицейский?

Эмиль заметил, что щеки девочки покраснели. Она была смущена этим неожиданным вопросом. Милена никак не могла подумать, что Нана и Эмиль могли знать об этом.

– Откуда вы знаете? – спросила девочка.

– Да мы ничего толком-то и не знаем. Полицейский затро-нул какой-то случай, который был двадцать шестого апреля. Он хотел узнать, был ли с тобой в это время Эмиль. Если, конечно, не хочешь, не рассказывай. Я просто спросила.

Милена отрицательно помотала головой, глядя себе в та-релку, и сказала:

– Вы подумаете, что я какая-то испорченная.

– Я не буду тебя осуждать. Но и не заставляю все расска-зывать, – успокаивающе произнесла Нана.

Эмиль с любопытством смотрел то на Милену, то на свою маму. Он молчал. Мальчик неосознанно пытался дышать ти-ше, чтобы тоже не спугнуть сестру. Уж очень ему хотелось узнать, что там за история произошла. Левон в это время ближе подошел к дочери и сел на корточки рядом с ее сту-лом. Он стал пристально вглядываться в ее смущенное ли-цо. Хранитель понял, что она хочет все рассказать, но боит-ся, что ее не поймут. Слова Наны о том, что она не будет осуждать, немного приободрили девочку, и она неуверенно взглянула в лицо женщины, ища в ее глазах правду. Миле-на боялась, что Нана поступит с ней так же, как и ее роди-тели. Они тоже говорили, что дочь может довериться им, и обещали не ругать, а когда она рассказала всю правду, мама стала сильно кричать на нее, а отец и вовсе запер в комнате на неделю. Они не стали подбадривать ее или успокаивать, хоть и были ее родителями. А Нану она видела первый раз

в жизни, поэтому очень сомневалась в правильности своего решения рассказать ей все. Но внутреннее чутье подсказывало девочке, что этой женщине действительно можно довериться.

– К тому же кто я такая, чтобы ругать тебя? Я хоть и родная тетя тебе, но вижу тебя впервые, поэтому вряд ли имею право учить морали. На это есть твои родители, – эти слова окончательно убедили Милену в том, что она может рассказать ей все.

– Там не было ничего такого, хоть со стороны и может показаться, что я в чем-то виновата, – она мельком взглянула на Эмиля. – Мы с подругой гуляли по центру, когда к нам подъехала большая иномарка. Вначале мы напряглись, а потом, когда стекла опустились, увидели своих друзей и успокоились. Тот, кто был за рулем, сказал, что это машина его отца. Якобы он попросил отвезти ее в гараж. Им было уже по восемнадцать, поэтому мы сразу поверили им. Они позвали нас покататься с ними, перед тем как отвезут машину. Мы без задней мысли согласились и сели в машину. И довольно долго катались – на улице уже стало темно. Тогда я спросила, не пора ли ему уже машину отвозить в гараж. Они только и говорили, что скоро поедут. Ну я и говорю, чтобы они тогда отвезли нас ближе к центру города, чтобы нам не ехать на автобусе. Они делали вид, что не слышат, и включили музыку громче. Я уже стала злиться, поэтому дотянулась до передней панели, чтобы выключить музыку. В этот

момент я увидела под их ногами пустые бутылки с пивом. Когда я спросила про это, они стали смеяться и специально вилять по дороге. Другие машины даже сигналили. Моя подруга начала кричать, чтобы они остановились, а они специально поддали газу, чтобы напугать нас. Я решила пристегнуться и заодно пристегнула подругу, которая уже плакала. Только тогда я поняла, что они в неадеквате: смеялись как-то чересчур громко, прямо истерически, до слез. В этот момент мы и врезались в другую машину. Нас с подругой хорошо потрянуло, но мы остались невредимы. А вот они... – голос Милены дрогнул. – Тот, кто был за рулем, погиб, а вот второй остался жив, хоть и долго лежал в больнице с сотрясением и переломами. Как оказалось, они украли машину, чтобы покататься на ней. Но хуже всего, что из-за них умер пожилой мужчина, который был за рулем того автомобиля, в который они врезались.

Глаза Милены заблестели. Она громко сглотнула. Девочка все это время рассказывала глядя на свои руки. Она чувствовала свою вину, хоть и не была ни в чем виновата. Нана поспешила утешить племянницу. Она подвинула свой стул к ней поближе и обняла ее за плечи. Из-за этой ласки, которой девочка явно не ожидала, у Милены сами собой выступили слезы. Она сразу же утерла их, чтобы никто не увидел ее слабость.

– Но ты же ни в чем не виновата, – сказала Нана.

– Да! Ты же не знала, что эти придурки украли машину! –

добавил Эмиль.

– Эмиль! Нельзя так говорить! – шикнула на него Нана. – К тому же не в этом дело, – печально добавила она, взглянув на погрустневшую девочку. – Тебя ведь просто свидетельницей сделали, ведь так?

Девочка кивнула головой. Она еще раз протерла рукой глаза и выпрямилась. Нана выпустила ее из объятий.

– Суд уже был? – спросила Нана.

– Нет. Еще не назначили дату. Но мне нужно будет присутствовать на заседании, – Милена взяла кружку и сделала большой глоток остывшего чая. – Если честно, мне страшно. Там будут дочь и жена того мужчины. Я боюсь, что они будут обвинять нас с подругой. Я боюсь смотреть на них.

Нана какое-то время молча думала о чем-то. Она задумчиво смотрела на худую девочку, которая хоть и неосознанно, но всем своим видом давала понять, что ей необходима поддержка.

– А твои родители будут там? – спросила Нана.

– Мама только. Папа сказал, что ему некогда.

– Так дату же еще не назначили! Откуда он знает, что будет занят? – сказал Эмиль.

Нана нахмурилась, давая понять взглядом сыну, что это неуместный вопрос.

– Хочешь, и я приду, чтобы поддержать тебя? – быстро спросила Нана, не давая ответить Милене на предыдущий вопрос Эмиля.

– И я! – быстро добавил Эмиль.

Милена удивленно посмотрела на уставшую женщину.

– Хочу, – негромко ответила она.

– Вот и хорошо. Ты главное сообщи, когда будет суд, –

Милена кивнула.

– Слушай, а как же твоя сестра? Я помню, полицейский говорил про племянниц. Значит, у меня еще есть племянница?

– Лилия. Ей еще двенадцать только. Она будет дома.

Нана понимающе покачала головой. Но женщина думала о том, что ей вряд ли в ближайшее время удастся познакомиться со второй племянницей. Девочка будто поняла, о чем думает ее тетя.

– Я могу прийти с ней в следующий раз. Скажу маме, что мы пошли в парк или кино.

– Хоть обманывать маму и нехорошо, но это было бы замечательно, – ответила Нана.

В этот момент все услышали, как входная дверь открылась. Эмиль заметил, как в глазах у Наны появилась еле заметная тревога, хоть женщина и пыталась скрыть это. Он сразу понял, отчего она так напряглась. Милена вопросительно посмотрела на Эмиля, но он ничего не сказал. Мальчик выжидающе вглядывался в коридор, в котором через пару секунд появился Марсель. Его отец зашел на кухню, даже не взглянув на них. Мужчина открыл холодильник, сопя и рассматривая полупустые полки. Он даже не снял куртку.

Эмиль ненавидел эту его привычку. Подростку захотелось ударить его в этот момент. Он уставился в тарелку, чтобы не смотреть на Марселя. Тот с раздражением закрыл холодильник и только сейчас заметил, что на кухне был посторонний человек.

– Это еще кто? – мужчина хмыкнул. – Ты че, уже своих подружек сюда стал водить?

– Это Милена. Она моя племянница, – быстро сказала Нана, не давая открыть рот Эмилю.

– Здравсьте, – смущенно сказала девочка.

Марсель с негодованием посмотрел на Милену, а затем тихо отрыгнул.

– Племянница? – медленно повторил он. – Да и черт с ней! У нас еда вообще водится дома? Когда я уже буду приходить домой и нормально есть? – голос Марселя угрожающе повысился.

Эмиль с отвращением отвернулся от отца, поняв, что тот снова пьяный. От него несло потом и перегаром.

– Я только что пришла. Видишь, еще даже не переделалась. Сейчас приготовлю что-нибудь.

Нана встала и подошла к раковине. Она достала небольшую кастрюлю и поставила ее в раковину, чтобы налить в нее воду. Марсель презрительно наблюдал за тем, как его жена стала суетиться.

– Чай, значит, у тебя есть время распивать, а мужа накормить некогда!

– Марсель, хватит. Я увидела свою племянницу в первый раз. Не позорь меня...

Эмиль аккуратно встал из-за стола и показал сестре взглядом на коридор. Девочка сразу все поняла и молча встала. В прихожей Милена с пониманием стала молча обуваться. Ни один из них не хотел комментировать происходящее. Они пытались сделать вид, будто не слышат перепалку Наны с Марселем. Эмиль угрюмо глядел в пол. Ему было стыдно смотреть Милене в глаза. Девочка же застегнула куртку и попыталась улыбнуться так, будто ничего не произошло.

– Ладно, как-нибудь созвонимся. Не забудь записать мой номер в телефон, – почти шепотом сказала она. – Спасибо за чай.

– Угу, – только и ответил Эмиль.

Закрыв за девочкой дверь, Эмиль секунду колебался. Вначале он подумал, что нужно как обычно уйти в свою комнату, чтобы маме не было стыдно перед ним. Он понимал, что она чувствует то же самое, что и он перед Миленой секунду назад. Им было стыдно из-за поведения Марселя. Но в то время, когда Нана ощущала усталость сквозь этот позор, Эмиль – нарастающую злость. Он тяжело дышал, стоя перед дверью. Эмиль слушал, как Марсель снова поливает грязью его маму, и не понимал, почему она терпит это все.

Левон же ощущал, как с каждой секундой душа мальчика все больше сжимается. Внешне Эмиль тоже весь съежился, словно хотел сдержать вырывающуюся ярость.

– Давай в комнату. Так лучше будет, – сказал хранитель и, сам того не ожидая, увидел, как подросток двинулся с места и пошел в сторону своей комнаты.

Левон с замиранием сердца почувствовал, что нить вернулась. И она стала крепче. Теперь он ощутил все оттенки злости и разочарования, таившиеся в душе Эмиля. Его племянник словно передал часть своих переживаний ему, отчего мальчику стало легче. На секунду Левон даже почувствовал смирение в его сердце. Но всего на секунду, так как они оба услышали звон разбившейся посуды и вскрик Наны. Нить мгновенно порвалась. Эмиль бросился к матери. Вбежав в кухню, он увидел красного от злости Марселя, стоявшего в паре сантиметров от Наны. Его мама была у раковины и сжимала правую ладонь. Женщина держала руку под струей воды. Эмиль увидел, как капает кровь со столешницы на пол. Ему в глаза бросились вдребезги разбитая тарелка и мелкие брызги алого цвета на холодильнике. По всему полу было разбросано угощение, которое он с Миленой сделал для мамы. Глаза мальчика заволокло пеленой.

– Эмиль, все нормально, иди в комнату. Порезалась просто, – дрожащим голосом сказала Нана.

Именно тогда я впервые увидел черноту в душе Эмиля. Она извивалась и скручивалась, не находя себе места. На него слишком много навалилось в одну секунду. Люди называют это состоянием аффекта. Но на самом деле это тьма, которая в мгновение ока заполняет всю душу человека. Это

похоже на взрыв черной дыры. Она высасывает из него все хорошее, и человек перестает помнить себя. Но вскоре после этого черная дыра превращается в белую, которая извергает всю ту энергию, которую засосала на предыдущем этапе своей эволюции. И душа снова принимает свою настоящую форму.

Эмиль понял, что сидит на полу возле батареи. В его ухе звенело, а запястье ныло. Нана с ужасом в глазах держала его лицо в своих руках. Он почувствовал, что ее ладони очень холодные и мокрые.

– Да за что же это мне! – протяжно всхлипывала Нана.

Эмиль слышал рычание Марселя. Тот был в ярости. Двери с грохотом то открывались, то закрывались. Подросток попытался сфокусировать взгляд на лице мамы. Слезы катились ручьями по ее щекам. Он услышал, как крик Марселя оборвался громким хлопком входной двери, от которого Нана вздрогнула. Мальчик сощурился от надоедливого звона в левом ухе и неприятной влажности руки мамы. Он аккуратно взял мокрую ладонь Наны и отвел, чтобы посмотреть на нее. Она была в крови. В первую секунду гнев снова вспыхнул в нем, так как Эмиль подумал, что это была ее кровь, но тут же почувствовал, что что-то сочится по его щеке и щекочет ее. Он провел тыльной стороной ладони по своему уху, ощутив противно теплую жидкость. Это была его кровь.

Эмиль постарался улыбнуться маме, чтобы хоть немного успокоить ее. Она расплакалась еще больше.

глава 8

Судебное дело длилось недолго. Выживший парень согласился со всеми выдвинутыми обвинениями. Видно было, что он сильно нервничал, поэтому мужчина, защищавший его, постоянно поправлял и подсказывал, что ему нужно говорить. Все были в полной уверенности, что ему дадут реальный срок, так как тот знал, что его друг был пьян. Но так как он не был за рулем, ему дали всего полтора года условного срока. Парень даже заплакал, когда понял, что ему не придется сидеть в тюрьме. Женщина, которая, по всей видимости, была его матерью, вскрикнула и упала на колени, когда услышала, что ее сын не попадет в тюрьму. Она рыдала, в то время как отец виновного пытался поднять ее с пола.

Как уже было известно, Милена выступала свидетельницей. Эмиль наблюдал, как грозного вида женщина-судья задает ей вопросы. Несколько раз у девочки на глазах наворачивались слезы, но она храбро сражалась с появляющейся паникой, и очень быстро собиралась, продолжая отвечать.

Левон тоже напряженно наблюдал за ней. Он видел, как плечи его дочери слегка подрагивали, как и ее голос. Это сказывалось нервное напряжение. Он бы многое отдал, чтобы избавить ее от этого допроса. Мать же Милены с первого взгляда выглядела хладнокровной, даже равнодушной. Но стоило внимательнее взглянуть на ее глаза и руки, как сра-

зу становилось ясно: она ужасно переживает за дочь. Как бы женщина ни пыталась быть невозмутимой, Левон узнавал этот испуганный прищур. Она прекрасно знала, что Милене ничего не будет, но волнение все равно присутствовало в ее душе. А Левон прекрасно помнил, что испуг его жены всегда перерастал в злость, и если не остановить ее, то она перерастет в ярость. Диана всегда выходила из себя из-за того, что не могла перебороть свои страхи. В такие моменты он всегда обнимал ее и крепко прижимал к себе. Это успокаивало женщину, и она оттаивала, как льдинка в теплых ладонях. Левон вспомнил о том, что никто никогда не мог понять этого, и испугался. Он понял, почему Диана стала такой: никто не мог помочь ей после его смерти, никто не поддерживал ее и не избавлял от страха, который переходил в злость. Он сомневался в том, что ее новый муж распознал в ней это. Видимо, из-за отсутствия поддержки ей пришлось самой справляться со своей бессильной злостью. Она стала сама себе опорой. Именно поэтому Диана была такой жестокой с Наной.

Дочь и жена умершего в аварии мужчины даже и не думали обвинять Милену в смерти своего отца, чего она так опасалась. Милена вначале боялась даже взглянуть в их сторону, но когда все же решилась на это, увидела, что они вообще не смотрят на нее. Им будто было безразлично то, что она говорит. Оно было и понятно: Милена лишь повторяла то, что они уже и так знали. Женщины были в курсе, кто ви-

новат, поэтому просто ждали, пока все условности будут соблюдены. Они хотели услышать наказание, которое успокоило бы их боль, но так и не дождались этого. Никакое наказание не вернуло бы им душевного покоя. К тому же парень, который был за рулем, мертв, а второй был, как решил суд, только косвенно виновен.

Жена погибшего была в черном платке. Она все время смотрела себе под ноги и тихо плакала во время суда. А вот ее дочь с ненавистью сверлила взглядом парня, которого судили. Только тогда, когда все закончилось, девушка безразлично взглянула и на Милену. Это взволновало девочку даже больше, чем если бы она начала обвинять ее в смерти своего отца. Она увидела настоящее отчаяние в глазах этой молодой девушки, которое перемешивалось со смертельной усталостью. От этого у Милены пошли мурашки по всему телу. Она продолжала сидеть на лавочке и всматриваться в лицо дочери погибшего, когда Диана подошла к ней.

– Идем, – тихо произнесла она.

Милена встала, продолжая наблюдать за уходящими людьми. Она медленно двинулась к выходу из зала суда вслед за Дианой.

В длинном коридоре стояла гнетущая тишина. Были слышны только цоканье каблучков и шарканье ног. Никто из присутствующих на суде не произносил ни слова. Все молча шли к выходу, боясь нарушить это глухое безмолвие.

На полпути к лестнице Милена почувствовала, как кто-то

потянул ее за руку, и остановилась. Рядом стояли Эмиль с Наной.

– Все в порядке? – неуверенно прошептала Нана. Ее шепот казался криком в тишине этого коридора.

Диана лишь через минуту заметила, что дочери нет рядом. Она остановилась на ступенях лестницы и обернулась. Женщина еще с утра заметила Нану с сыном, когда те зашли в зал суда, но сделала вид, будто не увидела их. Диана не изменила мнения по поводу Наны, но сейчас она не хотела конфликтовать, поэтому дала возможность Милене поздороваться с ними. За это время она смогла лучше разглядеть сестру Левона. На ней были все те же джинсы, что и всегда. Бордовый джемпер делал цвет лица Наны болезненным. Диана даже начала жалеть ее, но тут же вспомнила тот день, когда они пришли к ней домой попрошайничать. Злость накатила на нее мгновенно, когда она увидела, как Милена начала рыдать, а Нана обняла ее. Милена будто бы вышла из оцепенения. Девочка так долго держала в себе свои страхи и переживания, что ей хватило всего лишь ласкового прикосновения тети к плечу и теплого слова, чтобы разрыдаться. Диана, как фурия, подскочила к ним и схватила Милену за руку, чтобы отодвинуть дочь от Наны. Она почувствовала укол ревности. Это ее дочь, и только она должна обнимать и утешать ее!

– Что это ты делаешь?! – прошипела Диана, обращаясь к Нане.

Та испуганно уставилась на разгневанную женщину. Глаза

Дианы пылали яростью.

– Я ничего плохого не думала делать. Просто хотела под-
держать.

– Она меня не обижала, – выдавила из себя Милена.

– Я знаю! – резко ответила Диана. – Я говорю не про это!
Какое право ты имеешь трогать мою дочь?!

– Право? – переспросила ошеломленная Нана.

– Она не чемодан! Сама может решать, кто ее может тро-
гать! – выкрикнул Эмиль.

Диана пораженно посмотрела на худого кудрявого маль-
чика, который воинственно выпятил грудь.

Голос Эмиля прокатился эхом по мертвому коридору. Те,
кто еще не успел уйти, обернулись и уставились на подрост-
ка.

Диана почувствовала взгляды остановившихся людей.
Это ощущение притупило ее злость. Все было как в замед-
ленной съемке. Она даже успела заметить и рассмотреть ро-
зовый рубец на ухе мальчика. Он был совсем свежий.

Девочка перестала плакать. Она утерла рукавом глаза и
взяла Диану за руку, чтобы сдержать новые вспышки гнева
своей мамы.

– Хватит, – произнесла Милена.

– Это моя дочь и мне решать, кто до нее может дотраги-
ваться, – спокойно, но с железной твердостью сказала жен-
щина.

– Это и моя сестра, и племянница моей мамы! Так что мы

тоже имеем право общаться с ней!

– Прекрати, Эмиль, – выговорила Нана. – Все! Идем домой.

Нана потянула сына за рукав в сторону лестницы.

– Нет! – Эмиль стряхнул руку Наны. – Если вы не хотите нас с мамой знать, так и не надо, а вот запрещать Милене общаться с нами вы не можете! Она сама может решать, с кем ей общаться!

Он покраснел. Теперь уже в глазах Эмиля пылала ярость. Диана спасовала перед этим мальчишкой. Ей не хотелось создавать лишний шум в помещении. Она выпрямилась и взглянула на дочь. Лицо Милены выражало мольбу о том, чтобы ее мама перестала ругаться. Девочка снова была напряжена, как струна. Диана поняла, что только сделает хуже, если продолжит спорить с этим черноглазым мальчишкой. Она глубоко выдохнула и сказала: «Ну хорошо». Отвернувшись, Диана поспешно пошла к лестнице, ведя за собой дочь.

Эмиль не верил в то, что взрослый человек был повержен им, да еще и так быстро! Он и не знал, что в споре со старшим ребенок может выйти победителем. Подросток так привык к несправедливости со стороны взрослых, что даже не надеялся выиграть. Он же начал это не для того, чтобы победить, мальчик просто хотел высказать маме Милены все, что давно его злило. А она так быстро ретировалась, что даже не дала ему выплеснуть все, что уже подкатывало к его

горлу. Он одновременно чувствовал разочарование, триумф и возбуждение.

– А ну успокойся уже! Тебя прямо всего колотит, – произнесла Нана, слегка дернув его за плечо.

– М-да... Острый у него язык, – сказала себе под нос Мариам. – Как бы он вреда себе из-за этого не наделал.

Левон смотрел, как Эмиль тяжело дышит. Нить снова окрепла. Левон прочувствовал весь спектр переживаний племянника и теперь сам был какой-то опьяненный. Он медленно пошел вслед за подростком, пытаясь не потерять эту связь. Хранитель как будто держался за тончайшую леску, которая была натянута до предела. Он лавировал, пытаясь нащупать то, что укрепит ее. Она то утончалась, то становилась крепче. То же самое творилось и в душе мальчика. Внутри у него все бурлило. Ему не дали полностью излить свою злость, что распаляло его гнев еще больше, и в то же время мальчик наслаждался легкой победой. Левон не мог понять, что же именно укрепляет их связь. В прошлые разы это был гнев, а затем и вовсе страх. А сейчас ему казалось, будто Эмиль чувствует свою силу и уверенность, а значит, это был восторг. Хранитель подумал, что, возможно, Эмиль опускает свою броню именно в те моменты, когда забывает, что нужно прятаться от всего мира. Вероятно, эти чувства оттесняют его нарощенную годами скорлупу, и она исчезает сама собой, но только на время.

Эмиль и Нана продолжали молчать до самого дома. И

только когда они вошли в квартиру, Нана по своему обыкновению глубоко вздохнула и сказала, глядя на сына:

– В кого это ты такой у меня?

Через неделю Эмилию позвонила Милена. Она непринужденно, будто ничего и не было, спросила разрешения прийти к ним в гости с Лилией. Эмиль замялся, так как находился в помещении с Ринатом и остальными подростками.

– Подожди, – пониженным тоном сказал он и направился к выходу.

Ему не понравились глаза Рината в тот момент, когда звонкий голос Милены, раздавшийся из телефона, прорезал воздух в полупустом помещении. Кто-то из парней начал смеяться, а кто-то издевательски ухмыляться. Ринат же всерьез напрягся всем своим телом. Он напомним Эмилию овчарку, которая прислушивается и обмозговывает, стоит ли ей нападать или это все же свои. Он проводил мальчика, прижимающего к уху старый телефон, своим обычным прищуром. У Левона сразу что-то екнуло в груди. Ему захотелось кричать о том, что Эмилию во что бы то ни стало нужно стереть номер Милены, удалить сообщения, разбить телефон и бежать. Хранитель вглядывался в фигуру похудевшего главаря. Под глазами этого парня появились синяки, скулы стали более выраженными, а часть руки напоминала сине-малиновую ткань.

Эмиль вслед за Левоном тоже напрягся. Он посмотрел в подъезд, из которого он вышел, чтобы убедиться, что за ним

никто не шел.

– Давай. Мама обрадуется, – прошептал он.

– Ты что там шепчешь? – послышалось из трубки.

– Давай, говорю, – сказал он, чуть громче.

– Когда нам прийти, чтобы не помешать... Эм, ну ты понимаешь.

– Давай завтра. У мамы выходной, а Марсель поедет то ли в баню, то ли на рыбалку. Его не будет дня два точно, так что можно не бояться, что он придет.

– Эмиль, тихо! – крикнул Левон в ухо мальчика.

Подросток, сам того не зная, для чего-то быстро повернулся. У него внезапно появилось чувство опасности. Но никого за его спиной не оказалось. Все было тихо.

– Ну ты понимаешь, – приглушенно продолжил мальчик, вглядываясь в подъезд.

– Вот и отлично. Завтра в обед заскочим!

– Угу. Слушай, а как твоя ма... – начал Эмиль, но Милена уже бросила трубку.

Он взглянул на потухший экран телефона, а затем поднял глаза. В проходе уже стоял Марат. Облокотившись плечом о стену, он серьезно смотрел на него.

– Че, свиданьице намечается? – так же спокойно спросил подросток с обожженным веком.

– Не твое дело! – отрезал Эмиль.

– Уверен? – тихо произнес Марат, глядя на свой ноготь.

Свирепый взгляд Эмиля никак не действовал на Марата.

Тот продолжал невозмутимо ковыряться в ногтях.

– А ты уверен, что у тебя со слухом все в порядке? – медленно ответил Эмиль. – Мы уже определили, что с глазами у тебя неполадки, так, может, еще и с ушами что-то не так? Может, они тебе тоже не нужны?

Марат моментально выпрямился и быстрым шагом направился к Эмилю. Он приоткрыл рот от ярости, будто бы хотел что-то ответить. Эмиль же напряг все тело, ожидая первого удара от противника. Это развяжет руки и ему, так как будет всего лишь самозащитой. И неважно, что Эмиль собирается избить Марата так сильно, как давно уже этого хотел.

– А что это мы тут делаем? – слащавый голос Рината заставил Марата замереть на месте.

Мальчик обернулся и пожал плечами. Главарь неспешно шел по пыльному двору в сторону двух насторожившихся подростков. Он расслабленно переваливался из стороны в сторону, походя на голодного удава. Дойдя до них, он потечески обхватил Марата за плечо одной рукой. Вторая рука болталась в воздухе. Левон увидел, что Марат начал понемногу паниковать. Эмиль хотел было сделать шаг назад, но вовремя остановился. Никаким образом нельзя показывать этому человеку свой страх, это он выучил уже давно. Левон почувствовал, что связь с Эмилем исчезла снова. Броня выросла. Его осенило, что он не может достучаться до племянника именно потому, что тот не пускает в свою душу не только других людей, но и себя самого. Он прячет свои истинные

чувства так глубоко, что сам перестает верить в них. Подросток не может ни выразить свои чувства, ни принять их извне. Поэтому-то Левон и не смог пробиться через эту броню. Моменты, когда он все же мог общаться и поддерживать Эмиля, как раз таки и были теми моментами, когда мальчик становился самым настоящим ребенком со своими страхами, переживаниями и радостями. В такие моменты его племянник в полной мере ощущал чувства и выпускал их наружу, поэтому броня и исчезала.

Хранитель с шумно выдохнул, потому что наконец-то по-настоящему понял, что Эмиль слишком рано повзрослел.

– Че так напрягся-то? – усмехнулся Ринат, обращаясь к Марату.

– Все нормально, – сказал тот, неуклюже улыбнувшись.

– Вижу, – взглянул он на Эмиля. – А у тебя, я смотрю, подружка появилась.

У Эмиля екнуло в груди. Он сжал телефон, который до сих пор находился в его правой руке. До этого момента подросток собирался использовать его, как кастет, чтобы ударить Марата.

– Да ничего серьезного, – небрежно ответил Эмиль. – Так, дура одна.

– Познакомишь? – ехидно продолжил Ринат. – Может, мне она больше понравится, чем тебе?

– Ей всего тринадцать. Тебе разве нравятся дети?

– Ха! Естественно! – вскрикнул он. – А что же я тогда с

вами тут вечно торчу, детишки мои?!

Он диковато рассмеялся и отпустил Марата. От этого смеха мальчик еще больше напугался и сделал неосознанное движение. Марат шагнул в сторону, чтобы не быть так близко к Ринату. И тот это заметил. Он резко вдохнул воздух и, улыбаясь, вылутился на Марата.

– Идем. Расскажу, что сегодня делать будем, – сказал главарь после недолгого молчания.

Ехидно улыбнувшись, Ринат отвернулся от них, и спокойно, как лев, обходя свои территории, направился ко входу.

Стоило им только войти в комнату, в которой их ожидали остальные мальчики, Ринат громко и торжественно заявил: «Кольцевая!»

– Вот урод! – произнес Левон.

Некоторые мальчики искренне удивились. Все полагали, что Ринат больше не захочет отправлять туда своих после последнего случая.

– Рынок на кольцевой! – еще раз повторил Ринат и развел руки в стороны.

Он плюхнулся в свой потрепанный трон и по-детски улыбнулся. Видно было, что эта идея приводила его в восторг. Эмиль сразу понял, что именно его он и отправит туда снова.

– А что? – искренне удивился Ринат, – думали, раз попались, значит, место вычеркиваем? Не-е, не так это делается, – он откинулся в кресло. – Нужно забить хорошие места, пока нам дают добро. Иначе кто-то другой там будет «па-

СТИСЬ».

Ровесники Рината одобрительно покачали головой. По их примеру так же сделали почти все остальные. Эмиль был не согласен. Точнее, он был против того, что именно ему придется снова туда идти. Продавцы наверняка запомнили его. Они вообще много чего видят и запоминают. Порой сложно обокрасть не самого человека, сколько сделать это так, чтобы все эти торгаши не заметили этого. Некоторым из них, конечно, все равно, но вот другие, преимущественно толстые женщины, готовы сами удушить тебя из-за того, что ты обокрал их потенциального покупателя. Они в каком-то смысле были конкурентами. Никто не хотел терять своих клиентов.

– Ита-а-ак! Дубль два! Вы двое снова пойдете туда, – сказал Ринат, что ничуть не удивило Эмиля. А вот Марат искренне был ошеломлен. Он широко раскрыл глаза, но ничего не посмел сказать.

– Да-да! Теперь вы будете всегда ходить вместе! Будете подружками, – он хихикнул. – Дай это! – потребовал Ринат сигарету у рядом стоящего парня. – Все остальные делают то же самое, что и вчера, – он глубоко затянулся.

Главарь покосился на Марата, который не решался даже двинуться.

– Ну чего сидим, разошлись все!

Все будто бы вышли из оцепенения. Они медленно повставали со своих мест, бросив все занятия, и пошли к выходу.

– Марат, ты останься на пару минут. Нужно потрещать с тобой, – Марат неуверенно повернулся к Ринату. – Ты подождешь его на улице, – сказал он Эмилю.

Левону уж очень не понравилось все происходящее. Он всем своим нутром чуял, что Ринат что-то задумал. А может, это передалось ему от Эмиля. Он не мог сейчас этого определить.

Эмиль был на улице, подставляя лицо утренним лучам. В душе его была тревога, но выглядел он умиротворенно. Подросток стоял с закрытыми глазами, прислушиваясь к шуму листьев рядом стоящих берез, и ждал Марата. Леон же решил послушать то, что хотел сказать Ринат. Он вошел в комнату, где находились главарь, Марат и Артур. Последний делал вид, что не слушает.

– Понял? – вкрадчиво спросил Ринат. – Постоянно. Возможно, я даже прощу тебя за все, – Марат кивнул головой. – Тогда давай! Жду от тебя интересных рассказов!

Мальчик развернулся, и тут же его прислужливое выражение лица изменилось. Он нахмурился, глядя себе под ноги. Левон пожалел о том, что не остался с самого начала с Ринатом. Он знал, что этот разговор напрямую относится к Эмилю. Уходя, хранитель заметил испуганное лицо Артура, который провожал взглядом Марата. Это еще больше убедило его, что Ринат задумал что-то недоброе, даже по его меркам.

Выйдя на улицу, Марат молча прошел мимо Эмиля. Он еще злился на то, что тот сказал ему. Эмиль открыл глаза,

услышав шарканье ног, и так же молча последовал за Маратом.

Всю дорогу мысли Эмиля занимало только то, что ему никак нельзя попасться. Он думал, что сразу же отправится в ту сторону, где он не сможет столкнуться с матерью и запомнившими его продавщицами. Марата же волновала только одна мысль. И она была известна только ему, Ринату и незаметному Артуру.

Примерно за двадцать пять метров до входа в рынок Эмиль ускорил шаг. Он хотел опередить Марата, чтобы первым занять нужную ему сторону. Марат же даже не заметил этого. Он все так же шел, нахмурившись и глядя куда-то вперед. Эмиль обошел его и сразу свернул налево. Камень упал с его души, когда подросток понял, что Марату совершенно плевать, на какой стороне ему работать. Эмиль мельком взглянул на него и вошел в поток толкающихся людей.

В этот день народа было чрезвычайно много. Был выходной, и люди слонялись по рынку, чтобы очередной раз купить ненужный хлам. Большое количество народа обеспечивало воришкам хорошее прикрытие. Люди проталкивались в проходах между лавками, уже не замечая прикосновения к их одежде. К вечеру у Эмиля было довольно много денег. Он доставал их из украденных кошельков, которые потом незаметно выкидывал. Телефоны мальчик не рисковал сегодня брать. С ними было много возни. Необходимо было доставать сим-карту и выкидывать ее. А еще, если поймают,

ты никак не сможешь открутиться – хозяин телефона сразу узнает свою вещь. А вот деньги никто не помечает – можно сказать, что мама послала его разменять их, чтобы выдать сдачу покупателю.

День тянулся долго, все из-за постоянной боязни Эмиля попасться матери. Страх покинул его только тогда, когда Марат подошел к нему и дал знак, что он закончил и можно возвращаться.

Отдавая выручку Ринату, Эмиль заметил, что тот был чрезвычайно весел. Эмиля это немного насторожило. Он был наигранно доволен. Вечером главарь даже не стал задерживать никого, чтобы распределить очередной раз свои глупые и ненужные поручения.

Эмиль вышел с базы с тревогой в душе. На улице к тому времени уже стемнело. Он решил выкинуть из головы сегодняшний день и стал думать о том, что завтра познакомится с еще одной сестрой. Подросток сжал деньги в кармане, которые отстегнул ему Ринат за работу, и подумал, что теперь сможет купить что-нибудь приличное к чаю. Ему не терпелось прямо сейчас это сделать, чтобы порадовать маму.

Эмилю все же удалось убедить ее, что заработанные деньги, он получает от лавочников, на которых работает. Это ему стоило невероятных усилий. Для того, чтобы мама ему поверила, подросток даже договорился с одним хозяином цветочного ларька о том, что будет возить ему за сушии копейки воду для цветов. И все это ради того, чтобы Нана сама

убедилась в этом. И она все-таки поверила и перестала контролировать каждый его шаг. Хотя в глубине души женщина все же чувствовала, что это неправда. Нана не хотела замечать мелких нестыковок, которые говорили о том, что ее сын врет. Например, его одежда всегда оставалась чистой, хоть он говорил, что таскает канистры до колонки, а затем подметает и выносит ведра с мусором. Она просто боялась признать, что ее Эмиль вор. Ей легче было верить, что он честный человек, который просто один раз оступился. Нана вела себя так же, как и любая любящая мать – отрицала очевидное.

Эмиль остановился и медленно развернулся.

– Заметил все-таки, – сказал Левон племяннику, глядясь в ту же сторону, что и Эмиль.

Мальчик стоял, пытаясь различить в черных тенях деревьев и кустов хоть что-нибудь. Левон же сразу заметил Марата. Он видел, как тот последовал за ним. Поглощенный своими мыслями, Эмиль не в состоянии был до сих пор замечать его. Левон смог достучаться до него только тогда, когда племянник полностью расслабился и вылез из панциря.

Не увидев ничего, Эмиль отвернулся и пошел дальше. Но теперь он прислушивался к каждому шелесту, который слышался за его спиной. Было тяжело разобрать, какой шум возникал из-за ветра, а какой из-за человеческого вмешательства. Ему мерещилось, что любой звук мог быть сотворен человеком.

– Ну и для чего же Ринату поручать следить за тобой, мальчик мой!?! Странно все это, – Левон очередной раз разглядел вдалеке черную фигуру Марата, которая медленно двигалась и пряталась за всевозможными укрытиями. – Да что же нужно этому недомерку!?! – раздраженно прорычал он.

У самого дома Эмиль повернул в сторону магазина, в котором хотел купить чего-нибудь к чаю. Ему хватило на небольшой шоколадно-ореховый торт, черный чай, зефир и булку черного хлеба с молоком. Он вышел из магазина, держа в руках заполненный белый пакет с покупками. Мальчик постоял недолго у самой двери магазина, обводя взглядом улицу. Продолжая настороженно вглядываться в темные углы улиц, он двинулся напрямик к своему дому. Эти пара десятков метров оказалась для него самой тяжелой. Мальчик ощущал своей спиной, что кто-то смотрит на него. Наконец открыв дверь подъезда, подросток еще раз обвел взглядом улицу, и, в очередной раз ничего не увидев, вошел в подъезд.

Эмиль вошел в квартиру. Его не переставало отпускать какое-то непонятное беспокойство. Захлопнув дверь, он сразу заметил, что дома была непривычная тишина. Подросток скинул с себя кроссовки и пошел напрямик на кухню. Свет горел только там. Нана сидела за кухонным столом спиной к нему.

– Мам, ты не представляешь, кто завтра придет к нам в гости! – он поставил пакет на кухонный стол, прямо перед

лицом мамы.

Нана посмотрела на пакет. Только теперь Эмиль разглядел лицо мамы. Кожа вокруг глаз была в красноватых пятнах, будто она терла глаза. Женщина выглядела уставшей и какой-то помятой. Лицо у нее было слегка опухшее. Она только недавно перестала плакать.

Эмиль заметил открытые дверцы, обнажающие полупустые кухонные полки. На кухне был беспорядок, но не такой, как обычно. Было как-то пусто.

– И кто же это? – спокойно спросила Нана.

– Милена приведет Лию, – тихо произнес мальчик.

– Хорошая новость, – Нана слегка улыбнулась.

– Мам, что случилось?

Нана подняла голову и посмотрела в глаза сыну.

– Марсель ушел.

– Куда ушел? – с недоумением спросил тот.

– От нас ушел, – она подняла правую руку и потерла пальцами переносицу, – к другой женщине.

И только теперь Эмиль все понял. Уходя, Марсель прихватил все, что считал нужным, не забыв оставить беспорядок в доме. Если бы не измученный вид его мамы, он бы порадовался этому. Но мальчик прекрасно понимал, что ей было сейчас очень тяжело. Эмиль неуверенно подошел и крепко обнял Нану за плечи.

– Давно он ушел? – спросил Левон у Мариам.

– Еще днем, – ответила она мрачно.

Хранитель сразу заметил давление, царящее в кухне. Он в первую очередь увидел спину Мариам, которая обнимала дочь. Инстинктивно Левон понял, что именно тут произошло.

– Он нам не нужен, – прошептал Эмиль, пытаясь придать своему голосу уверенность. – Мы и без него хорошо жить будем.

Нана наклонила голову к груди сына и вздохнула.

– Да я и сама это понимаю. Но почему-то жутко обидно. Столько сил, столько нервов...

– Он не нужен тут, – упрямо повторял Эмиль.

Нана ухмыльнулась. Она погладила его по руке, а затем отстранилась от него. Эмиль выпустил ее из объятий и сел рядом. Он с жалостью вглядывался в лицо мамы, боясь, что она может заплакать. Мальчик все прекрасно знал: она жертвовала всем ради семьи и терпела выходки Марселя, а он так просто бросил ее, как ненужную вещь. Себя-то он не считал брошенным – ему никогда не нужен был этот человек, как, в принципе, и он Марселю.

– Представляешь, он забрал все самые лучшие сковородки, – Нана нервно засмеялась.

Эмиль пару секунд ошарашенно смотрел на мать, а затем сам прыснул со смеху.

– Это так глупо! – смеясь, выдавила из себя Нана. – Он забрал всю лучшую посуду, даже дуршлаг! – эти слова заставили их смеяться еще сильнее. – Вот зачем ему дуршлаг?

– Он, наверное, даже не знает, как им пользоваться! – хоча и схватившись за живот, сказал Эмиль. В уголках глаз у них появились слезы.

– А наволочки новые ему зачем? Ему же плевать, на чем спать! Хочешь, расскажу самое забавное? – Эмиль утвердительно замотал головой, не в состоянии ответить. – Он забрал мыльницу с остатками мыла! – новый взрыв смеха заставил Эмиля согнуться.

Они еще с минуту не могли успокоиться, но постепенно реальность стала возвращать их на землю. Тяжело дыша и смахивая слезы, они молча устали на полупустые полки.

– Я тебе все куплю, не переживай из-за этого, – наконец-то успокоившись, сказал Эмиль. – Нам даже легче будет без него.

– Это всего лишь вещи, – ответила она, качая головой. – Просто я удивлюсь тому, как легко некоторым выкинуть из своей жизни родных людей.

– Не родные мы ему люди. Он жил всегда своей жизнью.

– Эмиль, он все же твой отец, – укоризненно произнесла Нана.

– Не отец он мне! – раздраженно буркнул Эмиль.

– Эмиль!

– Нет! Мама, ты разве не понимаешь, что он никогда не считал нас родными людьми! Ты просто тащила на себе чужого человека! Он не любил нас! Я рад, что он ушел! Он отравлял тебе жизнь! – выкрикнул подросток на эмоциях. И

добавил уже спокойно: – И мне тоже.

Нана молча выслушала сына. Потом она встала и начала медленно прибираться в кухне. В голове у нее появилась вполне осознанная мысль о том, что ее сын уже совсем взрослый. Она не особо понимала это раньше. Потребовалась встряска, чтобы наконец-то разглядеть то, что с ним можно разговаривать как со взрослым человеком.

– Знаешь, так было не всегда. Когда-то он говорил, что любит меня, – она взяла тарелку со стола и поставила ее в раковину. – Наверное, я до сих пор видела в нем того человека, который приносил мне цветы. Видимо, я все надеялась, что стоит ему найти работу, и он снова будет таким, как прежде. Понимаю, что ты прав, но сердцем я не хотела это осознать.

Эмилю было слегка не по себе от того, что его мама разговаривает с ним о своих чувствах. Она всегда держала все внутри. Но, с другой стороны, ему стало легко от того, что между ними исчезла какая-то стена, разделяющая их на взрослого и ребенка. Наконец-то Нана говорила с ним совершенно серьезно, ни на миг не задумываясь о том, что Эмиль может оказаться недостаточно взрослым, чтобы понять ее.

– Видимо, это была привычка, а не любовь. Но знаешь, чего я боялась больше всего? – она перестала прибирать и оперлась спиной о холодильник. Эмиль внимательно слушал. – Я боялась того, что у тебя не будет отца.

– Ма-а-ам... – разочарованно начал Эмиль. – Мне не ну-

жен отец.

– Каждому ребенку нужен отец, Эмиль.

– Хорошо. Мне не нужен такой отец! Ты же сама знаешь, что отцом он был бесполезным! Да неужели это моя вина, что ты все время терпела его?!

– Что? Нет, что ты! Конечно, не твоя! Здесь полностью я виновата! Это я ждала невозможного, – сказала она устало и закрыла глаза.

Эмиль задумался. Между бровей у него появилась морщинка. Он не особо верил матери. Она сама ему сказала, что боялась того, что у него не будет отца. Эмиль даже слегка разозлился на нее из-за этого. Его раздражало такое самопожертвование. Она сделала только хуже для себя и для него. Марсель был чем-то вроде якоря, который все время тормозил их. Хотя нет, скорее огромным булыжником, за который Нана отчаянно цеплялась и пыталась вытащить его на сушу. Наконец-то этот булыжник выскользнул из ее рук, и она может спокойно плыть, не захлебываясь водой.

Мальчик посмотрел на пакет с покупками, который до сих пор стоял нетронутым. Нана проследила за его взглядом и вспомнила, что он поставил его прямо перед ее лицом. Погруженная в свои мысли, она даже не заметила этого.

– Ладно, давай жить так, будто ничего не произошло, а там видно будет, – сказала она примирительно. – Нужно прибраться, ведь завтра к нам гости придут! Ты же поможешь?

– Конечно, помогу, – ответил Эмиль, не выпуская гнету-

щие мысли из своей головы.

– Кстати, что ты там купил? – она подошла к столу и заглянула в пакет с искренним любопытством. – Торт! Шоколадный! Мой любимый! – она широко улыбнулась и чмокнула сына в лоб.

Морщинка на лбу Эмиля разгладилась, хоть и тяжесть в душе никуда не делась. Он заметил, что улыбка его мамы смотрелась неестественно на таком измученном лице. Она не стыковалась с ее потухшими глазами.

– С орехами, – сказал Эмиль.

глава 9

На следующий день Милена пришла, как и обещала, к обеду. Когда Нана открыла дверь, то увидела сияющую племянницу. На голову ниже сестры, рядом стояла фарфоровая кукла и смущенно смотрела на Нану. У Лили были огромные глаза, обрамленные густыми черными ресницами, такие же черные волосы, как и у сестры, только заплетенные в объемную косу, в которую была вплетена синяя шелковая лента. На ребенке был милейшего вида синий сарафан, который так походил на те, что надевают на кукол. От вида этих девочек у Наны сама собой появилась улыбка на лице.

– Вот и мы! – довольно сказала Милена.

– Лилия, – тихо представилась сестра Милены.

– Привет! – выкрикнул Эмиль из-за спины мамы. Он пробежал в кухню мимо них с веником в руках. Эмиль бегал из комнаты в комнату, приводя квартиру в порядок.

– Привет! – ответила Милена.

Лиля же смутилась еще больше, когда увидела Эмиля. Она потупила глаза.

– Ну давай, проходи, – подбодрила Милена сестру и слегка толкнула локтем.

Девочка неуверенно переступила через порог и вошла в квартиру. Она озиралась по сторонам с широко раскрытыми глазами. Ее удивляло все в этой квартире. Оно и понятно,

она плохо помнила время, когда ее семья жила бедно. Отклеенные обои и засаленные откосы дверей даже как-то пугали ее. Девочка рассматривала мебель, пока Левон не мигая смотрел на свою вторую дочь. Он никогда не видел ее при жизни. Он умер еще до ее рождения. Девочка настолько была похожа на него, что у того закололо в груди. Именно от этого Нана тоже молча стояла в дверях, боясь пошевелиться. Огромные глаза были точно такие же, как и у ее отца. И вела себя она точно так же, как и Левон. Девочка была неторопливая и очень спокойная. В ее глазах отобразилось то, что она способна многое понять и принять в этой жизни. Младшая дочь Левона была так же молчалива, как и он. Она любила наблюдать, в то время как Милена из-за своей непоседливости была невнимательна и многое не замечала. Девочки были абсолютно противоположны характерами, но он их любил одинаково сильно.

Несмотря на то что вчера произошло, Нана выглядела счастливой. Она улыбалась и кружилась по кухне, расставляя тарелки и разливая кипяток по кружкам. Милена с Эмилем сразу же стали болтать о всяких глупостях, а Лиля с интересом разглядывала кухню. Девочка ощущала себя не в своей тарелке. Она перебирала пальцами складки на скатерти. Нана заметила это, когда села рядом с племянницей.

– Ну что, можно пить чай. Ешьте торт, дети.

Милена и Эмиль сразу накинулись на шоколадный торт, который Нана разложила по тарелкам. Лилия же взяла в руку

ложку и какое-то время молча смотрела на торт.

– Тебе что, не нравится шоколадный торт? – спросила Нана у девочки.

– Я люблю шоколад, – замотав головой, ответила Лилия.

– А что же такое тогда?

Милена посмотрела на сестру, не переставая жевать, и сказала:

– Она просто стесняется. Она всегда такая с незнакомыми.

Нана заметила, как щеки Лили покраснели. Девочка еще больше засмуцалась.

– Ладно, я не буду тебя смущать, когда захочешь, тогда и поешь, – ласково сказала Нана. – Милена, а твоя мама знает, куда вы с сестрой поехали? – спросила она, чтобы перевести внимание с Лилии и дать ей возможность привыкнуть к обстановке.

– Да, я ей сразу открыла всю правду. Она бы поняла, что что-то не так, если бы я сказала, что хочу пойти гулять с Лилией. Она не была против, хоть и выглядела недовольной, – Эмиль и Милена переглянулись и захихикали.

– А почему она сразу поняла бы, что что-то не так?

– Я не люблю ходить куда-то с ней. Она такая медленная! Когда мама заставляет меня брать ее с собой, нам с подружками все время приходится ждать ее, – Лилия нахмурилась после этих слов. – Поэтому она сразу догадалась бы. Я решила сказать правду – так вернее было!

– Понятно, – задумчиво произнесла Нана. – Говоришь, она не была против?

Милена отрицательно помотала головой держа ложку во рту. Нана заметила, что Лилия успокоилась из-за того, что на нее больше не обращают внимания. Она начала не спеша есть торт.

Через час Лилия совсем привыкла к обстановке. Она хоть и не очень оживленно общалась со всеми, но зато весело мотала ногами и смеялась вместе со всеми. Милена предложила поиграть. Они должны были разделить на пары и написать слова на бумажках. Один из пары должен был вытаскивать бумажки и показывать эти слова жестами напарнику. Все захотели попробовать поиграть и поэтому они перешли в зал. Эмиль сразу выкрикнул, что хочет быть в паре с Миленой. А Нана с радостью сказала, что хочет играть с Лилией. Они по очереди выходили в центр зала и пытались объяснить то, что было написано на бумажках. Милена заливалась смехом и не могла выдать и слова, когда Эмиль стал вилять бедрами и высунул язык. Все сразу поняли, что он имеет в виду собаку, но Милене нужно было произнести это слово вслух. Из-за того, что она визгливо хохотала, хватаясь за живот, Эмилю приходилось повторять одни и те же действия. Он таращил глаза, показывая взглядом: «Ты что, не поняла?»

Несколько часов они играли, не замечая времени. В итоге, когда бумажки закончились, они посчитали балы. Эмиль и Милена выиграли. Нана не всегда понимала неуверенные

жесты Лилии, поэтому часто не угадывала, что она хочет показать. Несмотря на проигрыш, Лилия была максимально раскрепощена к концу вечера. Она вскакивала с дивана и вприпрыжку бежала к вазе, из которой нужно было достать новое слово.

Левон и Мариам с любовью наблюдали за ними. Они также громко смеялись над кривляньями Эмиля и колкими шутками Милены. Было ощущение, будто они всегда так вместе и жили. Словно хранители и не умирали вовсе. Мариам выглядела совсем молодой. Она хлопала себя по ноге ладонью, когда начинала смеяться, а потом утирала выступившие слезы. Левон же по-настоящему чувствовал себя живым. Связь с Эмилем не обрывалась весь вечер. Он чувствовал восторг в его сердце и не мог нарадоваться, наблюдая счастливые лица своих родных. Только один раз в его душе больно кольнуло, когда он вспомнил про Диану. «Когда она в последний раз так же смеялась?» – подумал он. В тот момент, когда в его памяти возникла ее улыбка, которую он так любил, раздался новый взрыв хохота, и он снова отвлекся от мрачных мыслей.

На улице стало смеркаться. Смех постепенно затих, а их досуг стал более спокойным. Как-то незаметно для них самих они стали спокойно общаться. Эмиль с подобранными под себя ногами сидел на диване, Нана откинулась на спинку кресла, а Лилия расположилась на полу и пыталась собрать фигуру бабочки из листочков бумажек, на которых они пи-

сали слова. Все слушали Милену. Каким-то образом их разговор затронул семью девочек. Она рассказывала про маму. Из ее рассказа Нана поняла, что этой женщине не так уж и легко пришлось в жизни. Она вспомнила, как в молодости ее заставляли выйти замуж за богатого мужчину, лишь бы избежать нищеты. И то, как она сопротивлялась этому. А Диане пришлось по собственной воле выйти замуж за того, кто будет способен вытащить ее из тяжелого положения. Возможно, она его даже и не любила, но благополучие детей для нее было важнее. Нана осознала, что Диана оказалась намного сильнее характером, чем она, и даже заужавала эту женщину.

После того как девочка закончила рассказывать о маме, она совсем недолго говорила про отца. Рассказывала Милена о нем не особо увлеченно, будто ей было не очень-то и интересно о нем что-то говорить или даже скучно.

– Ну про маму и папу я рассказала, – она уставилась на свои руки. – А про моего настоящего отца я ничего не знаю. Рассказывать мне нечего, – произнесла девочка, настроение у нее изменилось. – Вообще-то я рассчитывала, что может быть... – она замаялась и не отрывала глаза от рук, – я думала узнать о нем у вас, – она неуверенно глянула на Нану. – Знаю, что вы очень давно не видели его, но я думала хотя бы узнать о нем молодом.

Нана секунду сидела, смотря перед собой в пустоту. Милена смутилась. Она подумала, что ей не нужно было говорить такое. Женщина неожиданно встала с кресла и тороп-

ливо вышла из комнаты. Эмиль с Миленой переглянулись, услышав, как открылась дверь в спальную комнату Наны. Мальчик пожал плечами. Милена уже было испугалась того, что попросила что-то неприемлемое, как вернулась в комнату Нана с небольшой металлической коробкой. Она была на вид очень старая и обшарпанная. Синие цветы на ней давно поблекли. Нана села на место, положив на колени коробку.

– Я расскажу тебе кое-что про твоего отца, – она слегка улыбнулась, подбадривая девочку.

Милена с облегчением выдохнула и расслабилась. Открыв коробку, женщина достала одну вещь. Воспоминания, связанные с ней остро отозвались в душе Левона. Это была засаленная самодельная рогатка, которую он хранил в своем тайнике. Левон медленно подошел к Нане и заворуженно взглянул в лицо сестры. В ее глазах появилась такая нежность и в то же время тоска, что у него сам по себе вырвался нервный смешок.

– Мы с вашим отцом нашли заброшенную церковь, когда были маленькие. Левон придумал сделать в ней тайники, чтобы никто не нашел наши сокровища. Помню, как доставали кирпичи из стены, за которой были углубления. Именно там мы их и прятали. Эта рогатка была его самой главной драгоценностью. Левон сам ее сделал, – у нее появилась теплая улыбка на лице. – Когда персиковое дерево, которое росло рядом со стенами церкви, разрослось, его ветви проникли в окна. В одной из комнат этой церкви ветка разрослась аж

до самого потолка. Весной на ней появлялись маленькие листья, которые шевелились и шелестели из-за проникающего через окна ветра. Лучи солнца пробивались сквозь эту ветку сотнями маленьких зайчиков. Левон любил проводить время в этой комнате из-за этих солнечных пятен, которые заполняли все помещение. Они бегали по стенам и полу, от чего комната казалась не с этой планеты. Но я любила это место не только поэтому. Больше от того, что там мой старший брат, – на этом слове ее голос дрогнул, – сбивал этой рогаткой персики у самого потолка. Я ловила их, а затем мы сидели на каменных скамейках и ели сладкие плоды, наблюдая, как солнечные зайчики бегают по всему пространству комнаты.

Нана отдала в руки Милены рогатку. Та с серьезным выражением лица взяла ее и стала ощупывать как какой-то артефакт. Тут же подскочила с пола Лилия и подбежала к сестре. Она облокотилась о колено сестры и тоже на ее манер стала серьезно разглядывать находку.

– А вот мое самое ценное сокровище, – Нана достала из коробки маленькую металлическую заколку. Левон при этом сел рядом с ней. Ему захотелось обнять сестру. – Эту заколку Левон где-то нашел и сразу же подарил мне. Блестящая вещица так нравилась, что я даже хотела выйти замуж, нацепив ее на свои волосы в день свадьбы, – сказала она и горько засмеялась.

Заколка была уже совсем облупившаяся. Теперь она толь-

ко отчасти напоминала божью коровку. Девочки с любопытством разглядывали невзрачные вещи, которые были так дороги Нане. Левон же протянул руку, чтобы хоть на секунду прикоснуться к ним, для того, чтобы вернуться в детство. Он дотронулся кончиками пальцев рогатки, ощутив гладкость дерева, а затем они прошли сквозь нее. Левон убрал руку. Он не отрывал взгляда от вещи, находящейся в руках Милены.

– Ты хотела узнать об отце, но дело в том, что я могу рассказать тебе только о своем брате, – после некоторого молчания продолжила Нана. – Знаешь, он был самым заботливым братом из всех, которые могут существовать. И я уверена, что и отцом он был точно таким же.

Все умолкли. Судя по рассказу женщины, она очень любила своего брата. Эмиль удивился тому, что мама никогда не рассказывала ему про дядю. А в это время Милена пыталась представить его себе. Стараясь увидеть ту картину счастливой семьи, в которой существовала и она, и ее мама, и ее биологический отец, девочка закрыла глаза и увидела, как она совсем маленькая играет дома с отцом, как приходит мама с кухни и зовет их ужинать, как он подходит к маме, обнимает и целует ее. Почему-то это выглядело совершенно естественно, в отличие от той семьи, которая была у них с Давидом. Тот никогда не проявлял особой любви к ним. Он был холодным и отстраненным человеком. Часто ей даже казалось, что мама несчастлива с ним. А их с Лилией он и вовсе не любил. Они были не его дочерьми, поэтому мужчина и не пытался

сдружиться с ними. Своих детей у него не получалось завести, поэтому мужчина стал каким-то чужим для Дианы.

– Спасибо, – произнесла Милена, отдавая рогатку Нане. – А почему же вы перестали общаться? Неужели вам никогда не было интересно, где он? – Милена поняла, что этот вопрос как раз таки и был неприемлемым только после того, как задала его.

Лицо женщины приняло страдальческое выражение. Она пыталась подавить это в себе, но у нее не особо получалось.

– Конечно, было. Я ни одного дня не забывала про него. Но я знала, что ваш отец меня не примет, поэтому и не пыталась найти его.

– Почему? – с любопытством спросила Лилия. Милена дернула сестру за руку и выразительно посмотрела на нее, давая понять, чтобы та замолчала.

– Я сама виновата, – сказала она, ласково улыбнувшись девочке. – Я была глупой и эгоистичной.

Нана бережно сложила вещи в коробку и отложила в сторону. Тут Лилия взглянула в окно и ойкнула.

– Темно, – сказала она сестре.

Милена быстро глянула в ту же сторону и встала с дивана.

– Вот это мы засиделись. Идем собираться домой, – сказала она сестре.

Лилия послушно пошла в коридор вслед за Миленой.

– Спасибо большое, – еще раз поблагодарила она Нану, – нам было очень приятно с вами провести время.

– А нам-то как приятно! – Нана подошла и приобняла девочек. – Приходите чаще! А, кстати, вы сами-то дойдете? Может, вас проводить?

– Спасибо, не надо, – ответила Милена. – Остановка же прямо напротив вашего дома.

Девочки вышли из квартиры и направились к лифту.

– Пока! – крикнула Милена.

– Пока! – визгливо повторила Лилия.

– Я все равно послежу за вами из окна! – крикнула Нана в закрывающийся лифт.

Только после того как Нана с Эмилем убедились, что девочки благополучно сели в автобус, они отошли от окна. Нана сразу стала прибираться, а Эмиль схватил телефон и стал что-то писать. Он отправил сообщение Милене о том, чтобы она написала ему, когда они доберутся до дома. Нана краем глаза увидела это и, проходя мимо сына, молча погладила его по голове. Эти вечерние события оставили след спокойствия и уюта в их сердцах.

На следующий день Эмиль чувствовал себя как никогда хорошо. Он был еще под впечатлением от вчерашнего дня. Ему было приятно проводить время в теплой семейной атмосфере. Подросток даже не помнил, когда у них с мамой было такое. Обычно самые теплые воспоминания, связанные с его мамой, были только те, в которых не было Марсея. Им очень редко удавалось провести вдвоем хоть какой-нибудь праздник. Любой день рождения или Новый год, на ко-

тором присутствовал Марсель, рано или поздно был испорчен. То ему не понравится, что картошка пересолена, то лепешки подгорели, то подарок ему купили бестолковый, то слишком дорогой для Эмиля. Именно поэтому мальчик и не любил праздники. Он прекрасно понимал, что Нана пыталась сотворить для него теплые воспоминания, связанные с праздничным чудом. Но получалось так, что каждый сидел в своей комнате с тяжелым чувством на душе. Только из-за упрямых стараний мамы Эмиль смирялся с надобностью таких праздников. А вчера как раз таки Эмиль чувствовал себя так, будто отметил день рождения в кругу семьи. Теперь он понимал, чего все это время добивалась Нана.

Эмиль шел, греясь под теплым солнцем, в сторону базы. Даже предстоящая встреча с Ринатом не портила ему настроение. Он знал, что в планах Рината не было сегодня ничего сверхъестественного. Тот собирался отправить на самую грязную работу младших, а такие, как Эмиль, должны были находиться в подземках и попрошайничать. Эмиль хоть и ненавидел прикидываться бездомным сиротой, но зато так его не смогут поймать за воровство. Максимум, что может быть, так это то, что его пошлют куда подальше. Обычно этим занимались младшие, но сегодня Ринат хотел приучить их к более серьезному делу. Ему нужно было, чтобы они приносили больше денег, чем приносит попрошайничество. Ринат становился алчным, это видели все. Эмиль подумал, что это может довести Рината до беды, а еще хуже – и всех их.

Подходя к месту, Эмиль заметил довольно странную тишину вокруг здания. Он аккуратно подошел к самому входу и вслушался вглубь подъезда. Никаких голосов не раздавалось и изнутри здания.

– Что-то тут не так, – произнес Левон.

Эмиль постоял у входа, озираясь по сторонам, а затем медленно вошел внутрь. Везде царила полная тишина. Такого не могло быть. Днем здесь всегда кто-то да присутствовал. В теплые месяцы Ринат со сверстниками даже жили здесь. В отличие от Артура: этот забитый мальчик жил здесь постоянно, так как пойти ему было больше некуда. Но даже Артура тут не было.

Эмиль прошел в помещение, служившее им местом для собраний. Он осмотрелся. Все лежало так, будто дожидалось своих хозяев: карты, пачки сигарет, не откупоренные бутылки, полупустые банки пива и несколько старых зажигалок. Эмиль подошел к тумбочке Рината. Он в нерешительности открыл верхний ящик, чтобы убедиться, что все лежит на месте. Да, все лежало так, словно никто ничего не трогал.

– Пойдем-ка отсюда. Странно это все, – сказал Левон.

– Артур, – негромко позвал Эмиль. Он прошел в коридор. – Артур!

Эмиль заглянул в комнату, служившую для них туалетом, затем прошел дальше по коридору, заглядывая в остальные комнаты, которые были поглощены темнотой. Окон там либо не было, либо были заколочены. Туда редко заходили, так

как они были непригодны для их занятий. Обычно туда скидывали весь мусор. Эмиль включил фонарик на телефоне и осветил в темноту. Никого не было видно.

– Давай отсюда уже, – шепнул Левон.

Подросток повернулся и направился к выходу. Сначала он шел медленно. Затем, почувствовав на затылке чей-то взгляд, ускорил шаг. Из недостроенного дома он и вовсе выбежал. Его напугало черное молчаливое здание. Когда там присутствовало много людей, оно выглядело совершенно заурядным, но когда в темноте он слышал только свои шаги, в голове Эмиля возникали сцены из фильмов ужасов.

Эмиль выскочил на улицу и только тогда выдохнул с облегчением. Он обернулся на секунду, вглядываясь в бетонные стены. Все это было не просто так. Что-то случилось, раз все сбежали отсюда. С другой стороны, если все было нормально, и это просто его воображение разыгралось, в скором времени он узнает об этом. Так что переживать раньше времени не стоило. Подросток решил вернуться домой и какое-то время не приходить.

Эмиль повернулся и направился в сторону дома. Он пролез через импровизированную дверь в заборе, сделанную из куска фанеры, и торопливо стал удаляться от гнетущего здания. Шагая вдоль забора, ему стало казаться, что к его шагам примешались еще чьи-то еле слышные шаги. Звук был по ту сторону забора, на территории стройки. Хруст гравия не давал точно определить, был ли это взрослый или ребен-

нок. Гравий хрустел в такт его шагам. Эмиль пошел быстрее, и тогда услышал, что кто-то за забором тоже ускорился. За ним точно кто-то шел. Подросток напрягся всем телом, когда увидел дыру в заборе, которая была впереди метрах в двадцати от него. Когда до нее оставалось метров пять, он встал, прислушиваясь к шагам преследователя. Человек за забором не остановился, он шел торопливо, прямо в эту дыру. Эмиль уже приготовился бежать или на крайний случай драться, как из дыры появилась физиономия испуганного Артура. Эмиль выругался, разжимая кулаки.

– Ты где был? – требовательно спросил Эмиль.

– Прятался, – тихо ответил мальчик, нагибаясь, чтобы вылезти из дыры. Он зацепился футболкой за край шифера, испугался и дернулся. Увидев, что бояться нечего, он отцепил край футболки и вылез.

– Издеваешься? Тебе заняться, что ли, нечем? Ты разве не слышал, что я тебя звал?!

– Слышал, – замялся Артур. – Я хотел убедиться, что ты один. Ну... Мало ли.

– Чего?! Объясняй уже давай, где все? – потребовал Эмиль. – Что еще это значит?

Артур подошел к Эмилю. Он нервно оглянулся по сторонам, как какой-то заговорщик, и снова посмотрел на Эмиля.

– Все ушли сразу же, как узнали о том, что Рината схватили. Его в участок повели. На этот раз главаря точно не отпустят.

– В участок? За что? – спросил Эмиль. Он не удивился самому факту, что Рината забрали в полицию, его озадачила уверенность Артура, что его больше не выпустят.

Артур посмотрел за спину Эмиля, затем по сторонам. Эмиля начинала раздражать нервозность Артура.

– Идем! – недовольно сказал Эмиль. – Дойдем до парковки.

Эмиль двинулся вперед. Артур торопливо шел рядом, иногда переходя на бег.

– А прячешься-то почему? – спросил Эмиль, заворачивая на полупустую парковку.

Подросток резко остановился и обернулся к Артуру. Тот чуть ли не влетел в него, но вовремя остановился.

– Гера сказал, что Ринат всех выдаст полиции.

– А он-то откуда знает это? – Эмиль снова стал раздражаться от того, что не понимал, о чем говорит ему Артур.

Худой мальчик пожал плечами.

– Так! Давай сначала: из-за чего поймали Рината?

– Он кинулся с ножом на охранника магазина. Ринат был под дозой. Небольшой. Ему захотелось выпить чего-нибудь крепкого, а у нас ничего уже не было. Вот ему и взбрело в голову ограбить магазин. Я не смог его остановить, – Артур посмотрел на Эмиля так, словно он сильно облажался. – С ним пошли Гера и Марат. Они сказали, что остановят его. Но минут через двадцать Гера прибежал один. Он был весь в крови. Мы вначале подумали, что это Ринат его пырнул,

но потом все поняли. Это была не его кровь. Он сказал, что Ринат вбежал в магазин, схватил ящик водки и собрался на выход. Ему, естественно, перегородили дорогу. Тогда Ринат в бешенстве швырнул на пол ящик и достал нож. Гера пытался его остановить и вывести оттуда, но главарь успел ранить охранника. Он целился ему прямо в шею, но из-за того, что был под кайфом, попал в плечо. К этому моменту уже подъезжала полиция. Марат сразу слинял, а Гера еще пытался вытащить Рината. В общем, когда сирена была уже совсем близко, Гера тоже убежал.

Артур говорил все это очень тихо, как будто боясь, что его могут услышать. Он торопился и постоянно запинаясь в рассказе.

– А с чего ты взял, что Ринат все расскажет про нас?

– Гера так сказал. Он говорит, что Ринат кричал, что вся его банда перережет всем там глотки, что он имеет власть над всеми и так далее. Мне кажется, он многое потом еще кричал, чего не следует знать полиции.

– Понятно, – задумчиво произнес Эмиль. – Ну а ты-то чего тут прятался? – вспомнил он свой прошлый вопрос.

– Я поджидал всех, кто не застал этого и не знал ничего, чтобы предупредить.

– А телефон тебе для чего?! – воскликнул Эмиль.

– Так Гера забрал у всех сим-карты, чтобы выкинуть. Он серьезно перепугался того, что Ринат может выдать все телефоны.

Эмиль стал тоже заметно нервничать. Теперь и он незаметно для себя начал поглядывать по сторонам.

– Кто еще не в курсе?

– Ты был последний.

– Ясно. Значит, какое-то время лучше никому не приходиться сюда. Я сейчас же пойду домой.

– Угу, – Артур кивнул головой. – Эмиль, тебе тоже следует выкинуть симку. Ну так, на всякий случай.

– Это да... – Эмиль повернулся и направился в сторону парка, но через пару шагов остановился.

– Слушай, так Марат не прибежал на базу после этого всего?

Артур отрицательно помотал головой. Эмиль нахмурился. В его голове звучали самые низкие оскорбления, предназначавшиеся для Марата.

– Ты давай тоже отсидись где-нибудь, – глухо произнес Эмиль. Он подумал о том, что Марату теперь будет тяжело объяснить свою трусость. Наверняка он еще не скоро объявится. – Так, стоп! А куда ты пойдешь? – внезапно осознал он.

У Артура забегали глаза. Ему почему-то было стыдно смотреть на Эмиля.

– Я думал... – тихо промямлил мальчик. Ему неловко было говорить о себе. Он не привык, что о нем хоть кто-то беспокоится. – Я хочу вернуться в детдом.

Эмиль молча смотрел на Артура. Ему стало жаль мальчи-

ка, который не мог поднять на него глаза. Эмиль знал, о чем тот сейчас думал. Артур боялся, что его посчитают трусом и предателем, так как если он вернется в детдом, его уже не примут обратно. Но Эмиль прекрасно знал, что ему больше некуда было идти. Другие, более пронырливые и изворотливые члены банды будут отсиживаться у приятелей или, на крайний случай, у своих непутевых родителей. А вот у Артура совсем никого не было. Всех, кого он знал, были либо члены их маленького общества, либо такие же дети из детдома.

– Да, так будет лучше, – спокойно ответил Эмиль. Артур удивленно посмотрел на него. – Нечего тебе заниматься всей этой дрянью.

– Кто бы говорил! – воскликнул Левон.

– Ринату теперь не надо вылизывать задницу, а нового главаря вряд ли скоро выберут. В этой шайке у любого кишка тонка заниматься тем, что делал Ринат. А ты лучше потерпи до восемнадцати лет в своем зоопарке, а затем получишь квартиру, и тогда уже будешь делать то, что сам захочешь. Главное потерпеть.

– Это я умею. – Грустная улыбка появилась на худом лице мальчика.

Эмиль еще какое-то время разглядывал Артура, а затем повернулся и пошел прочь.

– Удачи, – бросил он, обернувшись на ходу.

– И тебе, – еле слышно ответил Артур.

Он проводил Эмиля взглядом, а потом неуверенно, будто потерялся, пошел в противоположном направлении.

глава 10

Симку Эмиль выкинул сразу же после разговора с Артуром. Маме он сказал, что она просто сломалась. Нана не особо разбиралась в современной технике, поэтому без сомнения поверила сыну. Через неделю у Эмиля была новая симка, которой он не боялся пользоваться, так как первая была выдана ему Ринатом и оформлена на него же, а новую же купила Нана. Поэтому-то он и не боялся, что его могут найти по номеру телефона. Но, с другой стороны, подросток понимал, что полиция может поймать кого-нибудь еще из их своры. И не факт, что тот не расскажет ему обо всех, кого знает. В особенности он боялся, что поймают Марата, так как только он один мог знать, где живет Эмиль. Он давно догадывался, что Ринат использовал Марата для того, чтобы время от времени следить за всеми. Поэтому именно Марат знал больше всего. К тому же он был трусом, в чем Эмиль уже убедился. Тот сразу выдаст все, что знает, лишь бы его не трогали. От этих мыслей у Эмиля начинали чесаться кулаки. Стоило ему вспомнить про Марата, и он снова оказывался в панцире.

Эмилю было непривычно жить без ежедневных походов на базу. Прошло больше двух месяцев, а он до сих пор ничего не слышал ни про Рината, ни про Марата, ни про кого-либо еще из «семьи». Подросток и не рисковал искать кого-либо

или приходиться на место их сходов. Через какое-то время ему даже стало нравиться то, что им никто не командует. Да, у него теперь не было денег, которые он добывал, но зато он перестал раздражаться и злиться из-за того, что каждый день видел ненавистные для него лица Марата и Рината. А еще Эмиль стал больше времени проводить с мамой, Миленой и Лилией. Левон же заметил, что мальчика постепенно отпускает напряжение, вечно державшее его. Он стал больше походить на подростка, который озабочен только бытовыми или заурядными вещами. Такими как: что о нем думают девочки в его классе, что скажет мама, когда узнает о двойке по алгебре, где взять деньги, чтобы отдать однокласснику жвачку, которую тот ему одолжил. Его племянник начал больше интересоваться увлечениями сверстников. Стал понемногу сближаться с ними. Также Эмиль начал обращать внимание на девочек в классе. И, как и любой подросток, чувствовал себя неуверенно и нелепо в их обществе. Единственной девочкой, с которой он свободно мог общаться, была Милена.

Левон часто ловит себя на мысли, что подростки были очень похожи на него с Наной, когда они были еще детьми.

Милена часто приходила в гости к брату и тете, чему Нана была безмерно рада. Она даже почти забыла про Марселя, которого до сих пор не было ни видно, ни слышно. Возможно, в душе женщина постоянно вспоминала этого человека, но, по крайней мере, внешне никак этого не показывала. Эмиль же боялся возвращения отца. Он надеялся, что

больше не увидит его. Сейчас они как никогда были похожи на семью, и подросток очень не хотел, чтобы эта маленькая идиллия разрушилась.

И вот в один из осенних дней Эмиль выходил из школы. С ним рядом шел одноклассник, который был выше его на голову. Он что-то оживленно говорил, в то время как Эмиль молча улыбался. Подросток был чем-то возмущен, поэтому сильно жестикулировал. Эмиль шел быстрее своего приятеля, поэтому парень спрыгнул с последних двух ступенек крыльца и через несколько секунд догнал Эмиля. Поравнявшись с ним, он на ходу пнул небольшой камень. Тот полетел далеко вперед, после чего он потерял к нему интерес и стал снова эмоционально что-то говорить. Эмиль засмеялся.

– Ну а что ты хотел? – сказал он сквозь смех. – Сам виноват! Кто тебя просил его кроссовки тырить и прятать? Ты же прекрасно знал, что он наступит, – Эмиль остановился и повернулся к приятелю. – Я даже не удивился, он всегда так делал! Его даже старшики уже не трогают. Эта крыса ведь сразу бежит к директору.

– Че ты лыбишься! – с обидой произнес Лёва. – Вот если бы ты оказался на моем месте, не стал бы так щадить его! Ты бы сразу врезал ему, и тогда тебя бы наказали еще хуже! Я-то всего лишь хотел проучить этого высокомерного говнюка! Так что не надо мне тут! Моралист фигов!

– Ох, какие слова мы знаем!

Лёва обиженно рыкнул что-то невнятное и пошел дальше,

оставив хихикающего Эмиля.

– Лёва! Да подожди ты! – Эмиль ускорился, чтобы догнать приятеля. – Ты че как девчонка обижаешься?!

– Да не обижаюсь я! – буркнул мальчик, даже не обернувшись.

– Ну а чего ты на меня-то дуешься тогда? – Эмиль догнал одноклассника и пошел уже с его скоростью.

– Да не дуюсь я! Че заладил! – раздраженно повторил тот.

– В следующий раз уж лучше двинь ему сразу! Так хотя бы ты останешься довольным, когда тебя накажут. А то придумал, тоже мне, план по мщению! – с сарказмом сказал Эмиль.

Парень остановился и возмущенно посмотрел на улыбающегося Эмиля. Лёва сделал шаг к нему и несильно ударил кулаком в живот. Эмиль слегка согнулся и засмеялся. На лице Лёвы тоже стала появляться легкая улыбка, которую он не смог скрыть от друга. Вскоре он тоже засмеялся.

– Идем уже, – сказал высокий мальчик. – Мне еще нагонять получать от родителей.

Лёва снова двинулся вперед. Эмиль отставал от него на шаг, поэтому тот не заметил, как изменилось лицо его друга, когда они зашли за угол школы. Не замечая того, что Лёва ушел далеко вперед, Эмиль остановился и стал пристально смотреть на фигуру человека, который стоял на тротуаре за забором школы.

– Ну ты чего? – сказал Лёва, наконец-то остановившись и

повернувшись к Эмилю.

Тот смотрел на смуглого парня, который с надменным видом курил, прислонившись к забору.

– Слушай, я, наверное, другой дорогой пойду домой. Я вспомнил, мне кое-что нужно сделать, – ответил Эмиль.

Лёва удивленно посмотрел на него. Он не упустил его взгляд, который был нацелен на парня, привалившегося к забору.

– Ладно, – неуверенно ответил Лёва, разглядывая курящего подростка.

– Давай, завтра расскажешь, что сказали твои предки.

– Ну как хочешь, – ответил Лёва и пожал плечами. Он повернулся и, слегка ссутулившись, пошел дальше.

Эмиль сразу же направился к забору, за которым был Марат.

– Ему-то здесь что нужно?! – произнес Левон.

Марат невозмутимо, но не без интереса наблюдал за всем происходящим. В первую секунду Эмиль даже не знал, что ему сказать, но и молча уйти он не мог. Если Марат появился, значит в «семье» что-то происходит. Его переполняли злость, удивление и даже где-то глубоко появился страх. Но, к облегчению Эмиля, Марат сам начал разговор, когда тот еще не успел остановиться у забора.

– Как дела? – без приветствия бросил он. – Пятерки получаешь?

Левон встал по правую руку от Эмиля. Он вглядывался в

изменившееся за столь короткое время лицо Марата. Взгляд его раньше не выражал ничего, кроме глупости и зависти, иногда злости. Сейчас же его глаза смотрели на Эмиля с легким прищуром, в котором можно было разглядеть хитрость и чувство собственной значимости. Он всем своим видом будто говорил, что знает что-то, что Эмилю не суждено узнать, если только он сам этого не захочет.

– Не нужно тебе с ним разговаривать. Ничего хорошего он не скажет, – сказал хранитель племяннику. – Уходи.

Левон не отводил взгляда от Марата. Ему уже стало казаться, что все плохое влияние, воздействующее на Эмиля, позади. После того как из его общества исчезла вся грязь в лице Рината и его банды, Левон стал хорошо понимать, что чувствует Эмиль, так как его племянник начал понемногу раскрываться. Хранителю даже казалось, что Эмиль отзывается на каждую его фразу. Он не отвечал ему, но Левон видел, как поднимаются брови Эмиля, будто мальчик согласился с его мнением. Или, наоборот, когда у него появлялась морщинка на лбу, словно бы ему не нравилось то, о чем говорит Левон. С появлением Марата его племянник опять, хоть и неосознанно, начал выталкивать хранителя из своей души. Левон опять чувствовал то отчуждение, которое он думал, уже не вернется.

Левон заметил, с какой тоской смотрит на него хранитель Марата. Это был старик в старомодной и потрепанной одежде, которого он видел уже не первый раз. Он никогда ниче-

го не говорил, но его взгляд выражал многое. Пожилой мужчина как будто извинялся за своего внука и за все, что тот успел натворить за такую короткую жизнь. Но интереснее всего было то, что его глаза были покрыты пеленой. Перед смертью старик, видимо, был слеп, возможно, даже нем, но, став хранителем, он прекрасно все видел, хоть и выглядел совсем слепым и немощным. Левон не понимал, как ему удалось передавать весь спектр своих чувств, ничего не делая и даже не произнося ни слова. А еще, почему старик даже после смерти остался таким измученным и старым. Неужели при жизни он был настолько несчастным, что, даже перевоплотившись в хранителя, не отпустил все свои тяготы и невзгоды. Он как будто разочаровался, а потом и смирился с тем, что никак не может помочь своему внуку.

Левон вдруг подумал о том, что хранителю не обязательно уметь говорить, чтобы достучаться до того, кого хочешь спасти. Он вспомнил про свою мать, которая гладила лицо Наны, чтобы та успокоилась. Ему захотелось сказать об этом старику, убедить его не сдаваться, но в душе он понимал, что любой хранитель попробует все возможное, чтобы достучаться до родного человека, перед тем как сдать. Наверняка тот уже давно перепробовал все, что можно.

– Тебе че надо? – только и смог выдавить из себя Эмиль.

– О как! – Марат выкинул сигарету в траву и встал прямо лицом к Эмилю. – Не рад, что ли?

– А ты как думаешь?

– А я думал, ты соскучился, – усмехнувшись, сказал он, поглядывая на дымившуюся сигарету. – Че, значит, ты и по всем остальным не соскучился?

– Ты что имеешь в виду? И давай уже без этой тупости, говори как есть. Не просто же так ты пришел на меня посмотреть?

– Делать мне еще нечего! – Марат засунул руки в карманы штанов и раздраженно глянул на Эмиля. – Тебя вроде как ищут, – глухо произнес он.

Эмиля бросило в пот. Он сразу подумал о полиции. Подросток был уверен, что Марат сразу выдаст всех, если того будут допрашивать. Он незаметно посмотрел за углы домов и на автомобили, стоявшие поблизости.

– И кто же? – Марат снова тарачился на тлеющую сигарету, делая вид, что ему все равно. – Это ты пришел сюда. Если не собираешься говорить, то я пойду дальше. – Эмиль подождал еще секунду и уже собирался уходить, как Марат заговорил.

– Гера.

– Гера? При чем тут он?

– Может при том, что он главный теперь у нас?! – с издевкой ответил Марат.

Эмиль молча переваривал сказанное Маратом. Это означало только одно: Рината уже посадили, и выйдет он нескоро.

– И давно он главарь? – пытаюсь не реагировать на сарказм Марата, спросил Эмиль.

– Приблизительно недели три уже.

– И мне только сейчас решили об этом сказать?

– Это не я решил. Будь моя воля, я бы про тебя даже не вспомнил, но Гера сказал собирать всех, и делать это постепенно, чтобы убедиться, что никто крысой не окажется. Ты ведь не крыса, Эмиль? – многозначительно произнес Марат. – С погонями не общался в последнее время? – на лице Марата появилась ухмылка, которая выводила Эмиля из себя. Ему захотелось взять что-нибудь тяжелое, чтобы запустить тому прямо в лицо.

– Значит, Гера мог предположить, что я могу быть крысой, – закипая от злости, медленно начал Эмиль, – а вот про тебя он не мог так сказать, да? – глаза Эмиля расширились от ярости, а дыхание участилось. – То есть тот, кто первый удирает, как крыса с корабля, достоин доверия? – Эмиль выделил слово «крыса», что не могло не задеть Марата. – Получается, тот, кто первый сбежал, бросив главаря, теперь проверяет всех остальных на преданность? Так, что ли? – последний вопрос Эмиль выкрикнул, не сдержав эмоции.

– Ты бы следил за помелом своим, – прорычал Марат, подходя вплотную к забору.

– А то что? Да как вообще Гера принял тебя обратно? – вскрикнул Эмиль в негодовании.

Марату, похоже, было нечего ответить. Он колебался. С одной стороны, он был в бешенстве, а с другой, его что-то удерживало от того, чтобы оббежать забор и накинуться на

своего врага.

Эмиля удивило молчание Марата, он даже расстроился, что тот не стал лезть в драку. Марат, шурясь от злости, смотрел на него, но ничего не предпринимал. Его губа подрагивала, будто пыталась сдержать все слова, которые хотел сказать Марат. Эмиль вдруг подумал, что Марат не лезет на рожон только потому, что порядок в своре еще не налажен, и если он изобьет Марата, никто не будет сейчас защищать этого уroda, и уж тем более наказывать Эмиля за это.

– Ты собираешься возвращаться или нет? – процедил Марат сквозь зубы.

Эмиль задумался.

– Нет! – громко и настойчиво сказал Левон. – Даже не думай, Эмиль! – Левон увидел ненавистную морщину на лбу племянника, которая означала, что тот уже решил, что будет делать. – Да зачем тебе возвращаться? Марсель исчез, твоей маме не нужны теперь дополнительные деньги, которые ты приносил! – чуть ли не крича, продолжал хранитель.

– Где база? – тихо спросил Эмиль.

– Это да или нет?

– Да, – незамедлительно ответил Эмиль.

Этот ответ, похоже, немного успокоил злобу Марата, так как его глаза перестали шуриться. Лицо парня приняло безразличный вид, но Эмиль чувствовал презрение, исходящее от него. Он знал, что его возвращение расстроило Марата, а значит, это хоть немного, но стоило того. Тот наверняка не

хотел снова видеть его в «семье». Возможно, Марат планировал когда-нибудь стать главным, но знал, что Эмиль никогда не даст ему это сделать.

– Идем, – сказал Марат и, отвернувшись, зашагал прочь. Он даже не стал ждать, пока Эмиль обойдет забор, чтобы оказаться рядом с ним.

Эмиль секунду раздумывал, а затем быстро пошел вдоль забора, чтобы выйти через калитку. В это время Марат уже удалился на приличное расстояние. Эмилю пришлось ускориться, чтобы не отстать от него. Через пару минут Эмиль нагнал Марата, который даже не обернулся проверить, идет ли тот за ним.

– Все так было хорошо! Все только налаживалось! Я же чувствую, что тебе не по себе! Ты уже чувствуешь себя паршиво, хотя еще не вернулся в эту грязь! – пытался достучаться до племянника хранитель.

Он шел за Эмилем, вглядываясь в его спину. Походка мальчика была резкая и уверенная, хотя Левон чувствовал его сомнения. Поэтому он никак не мог понять, для чего тот согласился вернуться. Он знал, что Эмиль в глубине души не хочет ничего этого.

Рядом с собой Левон заметил хранителя Марата. Тот с безразличным видом шагал за подростками. Невидящие глаза смотрели прямо на Марата. Левон почувствовал легкое раздражение от того, что только он переживает за подопечного. Его разозлило безразличие старика.

– Вот зачем ты тогда таскаешься везде за этим монстром? Ты же все равно ничего не делаешь! – Левон пронзительно глянул в лицо старика. Тот никак не отреагировал. – Ты же можешь просто исчезнуть! Отправиться туда, где тебе не придется мучиться от того, что ты не можешь помочь ему! – Левон начинал психовать. Он махнул рукой в сторону Марата. – Ему же совершенно плевать на тебя и на всех окружающих! Он никогда не услышит тебя! Так зачем ты вечно топаешь за ним, старик? Зачем, а?! – вскрикнул Левон, бешеными глазами впиваясь в лицо старика.

Пожилой мужчина не остановился. Он все так же размеренно шел позади подростков. После того, как Левон замолчал, тот повернул голову и, не сбавляя шага, посмотрел на него. На его лице появилась легкая улыбка. Но не злорадная, а какая-то добрая и успокаивающая. Мутные глаза старика смотрели сквозь Левона. Он будто знал то, чего Левон никак не мог понять.

– Ну и черт с тобой... – тихо произнес Левон и отвернулся. Старик улыбнулся еще шире.

Через двадцать минут подростки подошли к старому девятиэтажному дому, каких было с десятков. Марат уверенно прошел первый подъезд, и завернул ко второму. Не дожидаясь Эмиля, он открыл дверь и скользнул в подъезд. Через пару секунд уже и Эмиль был внутри.

– Мы что, идем в чью-то квартиру? – спросил Эмиль. Его голос разнесся эхом.

Марат молчал. Он поднимался по лестнице, не обращая на него внимания.

Эмилю бил в нос неприятный запах, который характерен для всех подъездов в неблагополучных районах. Они поднялись на шестой этаж, а Марат всё не останавливался. Краска грязно-зеленого цвета осыпалась на пол от любого прикосновения. Перила местами были вырваны, а стены исписаны и изрисованы неумелыми руками. Кто-то хотел изобразить анатомические особенности человека, и у него это не очень получилось.

Вот они поднялись и на девятый этаж, и Эмиль уже стал разглядывать двери, гадая, в какой квартире их ждут. Вопреки ожиданиям Эмиля Марат завернул к металлической лестнице, ведущей на крышу. Он заметил, как неустойчиво держится конструкция. Лестница шаталась и тряслась от каждого шага Марата. Тот долез до верха и откинул люк, который с грохотом открылся. Марат проворно влез наверх и исчез из вида. Эмиль ни на секунду не замешкался и целеустремленно полез вслед за Маратом.

Взобравшись на крышу, он ощутил прохладу осеннего ветра. От холода мурашки пробежали по всему его телу. Подросток увидел человек десять, находящихся здесь. Обстановка была такая же, как и раньше. Кто-то перешучивался, а кто-то сидел на краю крыши, курил и пил пиво. Создавалось такое впечатление, будто ничего и не изменилось. Единственным, кто выбивался из привычной обстанов-

ки, был Гера. Он стоял в стороне и с серьезным видом обсуждал что-то с двумя парнями.

– Еще один блудный сын вернулся! – выкрикнул кто-то.

Послышались смешки. Только после этого все замолчали и посмотрели на Эмиля. Марат сразу подошел к Гере и сказал пару слов. Тот удивленно посмотрел на Эмиля, а затем слегка улыбнулся. Эмиль же нахмурился, ощутив на себе все взгляды присутствующих. Он подошел к Гере, попутно рассматривая тех, кого он так давно не видел. Несмотря на то что напряжение, создаваемое гнетущим присутствием Рината, исчезло, появилась какая-то растерянность в знакомых лицах. Раньше все знали свое четкое положение и задачу, сейчас же никто не понимал, что от него требуется и что будет дальше.

– Рад видеть, – сдержанно произнес Гера, протянув руку Эмилю.

– Привет, – глухо ответил Эмиль.

– Так, ну тебя в курс вводить не надо, Марат должен был тебе все рассказать.

– Что-то типа того, – сказал Эмиль, глянув на Марата.

Тот достал сигарету из пачки и отвернулся. Он с безразличным видом направился к группе парней, которые привычно играли в карты и уже не смотрели на Эмиля и Геру.

– И на сколько Рината посадили? – спросил Эмиль, не отрывая взгляда от Марата.

Гера поднял одну бровь и мельком взглянул на Марата.

Затем кивнул головой парням, стоящим рядом с ним. Главарь дал им понять, что хочет поговорить с Эмилем наедине. Те сразу ушли. Один из них дружелюбно хлопнул Эмиля по спине, отчего тот наконец-то оторвал взгляд от Марата.

– Семь лет.

– Семь?! Он же никого не убил! – удивился Эмиль.

– Наркотики! Это сразу установили. Но почему-то мне кажется, что он выйдет раньше. Возможно, «крыша» постарается. Если, конечно, это будет им выгодно.

– Ясно, – задумчиво произнес Эмиль. – Слушай, тебя выбрали общим голосованием?

– Почему ты спрашиваешь? – Гера насторожился.

– Просто я-то был не в курсе... И кто присутствовал при том, когда ты решил собрать всех? – Эмиль старался говорить так, чтобы это не звучало в упрек главарю.

– Эмиль, ты против того, чтобы я был главным? Говори прямо. Я учитываю мнение каждого, если ты это имеешь в виду. Если кто-то против, пусть говорит об этом сразу и в лицо, – у Геры появились угрожающие нотки в голосе. Он неосознанно ощетинился.

– Нет, не в этом дело, – слегка смутившись, ответил Эмиль. – Я просто хочу разобраться, каким образом Марата приняли обратно? Скажи мне честно, ты доверяешь ему? – Гера расслабился. На его губах появилась ухмылка.

– Не особо, – медленно произнес он. – Но дело не в этом. Он нужен тут.

– А не ты ли рассказал, что он сбежал, как только почувствовал, как запахло жареным? Ты считаешь это нормально – прощать его? Ринат бы точно выжег ему глаз на этот раз за такое! И не только глаз...

– Ринат импульсивный наркоман, – резко и хладнокровно ответил Гера.

Гера был выше Эмиля на голову и старше на четыре года, но он всегда разговаривал с ним как с равным. Сейчас Эмиль почувствовал в его голосе властные нотки. Он никак не мог привыкнуть, что Гера теперь главный. Это слегка отрезвило Эмиля. Он постарался воспринимать его не как напарника, а как человека, который имеет преимущество над всеми здесь находящимися.

– Ринат не мог думать головой в последние годы. Ты разве сам не заметил? Он путал своих и чужих. А главарю просто необходимо работать головой. И думать нужно далеко наперед. Вот я так и делаю, Эмиль. И если я его позвал, значит так надо! Ясно?

– Я согласен с тобой. Но я хотел сказать совершенно другое. Ты не думаешь, что он и тебя кинет? – примирительно спросил Эмиль.

Гера вздохнул и снова посмотрел на Марата, который уже перемешивал колоду.

– Ты разве не слышал, что врагов нужно держать ближе, чем друзей? – в глазах Эмиля появилось понимание. – Все прекрасно понимают, что Марат трус. И если обделить и вы-

кинуть Марата, он первым делом побежит к погоням, чтобы всех сдать. Мне это не надо. Пусть лучше будет при мне. По крайней мере, я знаю, на что он способен. Я и не собираюсь доверять ему, как это сделал Ринат. Тот видел только то, что хотел видеть. Он был узколобым главарем, который думал, что способен контролировать каждого. Я же смотрю на вещи реально. Нам же безопаснее, если Марат будет в шайке.

Эмиль задумался. Он смотрел сквозь Геру. Затем в знак согласия кивнул и сказал:

– Ты главный – тебе решать. Но не требуй от меня того, чтобы я терпел его выходки.

– Да я и не требую этого от вас всех. Еще раз говорю – я не Ринат, и не буду вершить самосуд. У меня другая политика. Марат это прекрасно понимает, поэтому и старается не конфликтовать с другими. Он знает, что Ринат не защитит его, а остальные уверены, что им ничего не будет, если тот сам нарвется и получит за это. Он сдерживает свой гонор, хотя с тобой ему это дается очень уж непросто, – Гера глухо засмеялся. – У него такое лицо, будто его сейчас стошнит от твоего вида.

– Это взаимно, – Эмиль улыбнулся и наконец-то расслабился.

Он подумал о том, что Гера хоть и хороший дипломат, но ему недостает той жесткости, которая была в переизбытке у Рината. В таком деле нельзя быть мягким и дипломатичным. Эмиль видел недалекое будущее, которое ожидало Ге-

ру. Этим парням, как и собакам в стае, всегда нужно показывать, кто главный. Они привыкли так жить с самого детства. Только язык силы они понимают. А вот Гера как раз этого не осознавал. Он думал, что с бандой получится обращаться как с обычными школьниками, но в итоге они просто съедят его как слабого и негодного вожака. Эмиль не удивится, если первый, кто решит взбунтоваться, будет Марат. Если Гера в ближайшее время не поймет этого, его вскоре затопчут свои же.

– И что дальше? – спросил Эмиль.

– Сейчас мы собираем оставшихся. Вскоре «крыша» даст добро на то, чтобы пастись на новых территориях. На старые места мы вряд ли вернемся. Наверняка Ринат под кайфом рассказал про них. Но это нужно будет проверить. Пока что нам необходимо полностью обнулиться. Этого требует и верхушка. Они тоже боятся, что кто-то из нас может предать их.

– Мне казалось, что они ничего не боятся. Это должен делать тот, кто решит предать их.

Гера задумался. Он пристально смотрел на Эмиля. Холодный ветер порывами трепал волосы и одежду парней. Солнце близилось к горизонту, стало еще холоднее.

– Я сказал что-то не так? – Эмиль был озадачен серьезным взглядом Геры.

– Знаешь, ты был бы толковым главой, если бы не твоя отстраненность.

– Главой? Аккуратнее, а то вдруг я задумаюсь над тем,

чтобы сместить тебя, – Эмиль улыбнулся.

– Нет. Я серьезно. Ты все время какой-то щетинистый. Будто дикобраз. Это единственное, что делало бы тебя плохим предводителем.

Эмиль застегнул куртку. Небо стало оранжевым. Еще немного и солнце полностью скроется за многоэтажками.

– Ну, уж простите, у каждого свои минусы.

– И какой же минус у меня как у главаря? – незамедлительно спросил Гера.

– Ты действительно хочешь слышать мое мнение? – Эмиль подумал о том, что, возможно, чем-то выдал свои мысли.

– Почему бы и нет? Хочу слышать правду. Иногда бывает полезно посмотреть на себя со стороны, – Гера сощурил глаза в предвкушении чего-то.

– Ну не обижайся тогда, – слабо ответил Эмиль и засунул замерзшие руки в карманы куртки. Там он ощутил свой складной нож, с которым никогда не расставался, отчего сразу стал чувствовать себя увереннее. – Ты слишком мягкий.

– Мягкий? – неожиданно Гера засмеялся. – И в чем же я мягкий?

– Ты пытаешься вести себя с ними... с нами, как с людьми. В этом и проблема. Большинство из нас уже никогда не станут нормальными. А из-за твоего чересчур человеческого отношения это большинство скоро будет воспринимать тебя слишком слабым и податливым. Мне-то на все это наплевать.

Я из-за денег был с Ринатом, да и сейчас тоже. А вот остальные чувствуют себя единым целым. Они – как свора собак: дай только повод, и они накинута всей стаей.

На самом деле Эмиль был здесь не из-за денег. Он и сам не понимал, для чего согласился вернуться. Его что-то толкнуло пойти за Маратом. Подросток до сих пор сомневался в правильности своего решения.

Геря молчал. Он ответил не сразу. Эмиль смотрел, как снисходительное выражение лица главаря сменилось гнетущей задумчивостью. Подросток начал нервничать, когда из-за молчания Геры стал различать разговоры других парней. И тут главарь медленно и с расстановкой произнес:

– И как ты можешь говорить о доверии к Марату, когда сам сейчас признал, что не считаешь себя одним из нас? – он пристально смотрел в глаза Эмилю. – Он хотя бы мнит себя единым целым со всеми остальными. Они все хотя бы преданы мне не только из-за денег. Так, может, это тебе нельзя доверять?

Эмиль был ошарашен. Он молча таращился на угрюмое лицо Геры. Тот тяжелым взглядом посмотрел за спину Эмилю, и, ничего не сказав, ушел в сторону толпы подростков. Главарь дал знать, что разговор был окончен.

глава 11

Шло время, и жизнь в шайке понемногу восстановилась. Благодаря усилиям Геры они даже смогли вернуть старые территории, на которых, как и раньше, «зарабатывали» деньги. Через какое-то время появились и новые места. Это стало источником новых денег и возможностей. Все вроде бы расслабились, позабыв диктаторский режим Рината. Через год никто уже и не вспоминал про психа, который был у них главным. Все, кроме Эмиля. Он часто сравнивал его с Герой. Они были кардинально разными людьми. Эмиль так и не понял, как Гера с его видением мира смог быть правой рукой Рината. Ринат делал все то, что не уважал и против чего сейчас боролся Гера. И тем не менее тот доверял ему тогда. Гера хорошо скрывал свое презрение к Ринату, что и сыграло ему на руку. Хотел бы Эмиль так же контролировать свои эмоции.

И вот то, чего боялся и предрекал Эмиль, стало сбываться. Главу не уважали. Все слушались его, но вот в исполнении поручений уже не присутствовало той почтительности, которая была при Ринате. Где-то даже было пренебрежение. Особенно это было заметно в отношении Марата к нему. Образовалась отдельная группа внутри стаи, которая небрежно вела себя в его присутствии. И, естественно, этим негласным главарем был Марат. Вместе с ним всегда были Эдгар

и Крис. Они были своего рода подпевалами, хоть открыто и не поддерживали его. Эдгар был младше Марата. Он видел в нем наставника и лидера, втихаря поддакивал ему и, более того, старался угодить. А вот Крис был одного возраста с Маратом. Он меньше показывал свое неуважение к Гере и держался слегка отстраненно от всего этого. Но все прекрасно понимали, что он тоже поддерживает Марата. Крис, возможно, тоже понял, что Гера не годится на роль главаря и что его скоро сместят, поэтому решил примкнуть к тому, кто вероятнее всего займет его место. Он искал свою выгоду.

С каждым днем нарастало напряжение. Марат уже не ощущал себя затравленным из-за того, что его никто не защитит. Теперь у него была какая-никакая поддержка. Подросток стал вести себя высокомерно. Эмиля же он демонстративно не замечал. Марат полностью игнорировал того, как и его шестерки. Для чего он это делал, Эмиль не особо понимал. Он мог только предполагать, что Марат еще не чувствовал себя полностью защищенным, поэтому так усиленно избегал конфликтов с ним.

Эмиль чувствовал, что вот-вот что-то должно было произойти. Подросток понял это по взглядам остальных парней. Кто-то открыто ухмылялся, когда Марат вел себя неподобающе с Герой, кто-то неодобрительно хмурился, а кто-то сидел в ожидании более решительных действий от главаря, которых он был не в состоянии сделать.

На самом деле Гера замечал все, вот только не предпри-

нимал того, чего ждали другие. Он уперто продвигал свою идею человечности и демократии, тем самым надеясь стать для всех лидером, за которым будут идти не из-за страха или выгоды, а из-за преданности и уважения. Вот только с ними нельзя было вести себя по-человечески. Это были потерянные люди. Большинство из них уже никогда не станут адекватными взрослыми и нормальными членами общества. Он пытался спасти их, но это было уже невозможно. Они с детства видели только насилие, грязь и жестокость. Презрение других людей к ним, и даже их родных, навсегда сломало желание стать лучше. Таким людям не объяснишь, что есть вещи, кроме насилия, которые заслуживают уважения. В их понимании, герой – это те крышующие их мужчины, которые убивали и калечили людей по собственным законам. Парни не сознавали, что такое мировоззрение ведет только к одному – тюрьме, далее какое-то существование, ну и в конце ранняя смерть. Из-за своей наивности они романтизировали такую жизнь. И не задумывались о том, что у таких людей нет настоящего счастья и любви. Они знают только насилие и мимолетные привязанности к вещам и людям, которые сразу обрываются, когда им что-то вдруг становится не по душе.

Эмиль был наготове. Он знал, что рано или поздно Марат захочет больше власти. Как главаря он его никогда не признает, поэтому подросток сразу для себя решил, что не позволит ему сместить Геру. Даже если Гера не захочет войны

внутри их шайки, Эмиль все равно будет бороться против Марата. По-другому он и не мог думать. К тому же крови и так было не избежать. Уж лучше пусть это будет кровь Марата.

– Эмиль, ты слышал? – обратился Гера к нему. Пока главарь объяснял план действий, Эмиль рассматривал Марата. Тот что-то разглядывал в телефоне, затем показывал это Эдгару и Крису, и те вместе ржали. Эмиль задумался над тем, что было опрометчиво со стороны Марата трепать Гере нервы сегодня. Обычно главарь как будто не замечал всего этого, но сегодня его поведение отличалось от повседневного. Он выглядел нервным с самого утра.

– М? – ответил Эмиль, оторвав наконец взгляд от Марата. Гера хмурился.

– Слышал, куда ты идешь сегодня? – Глава вопросительно смотрел на него.

– Угу, – Гера поднял одну бровь. – Буду «пасться» в центре.

Ответ, видимо, удовлетворил его, так как тот сразу переключился на другого парня. Эмиль снова погрузился в свои мысли. Он задумался о том, что если начнется революция в банде, будут ли остальные на стороне Геры? А вдруг большинство думают так же, как и Марат? Вдруг они хотят не демократа? Вдруг им как раз нужен диктатор типа Рината? В таком случае ему будет несладко. Марат явно отыграется на Эмиле за все годы. А Гера, скорее всего, просто смирится

с этим.

Эмиль услышал имя Марата сквозь свои мысли. Гера обращался к нему.

– Ты не хочешь уже заняться делом? Я двадцать минут назад сказал тебе, что делать, – он пристально смотрел на парня в выцветшей черной футболке и с грязными руками.

Марат оторвал взгляд от телефона и не поднимая головы посмотрел на Геру. Пару секунд он ничего не делал, а затем с недовольной миной убрал мобильный в карман. Все напряглись. В воздухе уже ощущалась незримая борьба между ними. Марат нехотя поднялся и повернулся к выходу. За ним поднялись Крис с Эдгаром.

– Вам я, по-моему, не говорил еще, куда идти, – сказал Гера в спины шестеркам Марата.

Крис и Эдгар остановились и переглянулись. Затем Крис взглянул на Марата, который уже повернул назад.

– Мы всегда ходили вместе. Раньше тебя это устраивало, – сказал Марат.

– Раньше было раньше. Сейчас я говорю, что ты пойдешь один, – в его голосе появилась так редко проявляющаяся строгость.

– Что же случилось, что тебя перестало это устраивать?

– Ты собираешься спорить со мной?

– Просто хочу все выяснить, – Марат понизил голос. Он остановился в двух шагах от Геры.

– Ты не должен ничего выяснять. Ты должен делать то,

что тебе говорит главный! И насколько я помню, главный тут я! Если тебе не нравятся мои решения, можешь спокойно валить отсюда! Я не Ринат и калечить тебя за уход не буду, не переживай.

В воздухе повисла тишина. Те, кто до сих пор не особо прислушивался ко всему происходящему, стали внимательно наблюдать. Они не могли понять, на полном ли серьезе говорит главварь.

Эмиль даже и не надеялся на то, чтобы изгнать Марата. Это была слишком резкая перемена точки зрения Геры. В прошлый раз главварь дал ему ясно понять, что Марат будет в шайке и точка. Он вспомнил его слова о том, что врага нужно держать ближе, чем друга, и что Марат должен быть с ними, чтобы не подставить их. Он даже и подумать не мог, что Гера так спокойно захочет выгнать Марата. В его голове сейчас возникали предположения о том, что могло повлиять на его мнение.

– О как! А ваш главный-то начал шевелить мозгами, раз решил наконец-то выгнать крыс! – произнес Левон себе под нос. Если бы не нервное состояние Эмиля, он даже повеселился бы, наблюдая за происходящим.

– Да, – медленно произнес Марат, – мне не нравятся твои решения. И нет, я не собираюсь уходить из «семьи», – Марат мельком оглядел всех парней. – А ты, я смотрю, так и мечтаешь избавиться от меня?

Гера промолчал. Он выжидающе смотрел на высокомер-

ного подростка. Вдруг у Марата изменилось выражение лица, и он засмеялся.

– Так ты реально выгоняешь меня? – произнес он сквозь смех.

– И что же тут смешного?

– Ха! Да, может то, что ты не в состоянии никого выгнать!

Эти слова были как пощечина для Геры. Наблюдатели удивленно переглянулись. Некоторых парней ответ Марата позабавил, и они откровенно скалили зубы.

– И почему же ты так решил? – по голосу Геры всем стало ясно, что слова Марата выбили его из колеи. Из нападения он перешел в оборону. Эмиль заметил, как главарь слегка опустил голову и напряг плечи. Он был похож на загнанного зверя. Такой вид был ему не свойственен. Марат же этого не замечал. Он издевательски улыбался.

– Обстановка накаляется. Может, пойдем отсюда? – не рассчитывая на успех, произнес Левон.

Эмиль перенял напряжение Геры на себя. Как всегда в таких случаях, он неосознанно сделал шаг навстречу Марату. Эмиль сам того не знал, но его чувство справедливости всегда толкало его вперед, чтобы защитить слабого. Настроение Марата резко изменилось. Что-то осознав, он перестал посмеиваться. Улыбка превратилась в оскал.

– Ты вечно такой белый и пушистый! – прошипел он. – Ты все время хочешь быть для всех хорошим. Ты не в состоянии принять такое решение! Ты как хомячок: вечно что-то

суетишься, пыжишься, а толку никакого. Ты не в состоянии даже укусить!

Это было началом революции и концом демократии их главаря. Эмиль не думал, что это начнется так скоро.

Гера, хоть и ждал отпор, но к такому резкому ответу, пропитанному ядом, не был готов. Он на секунду вытянул шею, будто в удивлении, а затем снова опустил подбородок и сжал кулаки. Его глаза налились кровью.

– Раз этот гаденыш решил устроить стычку именно сейчас, значит, он уверен в своей победе, – сказал Левон и взглянул на слепого старика.

Тот был чернее тучи. Хранитель Марата сжался так, будто ему было стыдно за своего подопечного. Его мутные глаза блестели, а губы слегка подрагивали.

– Ничего не хочешь предпринять? – обратился Левон к нему.

Но старик, как обычно, полностью игнорировал Левона и смотрел в пустоту. Левон раздраженно фыркнул. Эмиль вдруг понял, что у многих парней поднялось настроение. Они улыбались, посмеивались и подначивали Марата. Кто-то делал это открыто, а кто-то улыбался лишь глазами. Эмиль стал рассматривать каждого. Его поразило то, что большинство поддерживает Марата. Именно этого он и боялся.

Эмиль с нервным нетерпением стал ждать твердой реакции от Геры. Он надеялся, что глава сможет на корню пре-

сечь выходку Марата. Но Гера почему-то не решался действовать. Если бы это был Ринат, то все, включая Марата, были уже как минимум покалечены, а как максимум мертвы. А будь на месте него сам Эмиль, он бы уже давно повалил Марата с первого удара и бил бы его до тех пор, пока тот не перестал сопротивляться.

Ухмылка Марата снова вернулась, когда он понял, что Гера трусит. Подросток видел, что поддержки у него почти нет. Это и отличало его от Рината, Марата и даже Эмиля. Они не размышляя бросались в бой, как звери. А Гера всегда все анализировал, что и делало его слабым.

– Хомячок значит? – выдавил Гера с непонятной усмешкой. – Ну а ты, значит, крыса, Марат! Я хотя бы не такой грязный и вонючий! – звуки веселья стихли.

– Че ты вякнул! Крыса? Я? – Марат сделал два решительных шага навстречу.

– А кто, если не крыса сдает своих свиньям в погонах, а? – Марат, приготовившийся уже бить, остановился. В его глазах снова проблеснул страх.

– Че еще за чушь? – попытался Марат вернуть себе уверенность.

– Ты думал, я не узнаю? Или ты реально думал, что сможешь меня таким образом подвинуть? Хомячок позаботился заранее об этом. Твои доносы не принесли ничего, кроме неудобства и потери наличных, – Гера стал похож на потревоженного медведя. От него так и веяло яростью. – Думал,

сможешь работать на два лагеря, да? Думал, они никогда не тронут тебя, если ты будешь подкидывать им информацию? Я тебя удивлю: они съедят любого за деньги! – Гера повысил голос. Он почти кричал. Это выходило отвращение, скрываемое и копившееся долгими месяцами. Темные спирали появлялись и растягивались на душе Геры. Они шевелились и корчились вслед его крикам. Марат же весь сжался на манер своего хранителя. Он хотел было что-то сказать, но глава не дал ему открыть рот, продолжая выплескивать свою злость. – Если бы ты знал, как устроен мир, то не надеялся бы на их поддержку! Раскрою тебе секрет – больше всего в этой жизни человек должен бояться именно тех, кто обязан нас защищать! Люди должны бояться власти! Они наделены всем, чтобы уничтожить обычного человека! – он раздраженно ухмыльнулся и продолжил сквозь сжатые зубы: – Я делал все для того, чтобы вы, гиены жалкие, смогли выжить в этом мире, так как для всех остальных вы отбросы! Да, представьте себе – отбросы! Вас никто никогда не будет защищать! Ни полиция, ни судьи, ни политики! Вы для них мухи, которые появляются иногда в поле зрения и мешают своим жужжанием! Если бы не я, который отчислял им деньги, причем помимо наших старших, вы все уже сидели бы в колонии для малолеток! Я только и делал, что ограждал вас от этих шакалов! Но я теперь понял! – он засмеялся.

Внезапное осознание своих ошибок отразилось на лицах парнях. Они слышали правду, о которой даже не задумы-

вались. Считая все блага за должное, они не задумывались о том, что все могло быть и по-другому.

– А вам не это было нужно, вам как раз таки и нужно, чтобы с вами как с грязью! Поэтому вы все и терпели Рината! Вам нравилось быть побитыми шавками!

– Это все не так! – выдавил Марат. – Че ты тут нам чешешь!?

– Да ладно? Может, спросим у твоих друзей, которым ты стучал? Не боишься?

Теперь Марат выглядел затравленным. Он пытался как-то реабилитироваться, но все видели, что Гера раздавил его морально своей правдой.

– Сам сказал, за деньги они сделают что угодно! – он подошел ближе к Гере и испугано прошипел ему в лицо: – Ты не докажешь!

– Я свидетель, – неожиданно подал голос Эмиль.

Он стоял достаточно близко, чтобы разобрать слова Марата.

Именно Эмиль впервые заметил, что Марат работает на две стороны. Он рассказал это Гере, правда, не надеясь на поддержку. Тот выслушал его, ничего не комментируя. Эмиль думал, что главарь не поверил ему, а оказалось, что Гера сам убедился в этом. Он проследил за Маратом и все сам увидел.

Марат бешеным взглядом впился в Эмиля. Было ощущение, что он сейчас его разорвет на мелкие кусочки.

– Да чтоб тебя, Эмиль! – взвыл Левон. – Да что тебе нейметя-то!

– А тебя, подсиралу, никто и не спрашивал! – сдерживаясь, чтобы не кинуться на Эмиля, прорычал Марат. У него тряслись руки от возбуждения. Марат снова обвел взглядом парней. К его ужасу, поддерживающих лиц почти не осталось. Он посмотрел на Крису с Эдгаром. Те углубились в толпу, и он сразу понял, что они трусили. Это взбесило Марата еще больше.

– Ссыкуны.

– Да не помогут тебе твои шавки, не смотри ты так на них! – съязвил Эмиль.

Марат рывком бросился к нему. Его глаза наполнились кровью. Он жаждал отыграться хоть на ком-нибудь.

– Ты еще поуказывай, на кого мне смотреть!

– Не в твоём положении кидаться в драку, – заорал Гера.

Этот крик отрезвил и остановил Марата. Он не отрывал от Эмиля глаз, полных ненависти и желания убить.

– Можешь расслабиться! Как ты и мечтал, я ухожу, – продолжил Гера. – Вы все, – он обвел подростков презрительным взглядом, – меня задолбали. Я больше не собираюсь тут с вами торчать! – встретившись с ошеломленным взглядом Эмиля, он изменился в лице. На нем появилась маска безразличия и усталости, которая скрывала разочарование.

– Мне плевать, что с вами будет. Хоть сдохните тут все.

После этих слов Гера молча направился к выходу, захва-

тив с перил свою полупустую пачку сигарет. Напоследок он кинул взгляд на Эмиля, в котором читалось сомнение.

Все случилось стремительно. Эмиль не заметил, как сам мысленно оторвался от шайки. Он ощутил одиночество в тот момент, когда ушел Гера, что очень удивило его.

– Тебе здесь больше делать нечего, – сказал Левон.

После этих слов Эмиль без сомнения последовал примеру теперь уже бывшего главаря. Он даже не взглянул ни на кого. Даже Марат перестал его раздражать. Ему просто хотелось освободиться от всей этой мерзости, в которую он и сам не знал, зачем снова влез.

Эмиль прекрасно понимал, что Марат сейчас занят другими мыслями, поэтому не боялся, что тот нападет на него из-за спины. Наверняка, он думал в этот момент только о собственной шкуре. Эмиль покидал логово голодных гиен, где сейчас загрызут своего же.

глава 12

В жизни каждого человека наступает такой момент, когда он думает, что повзрослел и стал самостоятельным. Подросток думает: «У меня есть карманные деньги, я могу покупать на них, что хочу. Могу пить и курить. Я уже слишком взрослый, чтобы слушать родителей». Через пять лет этот же человек думает: «У меня есть девушка и машина. Я уже не живу с родителями. Теперь-то я точно стал взрослым». Еще через пять лет он говорит себе: «Я зарабатываю деньги, у меня есть жена и хоть и съемная, но квартира. Я сам плачу за воду и свет. Какой же я был глупый, когда думал, что был взрослым. Вот только сейчас я наконец-то вырос и стал самостоятельным». Еще через пять лет, когда у него появляется ребенок, кредиты, проблемы со здоровьем, он думает: «Как же я заблуждался, когда считал себя взрослым человеком в двадцать пять лет. Я столько преодолел тяжелого в своей жизни и только сейчас до меня дошло, что раньше я был ребенком. Лишь сейчас я могу назвать себя полноценным человеком. Наконец-то я вырос». И это продолжается бесконечно. Только оглядываясь назад, люди понимают, насколько незрелы были их поступки. Они уверены, что вот сейчас они поступили бы совсем иначе.

Возможно, к старости некоторые понимают, что никогда, по сути, и не были взрослыми. Кто-то только играет эту роль.

Кто-то настолько вжился в нее, что и сам начинает верить в это. А кто-то даже и не пытается взрослеть. Как бы хорошо человек не контролировал свое поведение, считая, что излишняя эмоциональность свойственна только детям, его эмоции сами по себе всегда будут признаком того, что человек – это вечный ребенок. Будь то скрываемая ярость, ревность, восхищение, да хоть страх. Все эти эмоции даны человеку, чтобы он их не скрывал, боясь показаться незрелым, а для того, чтобы жил и наслаждался жизнью. Для того, чтобы он видел настоящие эмоции другого человека, и не ломал себе голову философскими размышлениями о том или ином поведении людей. Почему люди вообще решили, что им обязательно нужно стать взрослыми, я не понимаю.

Вот и Эмиль дошел до такого возраста, когда решил, что стал абсолютно самостоятельным. Ему стукнуло семнадцать лет. Совсем недавно он выпустился из школы и стал подрабатывать уже законным способом, разнося еду, а иногда и раздавая листовки. Эмиль встретил девушку на одной из подработок. Они быстро сблизились и стали встречаться. Именно то, что у него были деньги, которые он сам зарабатывал и тратил на Амалию, и поспособствовало тому, что он стал считать себя совсем взрослым. Амалия была очень красивая и хрупкая девушка с зелеными глазами и длинными каштановыми волосами. Она казалась милой, хоть порой и устраивала сцены. Эмиль был поражен тому, насколько легко девушка иногда обижалась на него. По своей наивности

и неопытности он думал, что сам был виноват в этом. Ему казалось, как и каждому наивному парню, который впервые влюбился, что это настоящая и самая чистая любовь. Но он еще не знал, что бывает и по-другому. Как и Эмиль, Амалия сама была из небогатой семьи. Она мечтала когда-нибудь стать знаменитой, жить за границей в большом коттедже и завести маленьких дорогих собачек. Эмиль слушал о ее мечтах и не воспринимал их серьезно. Он думал, что это были мечты из той категории, о которых ты думаешь и понимаешь, что они никогда не исполнятся. Что-то типа: «Вот бы мне в космос полететь». Поэтому и в ее капризах он не углядел той жадности, которая скрывалась в ней. Парень все время думал, что все девушки такие, и даже его мама в молодости была такой. Поэтому нужно просто подождать и все станет иначе. А если дать ей то, чего она хочет, Амалия и не будет больше плакать и дуться на него.

Нане не очень понравилась девушка, но она понимала, что Эмиль только обидится, если она скажет ему правду. Подростки по-настоящему не желают слышать истину. Они хотят, чтобы им говорили то, что они ожидают услышать. Поэтому Нана и не стала критиковать Амалию, после того как сын с горящими глазами спросил ее мнение. Нана просто улыбнулась, похлопала Эмиля по плечу и сказала: «Она очень красивая, сынок». Эмиль был счастлив, а Нана знала, что рано или поздно он сам все поймет.

Было прохладное утро конца осени. В воздухе ощущалась

свежесть северного ветра. Серые облака напоминали о том, что зима уже не за горами.

Милена уже издали узнала Амалию из-за спины. Девушка была яркая и примечательная – ее сложно было не узнать. Эмиль как-то познакомил их, но теплых чувств она не вызвала у Милены. При знакомстве Амалия фальшиво улыбалась, чего Эмиль не замечал, а затем и вовсе начала жаловаться на головную боль, чтобы быстрее уйти с Эмилем домой. Из-за своей девушки Эмиль стал совсем редко видеться с сестрами. Милена начинала уже злиться, так как не могла объяснить младшей сестре, почему их брат перестал приходиться к ним. И вот сейчас она шла к Эмилю на работу, чтобы поговорить с ним об этом. Его девушку она не ожидала увидеть. Видимо, та поменялась с кем-то местами, чтобы раздавать рекламные брошюры вместе со своим парнем.

Амалия оживлено ходила взад и вперед, суя в руки прохожим цветные листочки. Она выбирала преимущественно людей мужского пола. Милена видела, как девушка заигрывающе заглядывала в лица симпатичных парней и кокетливо улыбалась. Эмиль, к удивлению сестры, этого не замечал. Он не спеша шел в ее сторону и вяло раздавал листовки, бубня что-то себе под нос. Люди неохотно забирали у него эти бумажки, не то что у Амалии. Ей помимо этого еще и улыбались, а некоторые парни даже оборачивались вслед.

Милена, плотнее укутавшись в куртку, прошла мимо девушки, хотя та ее все равно не видела.

– Привет!

– О, привет! Ты чего тут? – удивился Эмиль, увидев сестру.

Милена глянула в сторону Амалии. Та еще не заметила ее. Она была занята – показывала себя прохожим людям. Уже очень ей нравилось красоваться.

– Поговорить хотела, – сказала она напряженно.

– Все нормально? Ты загруженная какая-то.

«Какие же парни узколобые, – подумала Милена – Вечно им нужно все разжевывать».

– А это нормально, что она строит глазки всем парням? – она кивнула через плечо в сторону Амалии.

Эмиль поднял бровь и заглянул за плечо Милены. Разглядывая свою девушку, он пожал плечами. Амалия в этот момент протянула листок пожилому мужчине и сказала заготовленную фразу.

– Ты чего? Она просто очень доброжелательная. Видишь, она всем улыбается.

Милена фыркнула:

– Ага, всем парням.

– Да неужели! – вскрикнул Левон и театрально всплеснул руками. – Ну хоть кто-то тебе, бестолочь, глаза откроет! А то совсем отупел от своей любви!

Эмиль слегка покраснел, будто услышал Левона. Его дядя все прекрасно видел и понимал, но в таком вопросе не мог повлиять на Эмиля. Гнев племянника он как-никак мог

притупить, но нынешняя ситуация касалась сердца. В дела любовные Левон не умел вмешиваться. Да он и боялся это делать. В конфликтах между парнями хранитель всегда знал, где правда и как нужно поступить, а вот как поступать в конфликте с девушкой, он и сам не знал. Поэтому Левон предпочитал не вмешиваться в отношения влюбленных.

– Да что с тобой? Не наговаривай! – Эмиль, сам того не понимая, принял оборонительную позу. Парень засунул руки в карманы и повернулся боком к сестре. – Ты какая-то злая. Что она тебе сделала? Ты про нее хотела поговорить, что ли?

– Да ничего не сделала! – рыкнула Милена. – Мне – ничего! Плевать мне на нее! А вот тебе еще сделает! – она сама не поняла, как сказала это. Девушка хотела спокойно поговорить с Эмилем, а получилось как всегда. Его сестра начала закипать и повышать голос. – Но тебе же бесполезно что-то доказывать! Ты же втрескался в нее по уши и не видишь даже очевидного!

Амалия наконец-то увидела, а точнее услышала знакомый голос. Повернувшись на его звук, она пригляделась. Девушка не была в восторге от того, что увидела Милену. Сжав губы, она походкой модели пошла к ним. При первой встрече Милена сразу не понравилась ей. Она убедила себя, что причина была в том, что Эмиль слишком зависит от своей сестры. Она и Лилия слишком много времени требуют от него, а это неправильно. На первом месте должна быть она, а уж по-

том все остальные. Но настоящая причина была до банальности проста – зависть. В глубине души девушка понимала, что Милена намного красивее ее. Черные прямые длинные волосы струятся, как лошадиная грива, осиная талия и неземной красоты глаза. Ей и краситься-то не приходилось, в отличие от Амалии. Только благодаря ярко покрашенным глазам и долгому труду с плойкой у зеркала она становилась тем, кем хотела быть. От природы у Амалии были правильные черты лица, но без косметики она выглядела серой и невзрачной. Милена же была сделана из контрастов. Белая кожа и черные волосы, пышные черные ресницы и бледно-розовые губы.

Зависть – вот что уничтожает все хорошее в людях. А в душе Амалии из-за зависти появилось пятно кислотного цвета, которое становилось все больше, стоило ей увидеть сестру своего парня.

– Привет! – неохотно сказала она Милене, когда подошла к ним. – Все в порядке? – Она прищурилась, вглядываясь в Эмиля.

– Все хорошо, – ответила Милена, не дав открыть ему рот. В ее голосе было слышно раздражение. – Можно мы поговорим без тебя?!

Амалия тут же вспыхнула от возмущения.

– Вот это да! – произнес Левон. – Как мужчина говорю тебе, парень, – беги! – и засмеялся. Для него это выглядело так по-детски смешно: первая любовь, ревность, разборки из-за мальчика. Но душевное состояние Эмиля всегда останавли-

вало веселье хранителя. Он чувствовал его замешательство и взволнованность.

– О чем это такое вы будете разговаривать, что мне нельзя слышать? – выдавила она из себя.

– Ну раз уж тебе нельзя это слышать, то и рассказывать об этом не нужно, не так ли, гений?! – съязвила Милена.

– Да что с тобой такое? – Эмиль начал злиться. – Ты можешь при ней говорить все! Она моя девушка! Она знает абсолютно все! Что не так-то?

Амалия стояла вся красная от злости. Ее глаза были широко раскрыты. Неимоверным усилием воли она заставила себя прикрыть рот, когда хотела уже послать куда подальше Милену. Девушка не хотела, чтобы Эмиль обиделся на нее из-за этого. У Милены заблестели глаза от обиды.

– Вот и будьте счастливы! – она резко повернулась и пошла домой. Толкнув плечом Амалию, Милена на секунду повернулась обратно и крикнула:

– А я твоя сестра! О чем ты уже, видимо, забыл!

Амалии хотелось броситься вдогонку и схватить ее за волосы. Она была в ярости. Но честолюбие не дало ей предпринять таких решительных действий. А точнее не честолюбие, а ее хранитель, который внушил ей то, что она предстанет в невыгодном свете перед своим парнем, да и перед всеми прохожими, если снова начнет драться. Ее хранителем была мать. Она умерла, когда девочке было четырнадцать лет. Женщина была очень доброй, хоть и недалекой. В первую

очередь ее волновало только то, что подумают другие о ее дочери. Именно поэтому Амалия превратилась из четырнадцатилетнего сорванца в милую девушку, которая всегда выглядит и делает только то, что не портит ее образ идеальной девушки. Вот и сейчас вместо того чтобы броситься с кулаками на Милену, она прислушалась к матери и поняла, что это только навредит ей.

– А вот это правильно, – прокомментировал Левон. Он хоть и не одобрял мировоззрение Марии, но никогда и не осуждал поступки этой женщины. К тому же всего за три года она сумела полностью найти связь с душой дочери. В отличие от Левона, который до сих пор не всегда мог пробиться через броню Эмиля.

– Почему ты ничего не сделал? – возмутилась Амалия. – Ты же видел, как она сильно толкнула меня!

– А что ты предлагаешь мне сделать? Побить ее? Она все-таки моя сестра!

Девушка надула губы и отвернулась. Она перебрала листовки в своих руках и прикинула, что их еще достаточно для того, чтобы подольше побыть рядом с Эмилем и делать вид, что она очень обижена на него. На самом деле девушка не особо-то и злилась на него, но ее гордость пострадала, и кто-то должен был за это ответить. А Эмиль, она считала, должен был сразу если не заступиться, то хотя бы успокоить ее. Она решительно двинулась от него и остановилась метрах в двадцати. Девушка встала так, чтобы он мог видеть ее

грустное лицо. Она ожидала, что парень очень скоро подойдет к ней, чтобы помириться, но, к ее удивлению, он даже и не думал этого делать. Эмиль в полной задумчивости протягивал рекламную брошюру проходящим мимо людям, забывая даже проговаривать лозунг пиццерии, которую они рекламировали. Он был в полнейшем замешательстве. Эмиль впервые в жизни оказался между двух близких ему людей.

– Ну ты же понимаешь, что Милена тебе родной человек. И будет таковым всю жизнь. А Амалия не факт, что будет всю жизнь с тобой, – произнес Левон. – Я же чувствую, ты знаешь это, – Эмиль посмотрел на свою девушку и наконец-то заметил ее расстроенное лицо. Он почувствовал себя виноватым и покраснел. Но, к его удивлению, виноватым не перед ней, а почему-то перед Миленой. Парень вспомнил, что она хотела поговорить с ним, и подумал о том, что это могло быть что-то важное. А вместо того чтобы сгладить конфликт между девушками и выслушать сестру, он вел себя как ослороп.

– Почему ты не направишь его, чтобы он извинился перед моей дочкой? – возникла перед Левоном хранитель Амалии. Она была расстроена.

– Мария, лучше не лезьте не в свое дело, – устало ответил он. С тех пор как Эмиль и Амалия начали встречаться, Мария часто навязывала свое мнение Левону.

– Как это не в свое? Это напрямую касается моей дочери!

– Так и следите за своей дочкой, а за Эмилем я сам при-

смотрю. Хорошо? – он улыбнулся. Все-таки она была неплохим человеком, и стала довольно хорошим хранителем. Просто Мария уж очень сильно, почти до фанатизма озабочена всем, что касается ее дочери. Левон подозревал, что это связано с тем, что при жизни женщина очень мало уделяла ей времени. Так она пытается исправить все. И Левон ее прекрасно понимал.

– Вот вы вечно ничего не делаете. Хотя могли бы, – тихо сказала она и удалилась к дочери.

– Если бы мог... – ответил Левон в никуда.

Амалия в это время начинала уже злиться на то, что Эмиль до сих пор не подошел к ней. С каждой минутой в ней все больше и больше закипали обида и злость. Она уже чуть ли не швыряла листки людям в лицо. Некоторые от нее шарахались, а кто-то и вовсе недовольно выбрасывали бумажки, которые она только что ткнула им в грудь. Ее осенило. Нужно сделать так, чтобы у него не осталось выбора. Девушка огляделась и заметила молодого парня, идущего прямо на нее. Он уткнулся в телефон и что-то печатал на ходу.

– Молодой человек, – она скромно улыбнулась, – не можете девушке?

Парень оторвал глаза от телефона и озадаченно вытаращился на нее.

– Э... Ну да. А что, собственно, случилось?

– Для начала ты бы мог взять у меня брошюру, – он непонимающе взял протянутую ему бумажку и взглянул на нее.

Амалия краем глаза следила за Эмилем. Как только он увидел ее, она широко заулыбалась парню и хихикнула.

– Видишь вот эту пиццу? Говорят, она ну очень вкусная. А я ее никогда не ела, – она откинула рукой прядь волос и снова кокетливо улыбнулась.

Парень все еще не понимал, что ей нужно от него. Амалия про себя обозвала его тормозом, а снаружи продолжала флиртовать.

Эмиль наконец-то все заметил. К его щекам прилила кровь. Он почувствовал жар в горле и давление на глазах. Парень уже шел в их сторону, окутанный ревностью, как Левон с усталостью и раздражением крикнул ему в спину: «Да она специально это делает! Что, неужели не понял!?» И племянник остановился. И Эмиль, и Левон были ошарашены. Эмиль от того, как резко он прозрел, а Левон от того, как просто племянник услышал его. Это было не совпадение, Левон все чувствовал. Почему-то именно сейчас нить была настолько крепка, насколько никогда до этого момента. А все потому, что именно сейчас Эмиль подсознательно жаждал помощи. Он плохо разбирался в любовных делах, особенно в ревности. Ему нужен был совет. Парень вглядывался в Амалию, и хоть и чувствовал укол ревности и злости, но начал понимать, что она именно этого и добивалась своим поведением. Его удивило, что он так легко это понял. Эмиль подумал про сестру, которая буквально недавно говорила ему об этом. Теперь он мог поступать не в порыве злости, а бо-

лее-менее обдуманно.

Он решительно подошел к своей девушке и не глядя на дебильно ухмыляющегося парня, спросил:

– Все? Или дальше будешь клеить других парней?

Амалия не ожидала такой резкости от Эмиля. Девушка замешкалась, но мать быстро подбодрила ее.

– Все правильно, ему надо было просто извиниться, – сказала Мария.

– Ну раз уж тебе я не нужна, – очнулась девушка, – тогда, может, кто-то другой будет ценить меня больше? – она сделала вид, что Эмиль ей безразличен, но в душе ликовала от того, что тот все же подошел. А особенно от того, что она заставила его ревновать.

– Успокойся, – сказал Левон, почувствовав, что Эмиль снова закипает. Он хмуро посмотрел на Марию, но та была полностью сосредоточена на дочери.

– Может, прямо сейчас пиццу попробуем? – влез парень, с которым флиртowała Амалия. Ему не понравилось, что Эмиль так демонстративно проигнорировал его. Ему хотелось покрасоваться перед девушкой, и он сам стал идти на конфликт.

– Ну даже не знаю, – протянула она.

– Ты разве еще не догнал, что у нее есть парень? – прорычал Эмиль.

Тот был выше Эмиля на голову, из-за чего ошибочно решил, что легко побьет его, если придется драться.

– Ты, что ли? – фыркнул он с усмешкой.

– Долго соображаешь, тугодум. Наверное, оттого, что такой длинный.

Парень вспыхнул. Реакция была незамедлительна. Он даже не стал ничего отвечать и сразу ударил Эмиля в лицо. Удар был слабый, поэтому Эмиль только отшатнулся и слегка согнулся. Ему приходилось драться и с более сильными и большими противниками. Разбитой губы даже не почувствовал. Но такого удара было достаточно, чтобы Эмиля накрыло волной ярости, которую Левон не успел остановить. Парень уже начал считать, что уделал Эмиля, как тот налетел на него. Он молниеносно ударил его под дых, и тот встал на колени. Дальше Эмиль бил только по лицу. Буклеты разлетелись и рассыпались по асфальту вокруг дерущихся. Эмиль понял, что пора остановиться только тогда, когда услышал рев Амалии и почувствовал боль в костяшках. Поверженный парень сел на землю и взялся за лицо обеими руками. Он говорил что-то нечленораздельное. Люди таращились на Эмиля и осуждающе охали. Они стали раздражать его. Он злобно глянул на Амалию, у которой лицо было измазано расплывшейся тушью, и рывкнул:

– Довольна?

Эмиль резко двинулся в ее сторону. Она шарахнулась от него и с ужасом посмотрела в его горящие глаза. Но Эмиль прошел мимо. Он пошел извиняться перед сестрой.

– Эмиль! – попыталась она его остановить.

Очень жаль, что Эмиль не заметил своего врага. Как всегда и бывает, в самый ненужный момент неприятели становятся свидетелями наших оплошностей. А вот Левон заметил слепого старика, который зашел за угол дома. Он сразу понял, за кем тот следовал.

глава 13

С самого утра день у Эмиля не задался. Такое бывает, когда ничего не получается и кажется, что весь мир против тебя. Еще полностью не проснувшись, Эмиль почувствовал сдавливающую боль в голове. Поднявшись с кровати, он понял, что голова начинает трещать от каждого движения. Такое состояние для него было очень редким делом, но он знал, какую нужно выпить таблетку, чтобы это быстрее прошло.

Отвозя пиццу заказчику, Эмиль перепутал адрес, вследствие чего опоздал на полчаса. Эту пиццу вычли у него из зарплаты, так как заказчик получил ее бесплатно. На обратном пути парень чуть не слетел с велосипеда, когда попытался объехать женщину с коляской. И только чудом он смог удержать равновесие, когда проехал по оледеневшей траве. Следующий заказ подкосил Эмиля еще больше. Позвонив в дверь, он стал привычно ждать, пока ее откроют, расплатятся и скажут: «Спасибо, до свидания». Это было до тошноты привычно и однообразно.

Но на этот раз разговор с заказчиком не ограничился стандартными фразами. Облезлую металлическую дверь со скрипом открыла Амалия. Она замерла на месте, когда увидела Эмиля. Он удивился ничуть не меньше ее. Ему показалось, что она вдруг захотела захлопнуть дверь, но что-то остановило ее. Девушка стояла как вкопанная, испуганно тарашась

на своего бывшего парня.

– Привет! – решил Эмиль заговорить первым.

– Привет, – еле слышно ответила она.

Эмиль нахмурился. В его голове закрутились противоречащие друг другу мысли. После последнего разговора Амалия сама дала ему понять, что они расстаются, и она не хочет его больше видеть. Для чего тогда она пытается с ним встретиться?

– Если ты хотела поговорить, можно было просто позвонить, – сказал Эмиль, протягивая пиццу.

– Я не...

– Пиццу я заказал, – послышался из коридора до боли знакомый голос.

Эмиля будто полоснули ножом по сердцу. У него сперло дыхание, когда дверь открылась шире, и из-за нее вышел Марат.

– Вот оно что! – произнес Левон. – Вот же сволочь какая!

Марат ласково отодвинул Амалию с прохода и как ни в чем не бывало сказал ей:

– Я сам заплачу. Иди, скоро вернусь.

Только сейчас Эмиль заметил, что у нее неестественно блестели глаза и губы были совсем бледные и сухие. И дурак бы догадался, что она была пьяна. Это было ей несвойственно: Амалия всегда была против алкоголя.

Слегка пошатнувшись, она медленно повернулась и скрылась за дверью. Марат сразу же показал свою фирменную

улыбку. Его ехидный оскал отозвался тошнотой у Эмиля в желудке. Его мутило от омерзения и обиды. Марат, по всей видимости, этого эффекта и хотел добиться.

– Мразь, – сказал Левон то, что было на языке у Эмиля.

– Че встал, давай пиццу. Некогда нам, – улыбка Марата стала еще шире. Он походил на голодную гиену. – У нас дела, сам знаешь. А может, и не знаешь, – он грубо хохотнул.

– Это мы и проверим сегодня.

От этих недвусмысленных намеков в душе у Эмиля что-то екнуло.

– Она никогда не пила алкоголь, – все, что смог выдавить из себя Эмиль. Марат в этот момент забрал у него пиццу и фыркнул в знак презрения.

– А она и не пила, – подмигнув, тихо сказал он.

Марат кинул деньги прямо Эмилю в грудь. Свернутая бумажка отскочила и упала прямо у его ног.

– Удачи! – сказал он напоследок и закрыл дверь.

Эмиль сразу понял, что тот имел в виду – наркотики. Она была не пьяна, девушка была под кайфом. Амалия была заторможена, а не расслаблена. И глаза у нее не просто блестели, они были стеклянные с расширенными зрачками.

И вроде бы это было не его дело, так как она сама просила больше не лезть к ней. Но он знал наверняка, что девушка никогда бы не попробовала наркотики, если бы не их разрыв. Эта встреча была неслучайна. Марат не нацелился бы на Амалию, если бы не знал, что Эмиль раньше встречался

с ней.

Хоть он и чувствовал горький укол ревности, но осознавал, что с кем целуется и спит Амалия, теперь не его дело. Но и смотреть, как она губит свою жизнь, подсаживаясь на наркоту, он не мог. Эмиль видел, что происходит с теми, кто употребляет. Поначалу им кажется, что это так – в шутку. Потом они с помощью дозы заглушают свои проблемы. Ну а в конце концов просто не представляют свою жизнь без наркотиков. Марат точно уничтожит ее будущее, если он что-нибудь не предпримет.

– Нужно спасти девчонку, – сказал хранитель.

Он впервые подталкивал его к какому-нибудь действию. В то же мгновение Эмиль словно очнулся. Он как сумасшедший начал трезвонить в замок. Никто не открывал. Через какое-то время он услышал, как звонок перестал работать.

– Выключил, сволочь, – прокомментировал Левон.

Эмиль не сдавался. Он стал ожесточенно барабанить в дверь.

– Амалия! – заорал он.

Отчаяние накрывало его. Парень начал бить дверь ногами. Эхо громом разносилось по всему подъезду. Никакого ответа.

– Полиция! – осенило Левона.

Руки и ноги гудели от ударов. А от напряжения в сведенных скулах появилась ноющая боль.

– Я вызову полицию! – прокричал Эмиль, прислонившись

к двери. – Открой сейчас же!

Наконец-то он услышал щелчок замка. Дверь быстро открылась. Марат молниеносно схватил Эмиля за шкирку и потянул к себе. За эти годы он стал выше и сильнее Эмиля. Эмиль выглядел совсем мальчиком по сравнению с Маратом. К тому же в его взгляде появилось такое же змеиное хладнокровие, какое он раньше видел у Рината. Это пугало его больше всего. Эти глаза говорили о том, что их обладатель может сделать без раздумий все, что придет ему в голову.

– Если приедет полиция, – медленно прошипел Марат прямо в лицо Эмилю, – она не доживет до завтрашнего дня. Уяснил?

У живота Эмиля был нож. Ему не нужно было даже смотреть туда, чтобы понять это. Лезвие больно впивалось в кожу. Он тоже мог бы достать свой складной нож, который давным-давно спер у Марсея, но вот только это была не лучшая идея. Он не успел бы даже сунуть руку в карман.

– Уяснил? – громче спросил Марат и вдавил нож еще сильнее в живот. Выступила кровь, которая заструилась вниз, неприятно щекоча Эмиля.

– Да! Скажи да! – прокричал Левон.

Глаза Марата начали наливаться кровью. В квартире слышался тихий плач Амалии.

– Да, – тихо ответил Эмиль.

Марат резко оттолкнул его. Grimаса ненависти исчезла с

его лица. Он харкнул в ноги Эмилю, и дверь захлопнулась.

Плохо соображая, Эмиль повернулся и стал спускаться по лестнице. Сначала медленно, затем все быстрее, пока в конце концов не выбежал из подъезда. Он вскочил на велосипед и помчался прочь. И ехал так быстро, как только мог. Сердце бешено колотилось. В голове было все как в тумане. Он чувствовал себя таким маленьким и незащищенным. Не задумываясь о том, куда едет, Эмиль летел, огибая прохожих. На полпути до дома он не заметил яму, в которую со всего маха влетел. Перелетев через руль, парень грохнулся прямо на спину. И только после этой встряски стал мало-помалу соображать. Глядя в небо, он понял, что трусливо сбежал. Причем бежал домой, в глубине души надеясь, что Нана будет там. Ему было страшно из-за безвыходности этой ситуации. Эмиль нуждался в поддержке.

– Все будет хорошо, – Левон сидел на корточках перед ним. – Ты же не супергерой. Давай, поднимайся.

Эмиль послушно встал с асфальта и подошел к своему несчастному велосипеду. После поверхностного осмотра стало ясно, что колесо выгнуто, ехать на нем невозможно. Оставшийся отрезок пути ему пришлось идти пешком и катить рядом с собой дергающийся велик. Эмиль вспомнил о том, что его еще ждут на работе, когда он был уже у своего дома. Он написал сообщение начальнику и втащил подобие велосипеда в подъезд. С безразличием оставив его на лестничной площадке, он подошел к двери и засунул ключ в за-

мок. Теперь-то Эмиль надеялся на то, что мамы не будет дома. Ему будет тяжело сейчас что-то объяснять ей и даже просто разговаривать. А она сразу увидит, что с ним что-то не так и начнет расспрашивать. У него не было сил даже делать вид, что все нормально. Он просто хотел побыть один. Но, к его сожалению, Нана была дома. К тому же еще и не одна. Отворив дверь, он сразу же услышал мужской голос. Ему показались смутно знакомым этот тэмбр. Но узнал он этого человека только после того, как вошел в спальню матери и увидел его. Это был Марсель – его отец. Эмиль давно забыл о его существовании. Он надеялся, что тот уже умер и никогда больше не появится в их жизни. Марсель похудел еще больше. Кожа у него стала желтоватая. От него несло перегаром на всю квартиру.

– О! Вот и мой сын! Какой ты стал здоровый, весь в меня! – он улыбнулся, обнажая серые зубы.

От этих слов у Эмиля мурашки пошли по всему телу. Марселя пошатывало, несмотря на то что он сидел в кресле. Нана с измученным видом стояла в другом углу комнаты.

– Эмиль, ты почему так рано? – испуганно спросила она.

– Что он тут делает? – не ответив, задал он встречный вопрос.

– В смысле что я тут делаю?! Ты что, не рад видеть папку?! – шутливо закричал Марсель.

– Он ненадолго, – виновато ответила Нана.

– Я вообще-то тут живу! – уже на полном серьезе закричал

Марсель. – Ты че перед ним оправдываешься еще?!

Эмиль снова перевел взгляд на маму. Она выглядела затравленной, как и пять лет назад, когда Марсель еще жил с ними.

– Мам? – вкрадчиво произнес он. – Что он тут делает?

– Ты че, щенок, не слышал меня?! – Марсель встал с кресла и не спеша направился к нему. Он был на последней стадии опьянения, после которой выключался и спал до обеда следующего дня. – Я вообще-то отец твой! На меня смотри, когда с тобой отец разговаривает!

– Что ты тут делаешь? – произнес Эмиль, взглянув на шатающееся подобие мужчины.

Эмиль закипал. Марсель по его детским воспоминаниям казался ему большим и сильным. Но когда он увидел его спустя столько лет, весь детский страх рассеялся в никуда. Он его ни капли не боялся, даже несмотря на его все еще глубокий басистый крик и угрожающую позу. В детстве Эмиль ужасно боялся рук и глаз Марселя. Ладони казались ему ужасающе огромными, способными переломать ему шею. А взгляд заставлял отводить глаза в сторону, так как он не мог выдержать их давления. Но сейчас, рассматривая этого человека, он понял, что тот вызывает у него только отвращение и злость. Оно было вызвано внешним видом Марселя. Он был грязный: от него несло перегаром и потом, ногти были черные, а одежда мятая и выцветшая. На губе появился еще один шрам, который тянулся до подборка. Он был похож на

бомжа. Злость же закипала в нем от того, что его мама всю жизнь боялась и терпела это жалкое создание. Злился он и на себя из-за того, что раньше считал себя человеком такого же уровня.

Марсель заметил, что Эмиль не боится его, как раньше, и сбавил обороты. Его взгляд уже не действовал на него так, как на десятилетнего Эмиля. Из-за этого мужчина слегка потерял уверенность в себе.

– Да ладно ты, не ссы! – засмеялся он. – Я ненадолго. Только заберу алименты и уйду.

– Какие еще алименты? – Эмиль непонимающе посмотрел на маму.

– Как какие? Денежки за то, что вы живете в этой квартире! Одна треть-то моя! – он постучал указательным пальцем себе по лбу. – Вон как вы припеваючи живете с моей долей! Вон какой ремонт отбабахали!

Квартира действительно стала выглядеть приличнее. Ремонт был скромный. Сменили кое-где обои, поменяли линолеум да прикупили кое-какую мебель. Все было сделано на скромную зарплату Эмиля. И делали они это все вместе с мамой и сестрами.

– Ты к этому ремонту никакого отношения не имеешь!

– Все, что есть в квартире, и мое тоже. Понял? – сказал Марсель, подойдя совсем близко и выдыхая в Эмиля пары утреннего спирта.

– И долго ты вытягиваешь из мамы деньги? – он не отры-

вал взгляда от отцовских глаз.

– Эмиль! – умоляюще сказала Нана.

– Вытягиваешь! – возмущенно вскрикнул Марсель. – Ни у кого я ни черта не вытягиваю! Я беру свое, сопляк! И с чего это ради я должен отчитываться перед тобой, не подкажешь?! Скажи спасибо, что я вас в шею не выпнул отсюда!

Эмиля снова трясло. Шрам на ухе, о котором Эмиль уже успел забыть, запылал. Ему казалось, что он расплзается и становится еще больше. Нана столько раз ограничивала себя во всем из-за нехватки денег, а оказалось, что это было все из-за Марселя. Слова сами по себе вырвались изо рта Эмиля.

– В шею гнать нужно только тебя! Ты жалкое ничтожество, которое ничего, кроме как бухать, не умеет!

У Эмиля зуб на зуб не попадал от злости. Голос его дрожал. Он слышал, как Нана ахнула, но его уже ничего не могло остановить. Левон ощущал все то же самое, что и Эмиль, и поэтому даже не пытался остановить племянника.

– Мы ненавидим тебя! Я был бы счастлив узнать, что ты сдох в какой-нибудь канаве! Ты никогда не был достоин мамы! И мне противно осознавать, что во мне течет твоя кровь! Я постарался избавить эту квартиру от всего, что напоминало о тебе, чтобы мама забыла, с какой мерзостью она жила! А оказывается, все зря! Все время эта мерзость постоянно ходила сюда!

Раздался звонкий шлепок. Марсель залепил пощечину Эмилю. Хотя и силы в нем сейчас было не очень много, но

этого хватило, чтобы Эмиль отлетел в сторону и врезался в шкаф. Из его носа медленно потекла кровь. После этого парень уже ничего не помнил. Его широко раскрытые глаза блестели демоническим пламенем. Он с остервенением набросился на Марселя и стал избивать его.

Сквозь вопль Эмиля Нана расслышала только одно слово: «Убирайся».

– Убирайся, убирайся, убирайся! – орал он в залитое кровью лицо Марселя. – Исчезни или я тебя убью!

Перепуганная Нана с трудом остановила Эмиля. Она сжала его в объятиях и старалась не ослаблять хватку. Сначала он сопротивлялся и пытался вырваться, но затем расслабился и опустил голову на плечо матери. Они сидели на полу рядом с потерявшим сознание Марселем. Эмиля всего колотило, как в лихорадке. Вся его злость, обида, отчаяние вырвались на свободу. Он зарыдал. Эти слезы показали, насколько долго ее сын пытался быть сильным и взрослым. А по факту он оставался еще ребенком, которому нужно было крепкое плечо отца, и к которому он мог бы обратиться за советом и помощью. Марсель должен был защищать его, когда его обижали. Он должен был обеспечить ему простые детские радости: поход на рыбалку, разбор машины в гараже, постройку шалаша во дворе, готовку ранним утром завтрака маме на ее день рождения и многое, многое другое. А не кидать его во взрослую жизнь, не объяснив, что в ней да как устроено. Эмиль сам не осознавал, насколько сильно он ненавидел

Марсеся за то, что у него никогда и не было отца и за то, что ему не по своей воле пришлось стать взрослым.

Минут через двадцать, когда Эмиль уже успокоился и сидел оцепеневший в объятиях Наны, Марсель задвигался. Он медленно протянул руки к лицу. Пытаясь вытереть глаза, мужчина перевернулся на бок, а затем и на живот. Кряхтя, грязный человек встал на четвереньки и не глядя пополз в сторону двери. Парень даже не обратил внимания на него.

Он как в трансе таращился на стену с однообразными узорами.

– Ну слава богу, живой! – произнес Левон. – Не хватало еще убийства нам.

– Конечно, живой! – подхватила Мариам. – Такие не дохнут! Алкаши живучие, как тараканы!

В коридоре послышался стон. Марсель попытался встать на ноги, чтобы открыть дверь.

Щелчок замка, хлопок двери, и в квартире снова стало тихо. В ней снова появились уют и тепло.

Эмиль глубоко выдохнул и, расцепив руки Наны, встал на ноги.

– Mam, я скоро приду, – хладнокровно произнес он.

– Что?! Ты куда?

– Не переживай. Мне нужно кое-что доделать, – сказал он, надевая ветровку.

– Вот черт! – сказал Левон. В его голове вспышкой возникли мысли Эмиля.

– Чего такое? – спросила с любопытством Мариам.

– Он собирается к Марату! – ответ Левона донесся до Мариам уже из подъезда.

Эмиль понял, что ему не стоило убегать сегодня. Он испугался за собственную жизнь, хотя убеждал себя в том, что боится за Амалию. Парень поборол страхи, дав отпор Марселю – подкроватному монстру детства, и теперь нож Марата казался ему игрушечным. Страшнее для него стало то, что он бросил девушку, которую целенаправленно подсадили на наркотики. Что с ней будет, если он ничего не сделает?

Левон сразу понял мотивы Эмиля. Он не пытался переубедить или остановить его. Широко шагая рядом с быстро идущим парнем, он был готов поддержать его. От этого росла и уверенность Эмиля.

Он вбежал в подъезд так же быстро, как и пару часов назад выбежал из него. У двери злополучной квартиры Эмиль замешкался.

– Глазок закрой, – посоветовал Левон.

Эмиль тут же последовал его совету, закрыв ладонью глазок. Он встал так, чтобы быть за дверью, когда ее откроют. Прижавшись ухом к двери, парень позвонил один раз и стал ждать. В квартире еще кто-то был. Он слышал музыку и приближающийся голос Марата. У самой двери голос затих.

Посмотрев в глазок, Марат сразу достал нож и медленно повернул защелку. Он тут же догадался, кто стоял за дверью. Уверенный в своём превосходстве, он даже и не подумал о

том, чтобы подстраховаться. Затуманенный наркотиком разум не мог выдать последствия его необдуманных действий.

Марат медленно приоткрыл дверь, ожидая сразу увидеть Эмиля. Не сообразив, что Эмиль только этого и ждал, он открыл дверь шире. В лицо Марата сразу же прилетел кулак. С его заторможенной реакцией для него это было мгновенно. Эмиль обрушил на него череду хладнокровных ударов. Он был максимально сосредоточен. Все свои эмоции он уже выплеснул на Марсея и теперь мог ясно контролировать свои действия. Парень остановился сразу, как понял, что Марат в отключке. Эмиль не был удивлен тому, что это было так легко. Когда исчез страх, он вспомнил, что всегда был сильнее и умнее его, а затуманенный разум Марата просто помог Эмилю. Он быстро зашел внутрь квартиры и прошел на звук музыки, надеясь увидеть Амалию. Проходя мимо, Левон взгляделся в мутные глаза хранителя Марата. Ему показалось, что он еще больше постарел и осунулся. Под глазами появились синяки, а веки покраснели. Он словно медленно умирал. «Возможно ли такое вообще? Может, если твой подопечный окончательно морально опустится, то и ты исчезаешь вместе с чистотой его души?» – подумал он.

Амалия была в гостиной, откуда доносилась резкая музыка. Она лежала с запрокинутой головой на диване. Девушка медленно моргала, разглядывая потолок. Хладнокровие стало покидать Эмиля. Он замер на пороге, когда увидел, что она была совсем голая. Только спустя минуту он заставил

себя двинуться с места и подойти к ней. Сев на корточки, Эмиль попытался привести ее в чувство.

– Амалия! – потряс ее Эмиль за плечо.

Она медленно перевела взгляд на него, но не сдвинулась с места. Ее глаза были словно от фарфоровой куклы – такие же стеклянные и безжизненные.

– Давай же, поднимайся! Пошли!

Эмиль потянул ее на себя, заставив сесть. Подобрал одежду, он неуклюже стал одевать девушку. Она была будто под гипнозом – послушно поднимала руки, чтобы Эмиль надел на нее кофту. У него ком вставал в горле, как только он думал о том, что Марат с ней делал. Она же совсем не могла сопротивляться.

– Ну и почему ты это позволила? – рявкнул Левон на хранительницу Амалии. Мария ходила взад и вперед по комнате.

– Она меня не послушала! – простонала Мария. – Это вы во всем виноваты! – она подошла к Левону, тыча пальцем ему в лицо. – Ей было так грустно, так плохо! А этот подонок сказал, что ей станет лучше, и она забудет все печали! Она его послушала, не меня!

До конца одев Амалию, Эмиль подхватил ее под руку и повел к выходу. Марат так и лежал в коридоре в полной отключке. Девушка запнулась о его руку, когда они проходили мимо, и чуть не упала. Но Эмиль удержал ее и вывел из квартиры. Напоследок он посмотрел на Марата и поймал се-

бя на мысли, что это не последняя их встреча.

Он вел Амалию через дворы. В одном из них парень остановился у подъезда и посадил ее на лавочку. Там у них была возможность побыть без лишних глаз, пока она не придет в себя.

Они долго сидели бок о бок и молчали. Эмиль смотрел в пустоту, который раз накручивая себя. У него все это время не выходили мысли из головы о том, что это его вина. Если бы он не бросил ее в квартире, Марат ничего не успел бы с ней сделать. Он боялся, что она будет обвинять его, когда очнется от дремоты.

Мария понемногу начала успокаиваться, видя, что с ее дочерью теперь все будет нормально.

– Знаешь, я не чувствовала ее, – тяжело произнесла она. – Совсем не чувствовала. Она будто была мертва. – Мария посмотрела полными слез глазами на дочь. – Это было страшно. Я думала, это навсегда.

Левон молчал. Он не мог представить это чувство. С первой же секунды, как он увидел Эмиля, его не покидала связь между ними. Пусть Эмиль поначалу не чувствовал его, но Левон-то всегда был рядом.

– Сейчас становится лучше, – продолжала Мари. – Она почти пришла в себя.

– Да, вижу, – только и сказал Левон.

Амалия начинала понемногу осматриваться, медленно поворачивая голову из стороны в сторону. Это выглядело

так, словно у нее затекла шея.

– Я не понимаю, – сказала Мария.

– Что?

– Для чего тогда мы здесь? Для чего мы нужны, если в самый важный момент не можем помочь?

Левон задумался. Он вспомнил все те разы, когда Эмиль не слушал его, поступая безрассудно. Вспомнил сегодняшней день. «А послушал бы он меня, если бы я не поддержал его, а стал отговаривать?» – подумал Левон. В голове следом возник образ слепого старика. И его осенило. Он давно уже не надеялся на то, чтобы помочь Марату. Старик с самого начала знал, что это бесполезно. Марат никогда не стал бы слушать его. Ему попросту не нужна была ничья поддержка. Старик всего-лишь хотел тихо сгинуть вместе с душой внука.

В груди Левона защемило. Он вспомнил все то обидное, что говорил пожилому хранителю, и представил себя на его месте.

– Пить, – просипела Амалия.

Эмиль вышел из оцепенения и передал ей предусмотрительно купленную бутылку воды. Шумно глотая, она выпила половину. Больше девушка ничего не говорила. Эмиль озадаченно смотрел на нее, боясь вымолвить хоть слово.

Через десять минут она тихо заплакала. Эмиль хотел приобнять ее, но Амалия тут же встала и медленно пошла в сторону дома.

– Прощай, – сказала Мария Левону, и побрела вслед до-

чери.

Эмиль почувствовал через своего хранителя, что Амалия больше никогда в жизни не захочет его видеть.

глава 14

Прошла всего неделя с последней встречи Эмиля с Амалией. Он до сих пор не мог прийти в себя. Парень пытался позвонить ей, чтобы узнать, как она, но девушка упрямо игнорировала все звонки и сообщения. Прийти к ней домой у него не хватало духу: для этого нужно было посмотреть ей в глаза. Поэтому все, что ему оставалось делать, – это все время думать про случившееся и винить себя.

Он никак не мог понять, что Амалия просто хотела все забыть. Она пыталась избавиться от всего, что напоминало ей об этом страшном дне. Девушка не винила его, по крайней мере, уже простила за все, в чем он был прав или неправ. Но Эмиль был тем, кто сильнее всего бередил рану. Ей хотелось оградиться от него каменной стеной, чтобы больше не вспоминать то мерзкое чувство, когда Марат лежал на ней, и жуткий стыд, когда она пришла в себя. Амалия вздрагивала при очередном звонке от Эмиля. Девушка нервно сбрасывала вызов и швыряла телефон под подушку.

Милена видела, какой загруженный ходит ее брат, но думала, что это только потому, что он расстался с Амалией. Чувствуя свою вину, Милена старалась чаще бывать с ним, так как считала, что это она способствовала их разрыву. Но Милена одновременно с этим и радовалась. Она не поменяла своего мнения о бывшей девушке Эмиля. Она находилась

в полной уверенности, что скоро все пройдет, и Эмиль забудет про эту капризную девчонку. Но она глубоко ошибалась. Это не могло так быстро пройти, так как она не знала ни про Марата, ни про то, чем раньше занимался Эмиль. Он никогда не рассказывал об этом даже ей. Грязно-зеленные пятна – цвета вины и чувства собственной беспомощности – надолго останутся с Эмилем. Пока в один день он наконец-то не поймет, что был в свои семнадцать лет еще ребенком, и сделал все, что было в его силах.

– Эмиль! – крикнула Милена.

Она сидела на соседней качели. Эмиль вышел из оцепенения и уставился на нее. Милена жевала батончик шоколада и запивала газировкой.

– Будешь, говорю? – сестра протянула ему еще одну шоколадку.

– Не, – скривил он лицо и помотал головой, – ты скоро лопнешь от такого количества сладкого. Что это тебя сегодня так на шоколад проперло?

– Не твое дело! – огрызнулась она. – Может, я специально толстею, тебе-то что?

– Да я просто спросил, че рычать-то сразу?! – Эмиль отвернулся.

Шел первый снег. Эмиль снова задумался, ловя взглядом белые падающие точки. Местами на газонах уже образовались крохотные сугробы. День был серый и унылый. От этого настроение у него стало еще хуже. Еще и Милена была

какая-то раздраженная – что не скажи, все в штыки воспринимает. Он подумал, что, наверное, нужно идти домой, все равно делать было нечего.

– Да не переживай ты так, – тихо произнесла Милена, не глядя на него. – Найдешь себе девушку намного лучше. Их полно таких. Хочешь, познакомлю с кем-нибудь? Меня, кстати, как-то одна подружка спрашивала про тебя. Давай я ее как-нибудь с собой гулять позову?

– С чего ты взяла, что я переживаю из-за этого?! – возмутился Эмиль. Он специально проигнорировал вопрос по поводу подруги. Эмиль знал, про какую девушку она говорила. Мягко говоря, парень считал ее странной и не очень-то и симпатичной.

– Да ты будто лимон съел – такая мина кислая.

Эмиль не ответил. Что бы он не сказал, Милена сегодня будет спорить с ним до последнего. Этот диалог привел бы к тому, что он не выдержит и расскажет ей все. А ему не хотелось делиться происшедшим с кем-то. Он так же, как и Амалия, чувствовал стыд.

– Слушай, ну ты же не любил ее. Почему ты так убиваешься из-за нее? – не унималась Милена.

– Да что ты заладила? Не убиваюсь я из-за нее!

– Да что ты говоришь! Тогда почему ты совсем перестал разговаривать со мной? Может, ты считаешь меня виноватой? Ну так я извинилась уже! Что тебе еще нужно? И с Лилией давно не виделся. Она все уши мне уже прожужжала –

достала меня уже! Ты когда к нам в гости придешь?

Эмиль театрально вздохнул, закатывая глаза.

– Это ты меня забодала уже! Ты вообще тут ни при чем! А Лиле скажи, что я скоро зайду. Давай уже закроем эту тему, а? А то у меня рука дрогнет, и тебе в лицо прилетит снежок вперемешку с грязью! – он слабо улыбнулся.

– Пф-ф-ф! Кишка тонка! – она демонстративно отвернулась.

Милена сделала вид, что не обращает на него внимания. Но стоило ей заметить, как Эмиль утрамбовывает в ладони грязный снег, как она тут же завизжала и спрыгнула с качели. Левон захохотал, наблюдая за своей дочерью. Эмиль кинул снежок ей под ноги. Он знал, что если он поставит ей на одежде хоть малейшее пятнышко, то сестра съест его с потрохами. Она была помешана на чистоте одежды. Зная это, он часто трепал ей нервы, угрожая испачкать. Ему поднимала настроение ненормальная реакция Милены на его угрозы.

– Да все, можешь не прятаться! Не бойсь, не трону, – сказал Эмиль, посмеиваясь.

– В жопу тебя! Пойду-ка я домой вообще!

– Ты что, обиделась?

– Нет! – сказала она, отвернувшись от него. Потом задумалась на секунду и все же повернулась обратно. – Может, завтра зайдешь? У меня пар завтра мало.

– Ну давай. Завтра я все равно выходной.

– Подойди тогда к трем к универу и вместе ко мне пойдем.

Эмиль скривил лицо, но не стал спорить. Он понял, что Милена всерьез решила свести его со своей подружкой, которую он не переваривал, для этого и позвала его прямо к универу. Он решил, что у нее все равно ничего не получится, а спорить с ней себе дороже.

– Ла-а-адно, – недовольно сказал он.

– Ну все, давай! До завтра! – засунув руки в карманы, она быстро пошла в противоположную сторону от Эмиля.

На следующий день Эмиль, как и обещал, пришел почти к трем часам. Она училась на первом курсе медицинского. Сама Милена вначале думала о юриспруденции, но Давид настоял на том, чтобы она шла в хирургию. Он был уверен, что Милена с легкостью справится с такой работой. Но девушке было ближе защищать права людей, а не резать их. Никакие доводы и убеждения не помогли Милене. Деваться было некуда – мама поддержала Давида.

Эмиль же даже не задумывался о престижной профессии. Он хотел скорее зарабатывать нормальные деньги. Нана не смогла уговорить Эмиля поступить хотя бы на бюджетное место в любом техникуме. Спустя два месяца после окончания школы они все еще ссорились из-за этого. Нана поступала точно так же, как и Мариам в свое время с ней из-за замужества. Именно Мариам смягчила Нану, напомнив ей прошлое.

Также благодаря усилиям и убеждениям Левона Эмиль согласился-таки подкопить денег и через год поступить ку-

да-нибудь, где образование стоило не очень дорого. Он настоял на том, что поступит в университет, только если сам заплатит за себя. Парень категорически был против того, чтобы мама влезала в долги ради его образования. На этом они с мамой и договорились.

Эмиль стоял около лестницы университета уже двадцать минут. Он пришел немного раньше, поэтому у парня и в мыслях не было, что что-то могло произойти. Переживать он стал только тогда, когда удивленная подруга, с которой Милена хотела его свести, подошла к нему.

– А ты чего тут? – спросила она.

– В смысле? – буркнул он. Она его раздражала, поэтому он хотел побыстрее избавиться от нее.

– Я думала, вы с Милкой давно уже ушли.

Его внутренне передернуло от того, как она звала Милену.

– С чего это вдруг? Я ее еще даже не видел.

– Странно... – произнесла она себе под нос.

Северный ветер дул вперемешку со снегом. Из-за него русые волосы девушки прилипли к лицу.

Эмиль засунул одну руку в карман. Тыльная сторона ладони понемногу начала замерзать, так как он держал в ней игрушку для младшей сестры. Лиля очень обрадовалась бы, получив от него даже самую дешевую конфету, но он купил ей на часть своих отложенных денег лучшего плюшевого медведя с красным шарфом и шапочкой. Подруга Милены отлепила прядь волос от лица и сказала:

– Я думала, это ты ее отпросил пораньше у преподавателя.

– Нет, – он нахмурил брови, – Что значит отпросил? Так она что, уже ушла?

Эмиль достал сотовый телефон и нашел имя сестры в контактах. Прислонив телефон к уху, он стал слушать гудки. Милена не брала трубку.

– Ну да, уже как час назад. Препод сказал, что ее ждет брат и случилось что-то дома, поэтому он отпустил ее раньше.

Тревога начала одолевать Эмиля. Он набрал номер сестры снова. На этот раз звонок сбросили. Он набрал сообщение: «Ты где? Почему трубку не берешь?» Отправив его, он неотрывно стал следить за тем, прочитает ли она его.

– Так это не ты ее отпросил? – не унималась подружка Милены.

– Нет, естественно! – взорвался Эмиль. – Ты разве видишь ее со мной?!

Девушка, оторопев, замолкла. Она недолго еще постояла, обдумывая, что делать дальше, и, не придумав ничего лучшего, просто молча ушла, состроив обиженное лицо. «То же мне подруга. Даже не переживает, где может быть Милена!» – подумал Эмиль и снова уткнулся в телефон. Он увидел, что сестра прочитала сообщение, но не ответила ему. Тогда парень отправил ей еще одно сообщение с тремя вопросительными знаками. На этот раз Милена не открыла его.

– Плохое у меня предчувствие, – произнес Левон.

После этих слов Эмиль стал нервно оглядываться по сто-

ронам. Он искал кого-то, кто мог бы видеть Милену час назад. Из университета выходил поток студентов. Они оживленно обсуждали что-то. Кто-то смеялся, кто-то молча шел один. Было понятно, что никто из них не мог видеть его сестру час назад. Они все только закончили пары и шли по домам.

– Смотри! – Левон увидел уборщика, который сгребал лопатой небольшой слой снега с асфальта.

Эмиль сразу подбежал к мужчине в старой куртке и вязаной шапке.

– Простите! – крикнул Эмиль.

Мужчина тут же остановился. Облокотившись на лопату, он достал из кармана пачку сигарет. Воспользовавшись заминкой, он решил сделать перекур.

– Вы не видели девушку тут приблизительно час назад? Волосы длинные черные. В белой шапке и шарфе, в красной куртке.

Мужчина шмыгнул красным носом и закурил.

– Не-а, – произнес он с хрипом, – я час назад с другой стороны здания убирал. Никого не видел.

– Спасибо, – грустно ответил Эмиль и отвернулся.

Он продолжал искать взглядом хоть кого-то, кто мог бы ему помочь. Волнение перерастало в панику. Тогда парень перевел взгляд с толпы студентов на здание университета. Не осознавая, что именно ищет, Эмиль вглядывался в окна. Его словно что-то стукнуло по голове, когда на втором этаже

он заметил студента, который возился с акустикой, стоящей на подоконнике. Тот изредка чертыхался и смотрел в окно, когда в очередной раз у него что-то не получалось сделать правильно. Эмиля озарила надежда. Он стал махать ему рукой, но тот его не заметил. Тогда Эмиль крикнул, но парень тяжело вздохнул и принялся снова ковыряться в проводах.

Делать было нечего, придется как-нибудь проскользнуть внутрь.

– Иди скорее, пока еще толпа не рассосалась, – подтолкнул его Левон.

Эмиль быстро вбежал по лестнице. Протискиваясь мимо студентов, он заметил вахтершу у самой двери. Она грузно восседала за столом, грозно рассматривая каждого студента. Она выглядела так, словно была царицей на троне. Сделав вид, что он кого-то узнал, Эмиль улыбнулся и крикнул: «Да учебник забыл, прикинь!» Женщина подозрительно на него глянула, но ничего не сказала. Пройдя мимо нее, он сразу повернул направо и побежал к лестнице. Окна, в которых Эмиль видел парня, были явно в актовом зале. Поднявшись на второй этаж, он интуитивно стал искать подходящую дверь.

– Вон! Двустворчатая! – указал ему Левон.

Эмиль побежал к ней и распахнул. Он не глядя направился к окнам и сразу увидел того самого парня. В зале было еще несколько человек, которые убирали плакаты со стен и скидывали их в одну кучу на пол.

– Эй! – крикнул Эмиль, подбегая к парню. – Привет!

Тот обернулся и выжидающе нахмурился.

– Можешь помочь?

– Смотря с чем, – ответил он.

Эмиль даже не обратил внимания на раздражение в его голосе.

– Ты не видел около часа назад на улице девушку в белой шапке и красной куртке?

Морщины на лице парня разгладились.

– Ну видел. А что?

Эмиль с облегчением выдохнул.

– Ты не видел, куда она пошла?

Парень прищурился и с подозрением спросил:

– Что, девушка твоя?

– Да нет же! Сестра! – нетерпеливо ответил Эмиль.

– А-а-а! – понимающе протянул тот. – Она с каким-то парнем ушла в ту сторону, – он кивнул головой направо.

– А что за парень? Как выглядел?

– Высокий такой. В кожаной куртке. Я вначале подумал, что они ссорились, но потом он ее обнял, и она перестала кричать. Он ее за плечи обнимал, когда они ушли за вон тот дом, – парень выдернул один штекер из разъема и с усилием подул в него. – Помирились, наверное.

– Вот же черт! – сказал Левон.

Глаза Эмиля остекленели, а душа упала в пятки.

– Такие красивые девушки вечно выбирают каких-то коз-

лов, – пробубнил парень, продолжая заниматься своими про-
водами.

Даже не поблагодарив за помощь, Эмиль развернулся и вышел из зала. Он судорожно расстегнул карман и достал телефон. Парень начал снова и снова набирать сестру. Жадно вслушиваясь в гудки, он вышел на улицу и пошел в том направлении, куда указал студент.

На его седьмую попытку звонок приняли.

– Ты где? – нетерпеливо крикнул Эмиль в трубку.

– Гуляю! – пропищал кто-то, изображая девичий голос.

Облегчение Эмиля сразу исчезло. Вернулась паника, которая сдавила Эмилю грудь.

– Где Милена? – глухо спросил он.

– Я Милена! Ты что, не узнал свою сестренку?!

После этих слов Эмиль услышал смех. На той стороне человек перестал кривляться, изображая девушку. Хохот был издевательский, грубый. От осознания того, чей это был смех, у Эмиля мурашки пошли по спине. Он встал как вкопанный. Ему захотелось просочиться в телефонную трубку, чтобы попасть на тот конец связи и заглянуть в лицо этого юмориста.

Мысленно он молился, чтобы оказаться неправым в своей догадке.

– Где моя сестра? – медленно произнес Эмиль, вжимая телефон в ладонь.

– С нами она! – сказал Ринат уже своим голосом. – Мы с

ней погулять решили.

На заднем плане послышался смех еще нескольких людей. Эмилю стало тяжело говорить, поэтому он почти рычал в трубку, когда спросил:

– Скажи, где ты, сука, и я убью тебя!

Смех затих. Эмиль слышал сопение Рината – он разозлил его. Через мгновение парень услышал короткий крик Милены, который резанул Эмиля по сердцу.

– Скажи только где ты, тварь! Скажи, где?! – орал он в телефон дрожащим голосом.

Мимо проходящие люди стали оборачиваться. Эмиль никого не видел. В его голове возникали страшные сцены, которые он не мог стерпеть.

– Подумай сам, где я могу быть, – сказал Ринат.

Эмиль стал лихорадочно перебирать все места, где он мог бы находиться. Ринат перебил его мысли своим вопросом.

– Зачем ты меня предал, а?

Эмиль физически ощутил оскал, с которым Ринат произнес эти слова.

– Что? – в недоумении спросил он. – Что значит предал?

Вызов был сброшен. Эмиль начал снова набирать номер сестры, но слышал только непрерывные гудки. Эмиль никак не мог собрать мысли воедино. Он не понимал, что имел в виду Ринат. Первое, что пришло ему в голову, что это, должно быть, их старая база, где Ринат еще был главным. Но слова о предательстве его сбивали. Эмиля посетила смутная мысль

о том, что Марат как-то связан с этим. Осознав, что вариантов у него больше нет, он сорвался с места и побежал на заброшенную стройку, где за все эти годы никто ничего так и не достроил. Она была не так далеко от университета, но Эмилю показались вечностью эти двадцать минут.

Парень издали увидел забор недостроенного здания и проход в нем. Ему необходимо было отдышаться, чтобы хоть немного восстановить душевное равновесие. Запыхавшийся Эмиль остановился возле металлического ограждения.

– Подожди. Посмотри за угол, – посоветовал Левон.

Эмиль стал вслушиваться в тишину. Ее нарушал разве что шум крови, стучавший у него в ушах.

«А вдруг он ошибся, и они не здесь?» – вспыхнуло у него в голове. Эта мысль испугала его еще больше, чем голос Рината в телефоне Милены.

Эмиль аккуратно заглянул в проход, но никого не увидел. Краем глаза он заметил что-то красное у своего бедра. Парень только сейчас понял, что все это время держал в руке плюшевого медведя для Лилии. Он положил его на землю и медленно пошел к подъезду, внутри которого была чернеющая пустота. Эмиль медленно вошел в эту темноту. Почти сразу вместе с хрустом цемента и грязи из-под ног он услышал отдаленный разговор. Мимолетное облегчение вернулось, когда он узнал голоса. Ринат с шестерками и не собирались подкарауливать его за углом. Эмиль понял, что они ждали, пока он сам зайдет к ним в помещение, которое рань-

ше служило местом для их сходов. Голоса шли именно оттуда. Он без сомнений двинулся к ним навстречу. Разговор становился все громче, и парень уже мог различить каждый из голосов. Эмиль узнал Рината и Марата, а еще голос Эдгара. Либо их было всего трое, либо Крис там тоже был и, как обычно, предпочитал помалкивать. В худшем случае Эмиль подумал, что ему придется драться против четверых. Так себе перспектива. Одного Рината хватило бы, чтобы он выдохся. Но эти мысли ни на секунду не затормозили его.

Он решительно и спокойно, насколько мог в этот момент, вошел в комнату. Разговор стих. В этой бессловесной тишине был слышен свист ветра, который доносился из-за окна. Он изредка задувал в помещение крохотные снежинки, которые падали прямо у ног Милены. Она сидела спиной к стене в углу комнаты. Увидев Эмиля, девушка еле слышно всхлипнула. Глаза у нее были совсем красные, а лицо опухшее. Еще совсем недавно она плакала.

На улице уже начинало темнеть, но света еще было достаточно, чтобы разглядеть все самые мелкие детали.

Ринат восседал на своем любимом кресле. Эмиль почувствовал, как волна отвращения пробежала у него по горлу, когда он разглядел то, во что Ринат превратился. Шрамы появились не только на руках, но и на его лице. Он словно постарел – на лбу появились две глубокие морщины. Было сложно сказать, что из этого больше бросалось в глаза. Но отвратительнее всего были его кисти рук. Они напоминали

две коряги с десятью отростками. На одном пальце не хватало ногтя, а остальные были желтыми и бугристыми. Под некоторыми виднелась запекшаяся кровь, словно их сильно прищемили дверью. Цвет рук был такой же, как и его лицо – оттенка грязного загара.

Марат стоял перед Миленой, отгораживая ее от выхода. Он высокомерно смотрел на Эмиля, не скрывая ликования. Его физиономия так и говорила о том, что он считает себя победителем. Переносица у него была рассечена, а под глазом темнел ярко выраженный синяк. Эмиль с полной уверенностью мог сказать, что это последствия их недавней встречи.

Рядом с Ринатом, по его левую руку, сидел на ящике Эдгар. Он интенсивно чиркал зажигалкой. Это чирканье отзывалось эхом по комнате, отчего в помещении еще больше нарастало напряжение. Желтый огонек освещал лицо Эдгара, раскрывая все его эмоции. Эмиль видел, как тот сильно нервничал. Эдгар все время поглядывал то на Марата, то на Рината. Его нескрываемая взволнованность даст Эмилю преимущество над ним. Криса не было, что сильно порадовало Эмиля. Значит, он один против троих. Даже двух с половиной.

Увидев его, Ринат расплылся в улыбке.

– Ну здравствуй! – прошипел он.

Эмиля передернуло от воспоминаний. Интонация Рината и его фирменный взгляд психопата вернули Эмиля в то вре-

мя, когда ему еще приходилось выполнять дебильные приказы этого умалишенного.

– И давно ты вышел? – перешел Эмиль в нападение.

Ринат откинулся в кресле.

– Да пару месяцев назад, – Ринат не отрывал от него глаз.

– Что ты имел в виду, говоря про предательство?

Эмиль решил не давать возможности Ринату вести диалог в нужном для него направлении. Он помнил, как бывший главарь умел поворачивать разговор так, как ему хотелось, словно змея обвивая свою добычу.

– А то ты не знаешь! – тихо произнес Ринат.

– Понятия не имею! – Эмиль старался разговаривать непринужденно, но редкое и само за себя говорящее дрожание голоса выдавало его. – Объяснить не хочешь? Может, вспомню?

Ринат серьезно задумался. Не моргая, он медленно перевел взгляд на Марата. Именно он сказал ему, что Эмиль был предателем. Остатки разума подавали Ринату сигналы, что это было неправдой. Но помутнения в его голове были уже настолько частыми и привычными, что он отмахивался от здравого смысла, как от глупых навязчивых мыслей.

Марат поднял брови и утверждающе кивнул ему, давая понять, что он не врал.

– Ха! Понятно! – усмехнулся Эмиль, заметив их безмолвный разговор. – Так тебе этот, – он кивнул в сторону Марата, – опять сказки нарасказывал! Ты поэтому мою сестру

притащил сюда? Типа месть, да?

– В сказки я давно не верю, – Ринат словно пропел эту фразу. – А вот в то, что меня кто-то сдал, рассказав обо всех моих деяниях, я очень даже верю. Ты в курсе, что если бы не ты, мне бы не добавили еще три года.

– Я тут ни при чем, – в голосе Эмиля появилась жесткость. – А ты не думаешь, что этот кто-то – Марат?

Ринат искренне удивился этой мысли.

– Или что еще вероятнее – это ты сам растрепал все, когда был под кайфом? Ведь тебя поймали, когда ты был совсем «убитый».

Удивление Рината сменилось разочарованием.

– Ты че, думаешь, я совсем псих?! – закричал он, – Думаешь, я не знаю, что я говорил, а что нет?! – он кивнул Марату на Милену. Та громко вдохнула воздух и замерла. – Ты во всем мне признаешься! Еще будешь умолять простить тебя!

Марат подошел к Милене и рывком поднял ее за руку. Эмиль напрягся, когда тот подвел ее к Ринату.

Эмиль мысленно пытался оградить сестру от него. Он не заметил, как направился к ней. Ринат остановил попытку Эмиля подойти, достав из-за спины большой охотничий нож. Он выставил его перед своим лицом и покачал головой, давая знать, что тот должен стоять и не двигаться.

У Эмиля задрожали ноги. Он боялся даже представить, что Ринат пустит этот нож в дело.

– Я ничего никому не рассказывал, – голос у Эмиля со-

рвался.

– Ну да, ну да... По твоему мнению, это я сам?! – наклонившись вперед и впившись одной рукой в кресло, Ринат засмеялся, словно гиена.

Эдгар нервно хохотнул. Он явно жалел о том, что решил прийти сюда.

– Ты не понимаешь, что ли, что он сказал это для того, чтобы мне отомстить! – Эмиль бешено посмотрел на Марата и закричал. – Че, зассал сам разобраться, да? Кишка у тебя толщиной с нитку, ссыкло!

Ринат впал в истерический смех после этих слов. Только теперь Эмиль увидел, что тот снова был под наркотой. В сумерках его глаза сияли неестественно ярким блеском.

В душе этого недочеловека не осталось ни малейшего светлого пятнышка. Он весь был грязно-коричневым, местами черным. Эта тьма расплзалась по нему, растягивая свои щупальца по всему телу. Его ангел-хранитель давно оставила своего подопечного, предпочтя вернуться ко мне. Она не смогла наблюдать, как меняется и самоуничтожается ее сын.

Марат разозлился и сдвинул руку Милены так, что она взвизгнула. Теперь, когда Милена стояла на ногах, Эмиль заметил то, от чего его горло сдавило от ярости. Его затрясло, когда он разглядел на голубых джинсах на внутренней части бедра красные пятна крови.

– Сука, – прошипел Эмиль.

Он уже было бросился к Марату, представляя, как ударит

его голыми руками, как Ринат резко прекратил смеяться и выставил нож перед горлом Милены. Она тихо заплакала. В ее глазах, которыми она впивалась в лицо брата, были непонимание и ужас.

– Не надо резких выпадов. А ты не делай ей больно! – прорычал Ринат. – Отпусти ее, она никуда не отойдет от нас. Ведь так? – он обратился к Милене.

Она несколько раз кивнула в знак согласия. Марату это явно не понравилось. Было глупо не держать под контролем единственный козырь, но он не решился пререкаться с бывшим главарем. От волнения Эдгар встал с ящика и зажег зажигалку, чтобы прикурить сигарету. Темнело очень быстро, поэтому эта вспышка оказалась слишком яркой для расшатанной психики Рината.

Эмиль неслышно произнес губами: «Беги!», пока внимание Марата и раздраженного Рината было приковано к Эдгару.

– Сейчас! – крикнул Левон.

Мгновение и Эмиль со всей силой врезался в Марата. Тот отлетел в стену и упал. Милена уже бежала к выходу, но у самого порога замешкалась. Заметив это, Эмиль заорал во все горло: «Пошла!» Увидев дикую решимость брата, она перестала сомневаться и скрылась в черном коридоре. Ее шаги затихали с каждой новой секундой. Плохо соображавший Ринат понял, что произошло только тогда, когда Милена уже скрылась из виду. Глаза его в бешенстве широко раскрылись.

Эмиль отошел на пару шагов назад, ожидая нападения. Тем временем Марат, держась за голову, только начинал подниматься на ноги. Он хорошо треснулся о стену, и теперь из-под его пальцев ему на воротник текла кровь.

Эмиль пытался оттянуть тот момент, когда перестанет быть преградой между Миленой и этими отбросами. Он сосредоточенно наблюдал за каждым движением всех троих. Эдгар ошарашенно смотрел на Марата, не зная, что предпринять. Марат чертыхался, разглядывая окровавленную ладонь. А Ринат, трясясь от ярости, встал со своего трона. После стольких лет он уже не казался таким высоким. Эмиль вырос и сравнялся с ним. Даже Марат теперь выглядел внушительнее Рината.

Эмиль судорожно перебирал в голове всевозможные варианты: выбить нож у Рината, ударить его первого, затем добить Марата, и пока Эдгар ничего не понял, врезать и ему. Или вначале добить Марата, так как у Рината реакция была сейчас намного хуже. Эдгар в любом случае будет в конце. Успеет ли он среагировать раньше всех троих? Но и реакцию Рината тоже нельзя недооценивать. Вдруг он успеет нанести удар ножом. Хотя, глядя на него, Эмиль подумал, что Ринат в бешенстве совсем забыл про свой нож. Да и Эдгар как самый испуганный может оказаться наиболее опасным. Его лихорадочные мысли резко прервал Левон.

– Беги! – заорал он прямо в лицо Эмилю.

До него наконец-то дошло, что единственный верный ва-

риант – это сбежать. Милена уже достаточно далеко, они не будут ее преследовать. В этом нет смысла – им нужен он.

Эмиль сорвался с места и выбежал из помещения. Эдгар вдруг бросился за ним, но понял, что приказа не было, и остановился прямо в дверном проеме. Он повернулся и уставился на Рината. Тот, брызжа слюнями, заорал нечеловеческим голосом: «За ним!» Эдгар возобновил погоню. Марат яростно вытер руку о куртку и пустился следом. Он хотел догнать Эмиля первым, поэтому очень быстро нагнал Эдгара. Ринат же ещё мог понимать, что Марат может не сдержаться и прибить Эмиля до того, как вернет его к нему. Поэтому, недолго думая, он решил не упускать случая разобраться самим с предателем и тоже побежал за ними.

Эмиль летел по интуиции. Коридор и подъезд были и днем темные, но сейчас, когда на улице сгустилась чернота, разглядеть хоть что-то не представлялось возможным. Он чувствовал запах строительной пыли, хруст грязи под ногами и топот собственных ботинок. Когда он наконец-то разглядел темно-синий выход на улицу, к этим звукам добавился и топот ног его преследователей. Это подстегнуло его бежать еще быстрее. Он не думал, в какую сторону ему направиться. Парень просто нёсся в противоположную сторону от дома Милены. Порывы ветра трепали ему капюшон и волосы. Пронизывающий ветер щипал уши Эмиля. Он забежал за угол стройки и направился в сторону знакомых ему домов.

Он снова бежал. Знакомое чувство лавиной накрыло его с

головой. Горло жгло ледяным воздухом, а он, ничего не соображал. Эмиль всегда убегал от несправедливых взрослых, от непонимающих сверстников, от жестокости союзников, от страха и безысходности. Кто-то скажет, что это низко, но я знаю, что это были самые правильные решения на тот момент. Если бы он не сбежал, когда его унижали учительница и мать одноклассницы, то в ярости ударил бы взрослых людей, и его бы исключили из школы. Если бы он не побежал разбираться с мамой Милены, не встретился бы со своими сестрами. Если бы он не побежал спасти Амалию, Марат постепенно уничтожил бы ее. Если бы он не побежал сейчас, Ринат бы перерезал ему горло.

Левон, как всегда, был рядом, делая шаг, в то время как Эмиль делал пять. Он старался сгладить панику племянника, чтобы направить его бегство в какое-то определенное направление.

– Нужна помощь, – оглядываясь, произнес хранитель.

На улице почти никого не было. Вдали под фонарями виднелась пара гуляющих подруг. У одного из домов стояла старушка, выгуливающая пса. Обратиться было не к кому. Да и как просить помощи у людей, когда знаешь, что Ринат может убить любого, кто ему помешает? Брать ответственность за чужую смерть Эмиль не мог.

– Сюда! – крикнул Марат.

Эмиль уже думал, что смог оторваться от них, но голос Марата вернул его на землю. Из последних сил он ускорился.

Вдруг Эмиль понял, что бежит рядом с домами, где они собирались с Герой на крыше. Он не думая свернул именно к тому самому подъезду. Знакомое место показалось для него спасением.

Эмиль рывком открыл дверь и вбежал в подъезд. Он надеялся на то, что они не успели увидеть, куда он попытался скрыться. Дверь предательски грохнула. Этот звук показался Эмилю невыносимо громким. Он побежал вверх и остановился почти у той самой металлической лестницы, которая вела на крышу. Облокотившись руками о колени и шумно дыша, он стал слушать. Сердце выскакивало из груди, а щеки горели. Он ощущал знакомую вонь и сырость, свойственную всем подъездам. Эмиль затаил дыхание, когда услышал, как через несколько минут открылась дверь. Он ждал и надеялся, что это просто жилец этого дома вернулся с работы.

– Он тут. Жди Рината, – услышал Эмиль эхо знакомого голоса и приближающийся топот кроссовок.

Сердце у него упало в пятки. Он бросился к ржавой лестнице. Взираясь по ней, он уже не думал о том, чтобы соблюдать тишину. С каждым его движением она громко скрипела и билась о бетонный пол.

– Давай, быстрее! – подталкивал его Левон.

Эмиль взобрался на крышу и захлопнул металлический люк.

– Вот их! – подсказал хранитель, указав на большие бетонные блоки, служившие им когда-то столами и стульями.

Эмиль нечеловеческими усилиями положил на крышку люка один, а затем и второй блок. Когда он, запыхавшись, опустил третий, по крышке люка кто-то ударил. Человек на той стороне понял, что люк что-то держит, и стал с остервенением толкать его. Крышка слегка приподнималась, но не более того. Эмиль схватил еще один блок и из последних сил водрузил его на первые три. Стук и ругань Марата на какое-то время прекратились. Он понял, что сам не справится и, видимо, стал дожидаться Эдгара с Ринатом. Минут десять у Эмиля было для того, чтобы отдышаться.

Ветер на крыше нещадно бил его по лицу мокрыми снежинками. Ощущение было такое, будто его резали сотни маленьких лезвий. Солнце совсем скрылось. Эмиль медленно поплелся к краю крыши, раздумывая о том, можно ли с нее выбраться. Он уже жалел о том, что забрался сюда. Огни города отозвались сильнейшей тоской у него в душе. Он представил маму, сидящую сейчас на кухне и пьющую чай. И Милену, должно быть, уже прибежавшую домой. Эмиль достал телефон и набрал домашний номер Милены. На удивление, она сама взяла трубку.

– Алло! – срывающимся голосом крикнула она. Эмиль шумно выдохнул.

– Слава богу, – сказал он.

– Эмиль! Ты где? Что происходит? – он услышал, как она вначале зашмыгала, а потом и вовсе разревелась.

– Ты полицию вызывала?

– Нет еще, я только домой вошла.

– Родители тебя видели?

– Нет пока.

– Хорошо.

И тут Эмиль вспомнил джинсы сестры. Который раз за сегодня его облегчение мгновенно испарилось.

– Милена, это твоя кровь была у тебя на джинсах? – он выдавил эти слова из себя, опасаясь услышать правду.

– Да, – ответила она, – Нет, ой! Эмиль, это не то! Ты не понял! – она сообразила, о чем подумал Эмиль, и запнулась, стесняясь сказать правду. – У меня просто это... ну прокладка.

Просвет в душе Эмиля разбавил темное пятно, до сих пор скручивающееся в спираль. Он потер пальцами глаза, на которых выступили слезы. Ясность сознания возвращалась к нему.

– Слушай, не рассказывай пока что никому ничего, – он замаялся, не зная, как продолжить. – В общем, если с утра я не позвоню, скажи полиции, что во всем виноваты Марат и Ринат. Они быстро вычислят, что к чему. Я, скорее всего, буду на крыше тридцать четвертого дома улицы Революции.

– Что значит «если»? Где ты сейчас, Эмиль?! – закричала она в трубку.

Он сбросил вызов. Эмиль снова подумал про маму. Он написал короткое сообщение и отправил ей. Простые три слова, которые дети так редко говорят своим родителям: «Я те-

бя люблю».

Дрожа от холода, он вслушивался в тишину города и свист жестокого ветра. Послышался скрежет металла. Кто-то пытался поднять крышку люка. Эмиль услышал натужное рычание. Было непонятно, кому оно принадлежит. Бежать уже было некуда. Девятиэтажный дом: рядом ни лестниц, ни балконов.

Металлическая крышка понемногу поднималась, сбрасывая с себя блоки. Он подошел и сделал последнюю попытку забаррикадироваться, положив упавший блок на место и встав поверх него. Поначалу люк перестал поддаваться преследователям, но они смогли каким-то образом уместиться втроем на лестнице и надавить со всей силы так, что Эмиля скинуло с него.

Он отпрыгнул и стал ждать. Пальцы на его руках подрагивали. Он боялся, и Левон боялся вместе с ним, но только вдвойне. Хранитель чувствовал страх племянника и собственный – за жизнь Эмиля.

Блоки с грохотом скатились. Крышка люка откинулась. Первым Эмиль увидел Марата. Он, запыхавшись, взобрался на крышу. Дожидаясь остальных, парень пытался отдышаться. Затем появился Ринат – он словно и не устал вовсе. У него, как всегда, был хладнокровный хищный взгляд, буравящий намеченную жертву. Последний был Эдгар – уставший и потерянный. Эмиль заметил, что их ярость за время погони приутихла.

– Ну и зачем все это было нужно? – начал Ринат.

– Чтобы вы помучились, – прохрипел Эмиль, пожимая плечами. Горло и легкие болели. Ноги, пошатываясь, подвдидили его.

Ринат сделал шаг вперед и достал из-за спины тот самый нож.

– Я так понимаю, тебе бесполезно доказывать мою невиновность?

– Твое поведение само себе доказательство, – Ринат вытер лицо тыльной стороной ладони и двинулся на Эмиля.

Марат и Эдгар последовали примеру главаря и стали медленно подходить к нему. Они пытались отгородить выход.

– Один на один он не победит тебя, – сказал Левон. Эмиля стала бить нервная дрожь. Он сквозь стучащие зубы крикнул:

– Ты трус! Без своих шестерок ничего не можешь! Сам знаешь, что ты слабак, поэтому никогда не будешь драться один на один!

Ринат остановился и удивленно обернулся. Он будто только сейчас заметил Марата и Эдгара.

– Дерись сам, если ты, конечно, не такой же ссыкун, как этот, – Эмиль кивнул головой на Марата.

Нервный смешок вырвался из горла Рината.

– Отошли! – рявкнул он на них.

– Он специально... – начал Марат.

– Молчать! – с остервенением заорал на него Ринат. – Ото-

шли, я сказал!

Марат и Эдгар сделали пару шагов назад. Ринат развел руки в стороны и показал взглядом: «Ну вот видишь, я один». Эмиль напряг все тело, ожидая нападения, но тот не спешил. Он медленно приближался к нему, выставив сбоку себя нож.

– Не лезь первым. Нужно избавиться от ножа, – произнес Левон.

Взгляд Эмиля упал на холодный кусок металла, который был в руке психически больного человека.

Он успел заметить, как Ринат быстро посмотрел на его горло. После этого последовал выпад. Заторможенность бывшего главаря позволила Эмилю увернуться и нанести удар ему прямо в челюсть. Ринат потерял ориентацию и выпустил нож из руки. Эмиль не остановился, он хотел нанести ему еще удар, но Ринат, совсем озверев, схватил его двумя руками за горло и стал вдавливать в него свои большие пальцы. Он повалил Эмиля на землю и уселся на него сверху. Ринат мог бы зарезать его, ему всего лишь нужно было дотянуться до ножа, который лежал у ног Эмиля, но в пылу гнева тот совсем забыл про него. Боль была невыносимая. Эмиль дергал ногами, пытаясь скинуть разъяренного Рината. Он вцепился руками в его запястья. Несмотря на болезненный вид Рината, хватка у него была железная. Эмиль решил, что именно сейчас он и умрет. Не дождавшись его звонка, Милена позвонит в полицию и все им расскажет. Его тело найдут заколоченным и, скорее всего, обезображенным. Мама упадет в обмо-

рок, когда увидит его на опознании. Вряд ли за его смерть кого-то накажут, поэтому она всю жизнь будет мучиться в догадках, за что же убили ее сына.

– Нож! – заорал Левон. – В кармане! Ну же, доставай!

Эмиля прошибло током. Он увидел путь спасения в виде складного ножа, украденного у Марсея, которым раньше пользовался разве только чтобы открывать бутылки пива. Парень оторвал свою руку от запястья Рината и запустил ее во внутренний карман своей куртки. Нащупав нож, он тут же достал и раскрыл его одним движением. Эмиль не мешкал. Боль и нехватка воздуха заставили его действовать решительно. Это был уже вопрос жизни или смерти. Зажмурившись, он ударил Рината в шею. По замерзшим пальцам тут же полилась обжигающе горячая кровь. Эмиль в страхе отдернул руку от ножа и раскрыл глаза. Он увидел бешеное лицо Рината. Свирепый, но в то же время удивленный взгляд не отрывался от его испуганных глаз. Струящаяся по подбородку бывшего главаря черная кровь капала прямо ему на лицо. Ринат захрипел и ослабил хватку. Эмиль рывком разжал его руки и, жадно вдыхая воздух, выбрался из-под него. Схватившись за горло, он подальше отполз от иссекаемого кровью бешеного зверя. Опершись спиной о кирпичную перегородку, парень с ужасом стал наблюдать, как, стоя на четвереньках, Ринат схватился одной рукой за нож и с бешенством вытащил его из шеи. Кровь ручьем полилась на снег. Доносившийся хрип из горла Рината перерос в булькающие

звуки. Он медленно опустил лицо в лужу собственной крови и замер.

Снег еще днем засыпал крышу ровным слоем. Черное пятно крови под Ринатом, расплываясь, растапливало этот снег.

Эмиля всего колотило. Он посмотрел в сторону шестерок Рината. Эдгар уже лез в люк. Перепуганный Марат секунду стоял, таращась на мертвого Рината, а затем следом за приятелем спустился вниз.

Тяжело дыша, Эмиль поднялся и заглянул за край крыши. Голова у него закружилась, от чего огни города бегали перед глазами, словно светлячки. Его стало мутить. Он зажмурил глаза и несколько раз глубоко вдохнул холодный воздух. Быстро поморгав, парень посмотрел вниз. У него получилось на короткое время сфокусировать взгляд на выбегающих из подъезда шавок, оставшихся без хозяина.

Трясущейся рукой Эмиль достал телефон, чтобы позвонить сестре.

глава 15

Эмиль не помнил, как добрался домой. Его сознание было затуманено, словно он был мертвецки пьян. Парень помнил только то, что Нана до смерти перепугалась, когда увидела сына. Она не отходила от него до тех пор, пока тот не заснул. А спал он в эту ночь как убитый, несмотря на терзающие его мысли и переживания о том, что теперь ему придётся сесть в тюрьму.

Ни на следующий день, ни через неделю Нана так и не добилась от него хоть каких-то объяснений по поводу того, что он пришел домой в рваной куртке и с запекшейся чужой кровью на лице. Как она ни старалась, сын ничего не рассказывал ей. Только отмахивался, говоря, что просто подрался и все. Но женщина ясно видела, как он был напуган. Эмиль перестал выходить из дома и только и делал, что бродил из комнаты в комнату. Иногда парень и вовсе целый день сидел в оцепенении у себя в комнате. Из-за простой драки так себя не ведут.

Изо дня в день Эмиль все ждал, когда в дверь начнут громко стучать полицейские, требуя открыть. Первые дни это ожидание мучительно сверлило его сердце. Муки совести пока что не сильно терзали его. В его душе преобладал страх за собственное будущее. Эмиль в ужасе представлял, как его заводят в камеру, где сидят самые низкие и подлые

люди. Ему казалось, что как бы он храбро ни вел себя на свободе, в тюрьме превратится в маленького испуганного мальчика. Думая о всех тех ужасах, которые ему предстоит пройти, он довел себя до грани истерики.

Но никто не приходил. Время тянулось бесконечно. Было ощущение, что мир даже и не заметил такое катастрофически значимое для него событие. С каждым новым прожитым в затворничестве днем страх за свое благополучие понемногу отходил на второй план. На его место пришел ужас, который так и кричал у него в голове: «Убийца!»

Прошла неделя душевных терзаний Эмиля. Он по-прежнему никуда не выходил из дома и только изредка созванивался с сестрой. После всего, что случилось, он все-таки решился рассказать ей обо всем: чем жил раньше и кем были эти парни. Эмиль выложил ей все, кроме того, как на самом деле закончилась драка. Он не врал, а просто сказал, что ему удалось победить, и теперь они могли не опасаться дальнейшего преследования. Она, к удивлению Эмиля, очень спокойно приняла информацию о его прошлой жизни. Но вот при упоминании того вечера у нее задрожал голос. Девушка сама никак не могла оправиться от этого. Расспрашивать о подробностях Милена не собиралась. Она опасалась услышать то, чего не сможет принять.

Через две недели его собственный голос в голове, без конца обвиняющий самого себя в убийстве, вынудил задуматься о том, что пора бы уже выйти из заточения. Чем дольше он

сидел взаперти, тем сложнее ему было решиться выйти наружу. Но важнее для него было прекратить переживания мамы. Она без конца расспрашивала сына о его самочувствии. Ее несчастное выражение лица еще больше угнетало его.

Собравшись с силами, он созвонился с работодателем и договорился о том, чтобы его снова приняли на работу.

И вот наконец он вышел из квартиры. Это оказалось не так уж и страшно. Тяжелее ему далось выйти из подъезда. Эмиль стоял в дверном проеме, держа открытой тяжелую металлическую дверь, и вдыхал морозный воздух. Пар шел у него изо рта. Повсюду были люди. В каждом он видел угрозу. Заставив себя переступить через порог, Эмиль ступил на хрустящий снег. Первые минуты, находясь на улице, он чувствовал, будто за каждым углом стоит Марат или тот, кто хочет сдать его в полицию. Но с каждой последующей прожитой секундой он начинал расслабляться, снова вливаясь в поток жизни. Люди опять стали лишь прохожими, идущими по своим делам. Их безразличные лица придали Эмилю уверенность в том, что, быть может, его и не посадят вовсе. Возможно, его даже и не собирались искать. Ринат не так давно вышел из тюрьмы. В полиции знали, что он был незыблемым и проблемным. Для них то, что его кто-то убил, наверняка не было удивительным. Может, они махнут рукой на это дело?

Эмиль остановился. А может, он и не убивал Рината?! Никто не щупал у него пульс. К нему вообще никто не подхо-

дил. Вдруг он просто был в отключке? Холодок пробежал по его спине. В таком случае Ринат будет мстить. И на этот раз он будет действовать аккуратнее.

В одно мгновение Эмиль пережил весь тот ужас, который ощущал на протяжении двух предыдущих недель. Кто-то потянул его за плечо. Мышцы у него сразу одеревенели, а сердце упало. Обернувшись, он увидел Эдгара. Тот неуверенно, но спокойно кивнул ему.

– Привет! Нужно перетереть, – быстро сказал он.

Эмиль еще не мог прийти в себя, как Эдгар взглядом показал, куда им нужно отойти. Он указал на переулок, где никого не было. Эмиль начал перебирать в голове всевозможные исходы. Там мог быть Марат с оружием, или целая толпа, которую он подговорил, чтобы расправиться с ним. А может быть никого и нет, и сам Эдгар пришел разобраться с ним.

Тот нетерпеливо показал, что разговор срочный. Эмиль неуверенно последовал за ним. Он устал прятаться за эти две недели. Если уж ему предстоит снова драться, пусть будет так. Это лучше, чем сидеть в затворничестве и в неизвестности ожидать чего-то.

Эмиль еще не успел переключить мысли, как Эдгар начал говорить.

– Мне пришлось приходиться сюда каждый день. Я уже перестал надеяться на то, что ты появишься тут. Телефон мне твой не дали в этой чертовой пиццерии. Конспираторы хреновы!

– И для чего я тебе понадобился?

– Не мне – нам, – он шмыгнул красным носом. – Было собрание. Все до одного проголосовали за то, чтобы ты стал главарем.

– Что? – ошарашенно переспросил Эмиль. – Главарем? Что-то я не понимаю.

– Что тут не понимать? Ринат был главным, ты его убил, значит, по праву можешь заменить его.

Слово «убил» резануло Эмиля по сердцу. Произнеся это вслух, Эдгар сделал его реальным. До этого момента Эмиль не хотел признаваться себе, что он убийца.

– Он вышел из тюрьмы и снова стал главным? – выдавил из себя Эмиль, чтобы перевести тему. – Как такое допустили?

Парень потер нос и пожал плечами.

– А кто пойдет против него? Никто не посмел ему возражать.

– Говоришь, все проголосовали за меня?

– Ну да!

– А Марат?

– Ну... – он замялся. – Вообще-то Марата никто не видел с того самого вечера. Он и не был в «семье» до момента, когда Ринат вернулся. Его ведь жестоко изгнали. Он еле живой был. А с Ринатом он снова себя смелым почувствовал, и как ни в чем не бывало вернулся. Наверное, он подумал, что второго изгнания вряд ли выдержит.

– А как же Ринат? Рано или поздно его тело найдут и установят, что именно я его... – у него не поворачивался язык сказать это слово.

– Не найдут, – прервал его мучения Эдгар. – Мы убрали его в ту же ночь.

– В каком это смысле убрали?

– Может, ты придешь сегодня на сходку и там все тебе объяснят?

Видно было, что ему не нравился этот разговор. Эдгар через силу объяснял все Эмилю. Но от его слов зависело, прекратятся ли душевные терзания Эмиля, поэтому он не отстал бы сейчас от него ни за что на свете.

– Нет! Говори сейчас! – потребовал Эмиль.

– Пф-ф! Ладно. Я сразу после смерти Рината собрал основной костяк. Все рассказал. Мы решили, что его тело слишком много шума произведет. Начнут розыски, будут места наших пастбищ контролировать. А на фиг нам это надо из-за какого-то психа. Рано или поздно он должен был содохнуть. Мы страдать из-за него не собирались. Решили почистить все, а тебя сделать главным. Ты давно должен был стать им. Сам знаешь. Обратились к верхушке. Они нам помогли увезти тело в лес. Теперь мы им должны прилично. Они не хотели подчищать за какими-то малолетками, но когда узнали, что там Ринат, сразу согласились. Видимо, он был крепко связан с ними, и те побоялись, что выйдут и на них. Тело очень быстро убрали, никто и не заметил.

Эмиль молча переваривал все сказанное. Один огромный камень свалился с его плеч. Теперь он может не переживать за то, что его посадят.

– Понятно, – задумчиво произнес Эмиль.

– Ну так и? – нетерпеливо спросил Эдгар.

– Что?

– Ты придешь сегодня на сходку?

Эмиль покачал головой.

– Хорошо... По-другому давай. Когда ты придешь?

– Никогда. С чего вы решили, что я вообще хочу этого?

Эдгар был искренне удивлен. Он с глупым выражением лица тарасился на Эмиля.

– Как?

– Вот так! Я не хочу в это влезать. Это ваша жизнь, не моя! Мне это надоело!

– Мы подчистили за тобой! Ты нам должен!

– Вы подчистили за собой и своим бывшим главарем! Я не буду отвечать за поступки, как ты выразился, какого-то психа! Нужно было лучше думать, когда вы беспрепятственно дали ему снова стать главным.

– Тогда мы сдадим тебя! – в злобе выкрикнул Эдгар и с угрозой двинулся к нему.

Эмиль даже не пошевелился. Хладнокровие вновь вернулось к нему.

– Давай! – тихо произнес он. – Заодно не забудьте рассказать, кто убрал тело.

Эдгар не знал, что ответить. Он молча смотрел, как Эмиль разворачивается и уходит в сторону пиццерии. Эмиль услышал грохот металла и чертыхания Эдгара у себя за спиной.

Целый день Эмиль находился в собственных мыслях. Ему не давали покоя слова Эдгара. К концу рабочего дня он уже был не в силах терпеть. Парень решил сразу после работы прийти на ту самую крышу. Ему хотелось лично убедиться в том, что там больше нет тела Рината. Ему просто необходимо было это видеть.

Когда он карабкался по той самой металлической лестнице, его сердце вновь забилось в каком-то неистовстве. Взобравшись, он увидел только ровный слой снега. Пробираясь сквозь сугробы, Эмиль подошел к тому месту, где умер Ринат. Он стал отбрасывать снег ногами в разные стороны, в страхе ожидая наткнуться на окоченевшее тело. Ничего не было: ни тела, ни ножа, ни даже крови. Для надежности он расширил область поиска, раскидав рыхлый снег в небольшие кучи. Ничего.

До конца успокоившись, Эмиль подошел к краю крыши и сел на нее. Левон сел рядом и обнял его за плечи. В душе у парня были и радость, и боль. Он радовался тому, что из его жизни навсегда исчезнут все эти люди, что отравляли ему жизнь и его самого. Боль в его сердце была от того, что, несмотря на то что все закончилось, он стал таким же, как и они. Эмиль посмотрел на свои ладони. Он пытался привыкнуть к мысли, что эти руки принадлежат убийце.

– Все будет хорошо, – сказал Левон.

Эмиль покачал головой и тихо произнес: «Все будет хорошо».

Теперь в душе Эмиля навсегда появилось черное пятно. После того как он убедился в том, что действительно убил Рината, это пятно обрело четкие очертания. На светлом фоне оно было словно черной дырой. Ему не было там места, но отныне оно будет там. Эмиль со временем смирится с ним. Но он не станет подкармливать эту тьму, поэтому оно никогда не разрастется и не поглотит его свет. Эмиль повзрослеет и станет хорошим человеком.

Судьбы у всех людей разные. Кто-то не прикладывает никаких усилий для того, чтобы быть хорошим человеком. А кто-то все время борется с внутренней темнотой, чтобы остаться добрым для своих родных. Но судьба такова, что будь ты самым добрым человеком, это все равно не гарантирует тебе того, что ты никогда не замараешь свою душу. Бывают в жизни вещи, которые вынуждают людей поступить плохо. Поэтому среди людей не бывает абсолютного зла или добра. Есть зло, которое поглотило добро, а есть добро, которое пробивается сквозь зло.

Ринат изначально не был плохим человеком. Постоянные избиения пьяным отцом заставили маленького мальчика защищаться. Он не хотел убивать отца – просто хотел перестать испытывать страх и боль. Это случайное убийство отметило его душу черной кляксой, которая продолжала с каж-

дым годом расти и расти. А все потому, что после смерти мамы он больше никогда и никого не пускал в свое сердце. И даже собственную мать, которая была ему хранителем. Он пытался заглушить одиночество алкоголем и наркотиками. Не ощущая любви и поддержки, Ринат постепенно стал тем, кем был в момент своей смерти. Его я спасти уже не смогу. Его изначально белую душу забрала тьма. Я любил его так же, как и всех своих детей. Он не был виноват в том, что зло в его душе росло. Как и его отец не был виноват в том, что просто страдал после смерти жены. Он не умел по-другому справляться с душевной болью, кроме как пытаясь заглушить ее алкоголем. Его не научили этому родители.

Эта цепочка бесконечна. Поэтому единственный, кто виноват, – это тот, кто наделил людей всеми чувствами. Эта цепочка всегда будет вести ко мне.